

Мауро Галлени

СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

**В
ИТАЛЬЯНСКОМ
ДВИЖЕНИИ
СОПРОТИВЛЕНИЯ**

Mauro Galleni

**I partigiani sovietici
nella Resistenza italiana**

EDITORI RIUNITI

Мауро Галлени

СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

**В
ИТАЛЬЯНСКОМ
ДВИЖЕНИИ
СОПРОТИВЛЕНИЯ**

**Перевод с итальянского
под редакцией
*Е. А. Бродского***

**Издательство «Прогресс»
Москва 1970**

Переводчики *А. Д. Данилов* и *А. А. Крылов*.

Исторический очерк итальянского общественно-го деятеля и публициста Мауро Галлени «Советские партизаны в итальянском движении Сопротивления», выходящий в русском переводе в сокращенном виде, является плодом многолетнего труда автора.

Книге предпослано предисловие Генерального секретаря Итальянской коммунистической партии Луиджи Лонго.

М. Галлени тщательно изучил материалы архивов провинций Италии, в которых шла партизанская борьба, опросил многих руководителей и участников движения Сопротивления. Он приводит в этой книге много примеров малоизвестных героических подвигов, совершенных советскими гражданами, рассказывает об их братском боевом сотрудничестве с итальянскими патриотами-антифашистами в годы второй мировой войны.

Послесловие к русскому изданию книги написано Д. Булановым и Н. Горшковым.

*Редакция литературы по вопросам международных отношений
и истории*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга является результатом долгих, трудных и неутомимых поисков. Ее появление свидетельствует о стремлении воздать должное пяти тысячам советских граждан, военнопленных, оказавшихся в Италии и сражавшихся бок о бок с нашими партизанами в рядах движения Сопротивления. Свыше четырехсот из них погибло в этой борьбе. Они отдали жизнь за освобождение Италии и Европы от фашистского ига. Быть может, когда розыски будут завершены, указанное выше число участников борьбы и количество павших окажутся еще большими. Но уже и сейчас излагаемая ниже и остававшаяся почти неизвестной глава итальянского движения Сопротивления наводит на ряд размышлений. Во-первых,—и мысль эта возникает с наибольшей силой,—очевидна широта симпатий, с которыми встретились в Италии советские граждане. Трудно забыть эпизоды, связанные с именами Марии Пагано, которую советские военнопленные называли матерью, или дона Паскуино Борги. 20 лет фашистской диктатуры, антисоветская пропаганда и даже злосчастная война, в которую была ввергнута Италия, не смогли вытравить у нашего народа чувств, овладевших в октябре 1917 года наиболее передовой частью итальянских трудящихся в связи с победой Октябрьской революции, когда на развалинах старой царской империи началось строительство первого в мире социалистического государства, которое с первых же дней начертало слово «мир» в программе своей и на знаменах своих. Теперь это были уже чувства не только такой—хотя и замечательной, но численно небольшой—группы людей. Итальянский народ, стремившийся освободиться от фашизма и следовать иным пу-

тем, путем мира, демократического обновления и прогресса, видел в лице СССР не своего врага, а страну, вносящую самый большой вклад в дело борьбы за свободу всех народов Европы, вклад, стоивший жизни двадцати миллионам советских граждан, павших в боях против фашизма. Пять тысяч советских борцов итальянского движения Сопротивления имели возможность ощутить эти чувства симпатии даже тогда, когда они находились еще на положении военнопленных. В дальнейшем силу этих чувств они ежедневно ощущали в боевом братстве, заложившем семена той итало-советской дружбы, необходимость которой отождествляется для нашей страны с необходимостью прогресса и развития, дружбы, которой горды не только коммунисты, но и многочисленные иные социалистические и демократические силы, последовательно отстаивавшие ее в послевоенный период даже тогда, когда итальянские правящие классы и различные итальянские правительства, ведя холодную войну, пытались воздвигнуть между нашим народом и советскими народами стену непонимания и вражды.

Другой мыслью, неизбежно овладевающей человеком, читающим эту книгу, является мысль о том, что теперь, двадцать с лишним лет спустя после окончания второй мировой войны, необходимо, чтобы все было наконец пущено в ход для обеспечения мира и безопасности в Европе и во всем мире, прекращения всякой агрессии и предоставления каждому народу права на свободу и национальную независимость путем проведения политики мирного сосуществования. Ведь есть еще страны и даже целые районы земного шара, где это право до сих пор попирается, где чужеземная агрессия, чужеземная оккупация являются трагической реальностью и где народы вынуждены идти на тяжкие жертвы, чтобы утвердить свое достоинство и волю к независимости. Эта книга, представляющая собой хронику одного из аспектов итальянского движения Сопротивления, призывает нас к таким высоким и благородным целям, лежавшим и в основе движения Сопротивления, как борьба за более справедливый мир, за мир без войн и угнетения, мир без голода, без дискриминации, мир, при котором был бы преодолен существующий ныне контраст между развитыми странами и странами развивающимися, мир, в котором установилась бы новая система

международных отношений и осуществились идеалы, которые всегда вдохновляли и продолжают вдохновлять всех борцов движения Сопротивления.

Идеалы, объединявшие вчера тысячи итальянских и советских партизан, побуждают нас сегодня с еще большим упорством трудиться на благо дальнейшего расширения отношений дружбы и сотрудничества между Италией и Советским Союзом. Эти отношения являются важным условием мира и безопасности в Европе. Разумеется, имеет определенный смысл и тот факт, что эта книга выходит в свет в то время, когда исполняется 50-я годовщина Октябрьской революции — события, имеющего решающее значение в истории нашего столетия и в истории человечества.

Европа и Италия в годы движения Сопротивления имели возможность полностью оценить значение существования Советского Союза, решающий вклад в борьбу за свободу, внесенный первым социалистическим государством. Частью этого вклада, важным моментом в создании отношений дружбы и сотрудничества между нашими странами явилось участие 5 тысяч советских граждан в освободительной борьбе в Италии. Напомнить о нем сейчас, в 50-ю годовщину Октябрьской революции, значит содействовать тому, чтобы эти отношения не только больше не нарушались, но и развивались еще успешнее, в общих интересах наших народов, в интересах мира.

Луиджи Лонго

Ноябрь 1967 года

Сдавая в печать книгу «Советские партизаны в итальянском движении Сопротивления», я хотел бы поблагодарить тех, кто принимал участие в ее создании.

Особую признательность выражаю Луиджи Арбиццани, Адельмо Беллелли, Джузеппе Бригенти, Карле Каппони, Лучано Казали, Марио Кандотти, Джорджо Коллива, Пьетро Комолло, Лоренцо д'Агостини, Карло Фарини, Филиппо Фрассати, Джан Баттиста Ладзанья, Лине Мерлин, Джованни Сербандини (Бини), Джованни Верни, Лино Дзокки, Национальной ассоциации итальянских партизан (АНПИ), Обществу «Италия — СССР», Советскому Комитету ветеранов войны и кавалеру Золотой медали итальянского движения Сопротивления Арриго Больдрини.

Я буду признателен всем, кто пожелает прислать мне свои замечания, новые свидетельства и документальные материалы, что даст мне возможность пополнить это исследование, являющееся лишь первым вкладом в дело окончательного освещения данной темы.

Я хочу также отметить, что многие из приводимых здесь имен и фамилий советских партизан воспроизводятся довольно приблизительно, поскольку взяты они из документов описываемого периода, в которые, как правило, вносились в искаженной транскрипции.

М. Г.

МЫ ВЫПОЛНИЛИ СВОЙ ДОЛГ

Розыски, предпринятые в 45 провинциях, то есть почти повсюду, где действовали партизанские отряды, показали, что с 8 сентября 1943 года до полного освобождения всей итальянской территории от фашистов, иными словами до 10 мая 1945 года, бок о бок с итальянскими партизанами сражался 4981 советский партизан и что 425 из них пали в бою. Эти данные относятся лишь к части (хотя и значительной) тех 724 партизанских бригад, которые существовали в Италии на 25 апреля 1945 года. Можно поэтому утверждать, что участие советских людей в освободительной войне было в количественном отношении, несомненно, более значительным, чем это пока известно. Однако и имеющиеся данные свидетельствуют о том, что размеры вклада, внесенного в итальянское движение Сопротивления советскими людьми, значительно превышают общий вклад англичан, американцев и граждан других стран, которые, как и большинство советских партизан, были бывшими пленниками немцев.

В августе 1943 года в Италии находилось примерно 80 тыс. военнопленных различных национальностей, и участь их, пишет Фрассати, вызвала серьезное беспокойство союзников. Опасаясь отправки пленных в Германию, они с самого начала переговоров о перемирии потребовали от итальянского правительства обязательства (что было потом включено в соглашение о перемирии, заключенном в Кассибиле) своевременно принять все необходимые меры, чтобы пленные не попали в руки немцев. Хотя королевское правительство и игнорировало указанную проблему, эта статья соглашения была выполнена: об этом по собственной иници-

циативе позаботились население страны и зарождавшиеся организации движения Сопротивления, в первую очередь «Служба помощи союзным военнопленным», созданная Комитетом национального освобождения Милана. Тысячи бежавших из лагерей военнопленных нашли в сельских местностях приют и помощь, а впоследствии смогли перебраться через линию фронта или бежать в Швейцарию; другие же предпочли примкнуть к первым партизанским отрядам. К последнему решению приходили сравнительно многие, но их все же было меньшинство, примерно 15%¹ всех бывших военнопленных. Однако если учитывать только бежавших из плена советских людей, то соответствующая цифра возрастет по меньшей мере до 90%¹: среди них стремление идти в горы, к партизанам, носило массовый характер¹.

Позднее тем же путем пошли несколько тысяч советских людей, оказавшихся в Италии вследствие того, что немцы силой мобилизовали их на принудительные работы.

Уважение и доверие местного населения и итальянских товарищей по борьбе послужило поддержкой партизанам-иностранцам, особенно советским, в их благородном и смелом деле. Вот, например, приказ единого командования гарибальдийских бригад и бригад «Фьямме Верди», действовавших в области Реджо-Эмилия, переданный всем советским гражданам, входившим в состав партизанских частей этой области, в связи с 27-й годовщиной Октябрьской революции:

«Патриоты области Реджо-Эмилия, верные выразители чаяний всего итальянского народа, шлют всем вам, сражающимся на нашей земле за дело освобождения Италии от фашистского ига, свой братский привет. В этот исторический день мы с глубокой признательностью думаем о вас, не колеблясь взявшихся за оружие, чтобы помочь нам в нашей вооруженной борьбе.

Одновременно через вас мы шлем горячий привет Красной Армии, покрывшей себя славой в великих сражениях с гитлеровскими бандитами, поправшими все

¹ См.: F. Frassati, I partigiani sovietici nella Resistenza italiana, «l'Unità», 16 marzo 1966.

принципы человечности и справедливости. Русские патриоты, мы уже близки к победе, близится конец нашим испытаниям. Так будем же продолжать упорно бороться — и мы сможем завтра сказать народу: «Мы выполнили свой долг».

Русские патриоты, итальянский народ знает, как много вы сделали и продолжаете делать для освобождения страны. Будьте уверены, что наш народ не забудет этого и будет вам вечно благодарен»¹.

Подобные чувства, живо проявлявшиеся во всех партизанских районах с момента возникновения там первых отрядов, несомненно, способствовали решимости советских людей вырваться из плена. Конечно, если бы не симпатии итальянского народа, если бы не существовало партизанского движения, постепенно распространившего свои действия на все центральные и северные районы страны, побеги советских людей из неволи были бы сопряжены с более значительными трудностями. Но отмеченное обстоятельство все же не могло являться для советских людей единственным стимулом к побегам из плена. Ведь немцы держали русских под неусыпным наблюдением, и любая их попытка к бегству была связана со смертельным риском. Больше того, для многих советских людей это кончалось гибелью.

Стало быть, должна была существовать и какая-то иная причина, заставлявшая их рисковать жизнью, чтобы стать в ряды партизан и бок о бок с ними мужественно бороться против врага. Такой причиной было желание вновь взяться за оружие и бороться с врагом Родины, бороться за освобождение Италии и всей Европы от фашистской тирании. Это были те же побуждения, те же идеалы, за которые сражались героические защитники Сталинграда, борцы Соппротивления в Италии и во всей Европе.

ПЕРВЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМПАТИИ

Первые советские военнопленные прибыли в Италию из Германии в январе — апреле 1942 года. Это в большинстве случаев были люди, попавшие в плен в первые недели нападения гитлеровцев на Советский Союз; их

¹ Архив АНПИ в Реджо-Эмилии.

доставили в Италию для использования на фортификационных работах вдоль побережья Лигурийского и Тирренского морей, а также для строительства объектов противовоздушной обороны в таких важных промышленных центрах, как Милан, Турин, Генуя. Население Италии сразу же проявило к советским военнопленным чувства симпатии и солидарности. Вот некоторые примеры.

В Савоне советские военнопленные появились к концу весны 1942 года. В течение трех месяцев колонна их под усиленным вооруженным конвоем немцев ежедневно проходила через город, направляясь на господствующий над Савоной холм Сан-Лоренцо, где они рыли ходы сообщения и сооружали военные склады. Колонна насчитывала примерно шестьдесят человек, и все они были изнурены из-за недоедания и тяжелого труда, к которому их принуждали гитлеровцы.

Савона — это рабочий город с сильными антифашистскими традициями: здесь в течение всего 20-летнего периода фашизма действовала нелегальная коммунистическая организация, и все рабочие Савоны с надеждой смотрели на Советский Союз. Эта надежда не угасала даже тогда, когда фашистская пропаганда твердила о «легкой прогулке» немцев по советской земле. Чувства симпатии жителей Савоны к Советскому Союзу и вера в него нашли себе выход в отношении к советским военнопленным, которым мужчины и женщины выражали, как умели, свою солидарность. Немало женщин приходило каждый день на холмы, где работали советские люди, выжидая случая, чтобы сунуть пленному кусок хлеба, несколько сигарет, как-то утешить. Иные выходили на дорогу, по которой вели пленных, чтобы передать им хоть самую малость чего-нибудь, ободрить хоть одним словом, которого пленные могли и не понимать, но смысл которого до них доходил. Советские люди пробыли в Савоне три месяца, а потом их куда-то неожиданно увезли. Окружавшая пленных атмосфера симпатии начинала приобретать политическую окраску, чего не могли, конечно, не заметить немцы и итальянские фашисты¹.

¹ Свидетельство Пьеро Молиари.

Однажды в соседнем с Савоной городе Империя, неподалеку от Диано-Кастелло, один рабочий увидел худалого, бледного и истощенного от голода и усталости советского военнопленного. Рабочий взял кусок хлеба, который должен был служить ему обедом, и протянул его военнопленному. Но тут появился немецкий солдат, с яростью вырвавший хлеб из рук советского человека. Затем солдат стал бить его прикладом винтовки в грудь, по ногам, куда попало, пока наконец бедняга, обливаясь кровью, не свалился на землю. Эта невиданная жестокость вызвала немедленную реакцию тех, кто оказался вблизи; только грубое вмешательство других немцев помешало итальянцам как следует проучить нациста¹.

МАТЬ ИЗ МИЛАНА

Такие же чувства солидарности были проявлены в Милане, Турине и других итальянских городах.

«Первых русских военнопленных,— вспоминает Умберто Массола²,— я увидел во второй половине ноября 1942 года в Милане, на привокзальной площади центральной железнодорожной станции. Их было двое: конвоируемые немецким солдатом, они тащили нечто вроде огромной кастрюли. Одеты советские люди были в выгоревшие на солнце, покрытые пятнами гимнастерки. У каждого на спине виднелась большая буква «К». Я присоединился к группе людей— их было около двадцати,— чье внимание привлекли военнопленные и их конвоир. Немецкий солдат, вооруженный автоматом, оказался единственным, кто улыбался: он, видимо, был удовлетворен тем, что ошибочно принимал за проявление «провинциального» любопытства, но что, судя по выражению лиц и взглядам, в действительности было отчетливо различимым возмущением по поводу того, что символизировал этот солдат».

¹ Свидетельство Карло Фарини.

² У. Массола — руководящий деятель Итальянской коммунистической партии, вернулся в августе 1941 года на родину для организации подпольного центра Итальянской коммунистической партии и руководства им.

Пренебрегая своим нелегальным положением и тем обстоятельством, что он был нагружен листовками, которые ему предстояло доставить в Турин, Массола еще долго шел за пленными по улице Пизани, надеясь, что ему как-нибудь удастся выразить им свою солидарность, как-то приободрить их. Однако надежда оказалась напрасной. Пленные все время шли, опустив по приказанию конвоира голову, и смотрели себе под ноги.

Солидарность с советскими людьми, находившимися в Милане, проявлялась разнообразно. Приведем один из примечательных примеров такой солидарности. Было это осенью 1942 года. На северо-восточной окраине Милана, близ железной дороги в Швейцарию, 15 советских пленных работали на строительстве площадок для орудий зенитной артиллерии. Среди них находились Алексей Денежкин из Москвы и Федор Еременко с Украины. «С первых же дней,— вспоминает Еременко,— итальянцы, узнав, что мы русские, подходили к нам группами и в одиночку, чтобы выразить свои чувства симпатии, подмигивая в сторону Востока и говоря: «тедески капут» («немцам капут»). Прошло немного времени, и измученные голодом, изможденные пленными стали находить у себя в бараке пакеты и свертки с едой: хлебом, картошкой, сыром, фруктами.

А дело было так. Однажды жившая неподалеку, на улице Форланини, в доме №21, Мария Пагано увидела, как пленные, мучимые голодом, подбирают с земли отбросы. С этого момента, несмотря на трудности и лишения, она через итальянцев, работавших вместе с советскими людьми, стала передавать военнопленным пищу.

Однажды пленным удалось увидеть свою благодетельницу, Марию, когда она во время прогулки проходила с мужем вблизи лагеря, где немцы держали их взаперти. Рабочие рассказывали им, как выглядит Мария, и они сразу узнали ее. Несколькими днями позже один из тех, кто работал с русскими, передал Марии Пагано письмо следующего содержания:

«Любезнейшая синьора, мы, русские пленные, от всего сердца благодарим вас за то, что вы для нас делаете. Когда мы смотрим на вас, то невольно вспоминаем о своих незабываемых матерях, оставшихся у нас на любимой родине. Вам придется извинить нас,

но все мы зовем вас матерью. Немцы часто оставляли нас без еды, и, если бы не вы, кто знает, что бы с нами стало. Мы просто не знаем, как вас благодарить. Если мы останемся в живых и вернемся к себе домой, мы вас никогда не забудем. Вы на всю жизнь останетесь у нас в сердце...»

Под письмом стояли подписи: Федор, Владимир, Александр, Григорий, Гусиев, Иван и Никита. Мать, как они теперь называли Марию Пагано, получила от них еще три письма, подписанных так же. На двух письмах не указана дата.

«Мы от всего сердца вам благодарны за помощь,— писали пленные во втором своем письме.— Все, что вы даете рабочим, они нам передают. Дороже всего нам привет ваш, когда вы машете нам платком. При виде вас наши сердца наполняются радостью. Мы никогда не забудем вас и, если останемся живы, будем рады возможности отблагодарить вас. Немцы нас истязают, но солидарность ваша помогает нам переносить любые невзгоды. Просим вас, дорогая мама, не тратьте на нас столько денег. Мы знаем, что в Италии с продовольствием плохо, а цены высоки. Передайте сердечный привет своему мужу и своему сыну. Поблагодарите всех тех, кто приходит приветствовать нас...»

Четыре месяца изо дня в день Мария Пагано снабжала советских людей продовольствием. В марте 1943 года разнеслась весть, что немцы решили отправить их в Германию. «Дорогая мамочка,— писали военнопленные,— бесценное ваше письмо получили и все поочередно прочли его. Вы помогаете нам материально и морально в такое тяжелое время, когда наши братья проливают свою кровь и решается судьба нашей родины, а мы томимся в лапах врага. Но кто поверил бы, что в далекой Италии мы нашли вторую мать, любящую нас, как если бы мы были ее сыновьями? Мы не знаем, чем закончится этот наш плен, не знаем, удастся ли нам рассказать своим матерям, что в Италии мы нашли вторую мать, которая заботилась о нас, словно о своих детях. Мы не знаем, заслуживаем ли мы хотя бы половины того, что вы для нас делаете. Мы дали клятву, что, где бы мы ни оказались, мысль о вас всегда будет самой первой нашей мыслью, а ваши слова — «наберитесь терпения, терпите ради доброго будущего

го» — помогут нам вынести несчастья, которые случатся с нами. Скоро нам придется покинуть вас, и тогда наступят еще более тяжелые дни. Мы покидаем вас с глубоким огорчением, мы лишаемся вас, но в памяти своей всегда будем хранить ваш облик. Чтобы память о вас не изгладилась, нам хотелось бы иметь вашу фотографию. Мы не хотим забывать ни вас, ни вашего мужа, ни вашего мальчика. Поблагодарите также синьору Валлини...»

Узнав о том, что военнопленных увозят в Германию, итальянские рабочие устроили им краткую встречу с Марией Пагадо и ее мужем. Произошло волнующее прощание, и Мария, как просили пленные, передала им фотографию, на которой она была снята с мальчиком¹. Потом, 9 апреля 1943 года, пришло последнее письмо:

«Папа и мама, мы уезжаем навсегда и покидаем Италию, где мы имели счастье повстречать мать и отца, а теперь нам предстоит отправиться в проклятую Германию, где нас ждут голод и жестокость. Мы потеряли своих родителей, но вновь обрели их в далекой Италии в вашем лице. Мы были счастливы. Каждый день, когда мы видели, что вы подходите, мы радовались, словно дети. Но вот на нас обрушилось новое несчастье, этот отъезд, и поэтому по воле врага нам приходится распрощаться. Папа и мама, в этот последний час мы вновь хотим вам сказать, что, если нам повезет, если мы останемся живы после всего того, что нас ожидает в Германии, мы будем вспоминать о вас с благодарностью, мы сохраним ваш образ в своем сердце. Ваша фотография будет переходить из рук в руки, фотография женщины, которая, жертвуя собой, помогала нам вынести плен. Наши родители, жены и внуки всегда будут помнить вас и чтить. Прощайте!.. Целуем вас, как сыновья».

Состав с пленными отправился в Германию. Федор Еременко, подпись которого тоже есть под письмом, сумел в 1945 году, на венгерской территории, бежать из плена. Алексей и остальные пленные были освобождены Красной Армией на австрийской территории в последние дни войны.

¹ Это был сын Джованни Валлини, которая жила в том же доме, что и Мария Пагадо.

СОВЕТСКАЯ МОНЕТА

В Турине, в различных местах города, где немцы установили свои артиллерийские батареи, в декабре 1942 года находились советские военнопленные, занятые подневольным трудом. Когда весть об этом дошла до Умберто Массола, он по согласованию с Клоккьянти, являвшимся тогда инструктором Коммунистической партии в Турине, разослал всем коммунистическим группам директиву установить контакт с русскими военнопленными и организовать им посильную помощь.

Дети Лючано и Джузеппины Моля, у которых скрывался Массола, однажды рассказали, что видели русских военнопленных, но только издалека, так как охранник-немец никому не разрешал подходить к ним близко. Прошло немного времени, и ребята разузнали, что немцы заставляют военнопленных выполнять самую тяжелую работу и что они их почти не кормят.

Скудный хлебный паек супругов Моля, который они делили с Массолой, не имевшим продуктовых карточек, сократился теперь на добрую половину. Получив соответствующие наставления от матери, Эрнесто и Пьеро стали обманывать бдительность немецких караульных и передавать хлеб пленным русским: гоняясь друг за другом, они достигали той черты, дальше которой часовой не пускал, а затем, продолжая играть, дети незаметно начинали следить за немцем и, когда он поворачивался к ним спиной, поднимали высоко над головой принесенный кусок хлеба. Когда кто-нибудь из пленных замечал это, они клали хлеб на землю и убегали.

Два дня подряд Эрнесто и Пьеро приходили на одно и то же место и всякий раз затевали свою игру. Оставленного ими хлеба они потом уже не находили. Но доставался ли он военнопленным? На третий день ребята получили убедительный ответ: на месте, где они оставляли хлеб, пленные положили советскую монету.

Это было доказательство того, что хлеб попадал по назначению. Монета с изображением серпа и молота в окружении хлебных колосьев, которую принесли домой дети, вызвала большой интерес и прилив чувств симпатии к СССР среди жителей Грульяско и Реджина-Маргерита, впервые увидевших монету с эмблемой единения трудового народа.

Основываясь на указанных фактах и соблюдая необходимую осторожность, Массола опубликовал в газете «Унита» 10 декабря 1942 года заметку под заголовком «Пленные в фашистской Италии». В ней говорилось: «Недавно караульный рассказал, что на работах по обслуживанию одной из немецких артиллерийских батарей используется 12 молодых русских пленных. Им не гарантировано необходимое для жизни питание: они кормятся остающимися после немцев объедками. Вынося ежедневно с кухни отбросы, они выбирают среди них и едят то, что меньше отдает гнильем. Если бедным ребятам перепадет от прохожих несколько сигарет, то немцы эти сигареты у них отбирают, а прохожим делают резкое замечание».

Спустя месяц, 10 января 1943 года — это было в 5 час. 45 мин. утра, — Массола находился на станции Реджина-Маргерита. Он ждал трамвая Риволи — Турин. Когда трамвайный вагон подошел, он заметил на его площадке трех русских военнопленных и немецкого унтер-офицера. Работая локтями, Массола, насколько это было можно, пробился к одному из пленных и шепотом произнес приветствие по-русски. Продолжая затем говорить по-русски, он сообщил пленному, что Красная Армия предприняла большое наступление, освободила многие сотни населенных пунктов, окружила 22 немецкие дивизии и много дивизий немцев уничтожила.

«Пленный русский, — вспоминает Массола, — посмотрел на меня, ничем не выдав своих чувств, и лишь прошептал: «Будьте осторожны! У немцев есть приказ немедленно стрелять в тех, кого застигнут на разговоре с нами». В тот же день, передавая в Милане печатникам материал для свежего номера газеты «Унита», который должен был выйти 14 января 1943 года, я распорядился, чтобы статье «Победоносное наступление советских войск» было предпослано обращение к итальянцам под красноречивым заголовком: «Гитлеровцев громят и изгоняют из СССР. Давайте же и мы будем бить их и изгонять с итальянской территории».

В январе же 1943 года в руки группы туринских коммунистов попала фотография, на которой был изображен немецкий солдат, в звериной ярости избивавший русского пленного. Спустя некоторое время эту фо-

тографию размножили в формате открытки, снабдили соответствующим пояснительным текстом и распространили в сотнях экземпляров.

В ответ на это на стене близ кинотеатра «Альпи», что на улице Гарибальди, был расклеен еженедельник фашистской федерации, воспроизводивший ту же фотографию и пытавшийся доказать — это взял на себя сам секретарь федерации, — что снимок был сделан не в Турине, а в Африке и что мучитель не немец, а жертва не пленный русский.

Неуклюжая попытка вмешательства явно свидетельствовала о том, что фотографический документ об истязаниях пленных русских вызвал у трудящихся прилив солидарности и сочувствия к советским людям, что итальянские трудящиеся были так глубоко возмущены действиями нацистов и их итальянских союзников, что последние вынуждены были выступить с публичным опровержением фотодокумента¹.

СОЛИДАРНОСТЬ ШИРИТСЯ

Чувства солидарности по отношению к военнопленным стали проявляться во всей широте в дни, недели и месяцы, которые последовали за 8 сентября 1943 года. Даже угроза смертной казни не могла заставить итальянцев отступить от своих намерений. Создав «комендатуры» во всех городах и селениях, немцы в своих объявлениях, написанных на двух языках и расклеенных на главных улицах, грозили уничтожением жилищ и населявших их семей, грозили смертью «всем тем, кто укрывал или предоставлял приют или же в какой-либо форме имел контакт с военнопленными».

Подлинными героинями тех дней оказались женщины². Их отношение к бывшим солдатам-итальянцам и к бежавшим из лагерей военнопленным не могло быть продиктовано какими-то соображениями прямой выгоды. Оно не могло рассматриваться и как следствие подлинной политической убежденности. Женщины вообще не знали в то время о многих событиях, основ-

¹ Свидетельство Умберто Массоли.

² О помощи, оказывавшейся военнопленным из войск союзников, см.: G. Calogero, *Un pugno di farina*, «Mercurio», а. I, 1944, р. 122—125.

въясь на которых можно было бы судить о делах международной политики. Они знали только, что Муссолини навлек на Италию и итальянцев большие бедствия, что немцы пришли в Италию грабить и убивать, что надо помогать тем, кто стремится вырваться из их лап. В каждом солдате матери видели сына, заброшенного бурей войны далеко от дома. Предлагая ему свою помощь, они чувствовали, что делают нечто такое, что не может не побудить поступать подобным же образом другую далекую мать, которая с мыслью о собственном сыне даст приют и пищу и их сыновьям¹.

До этого мы знали о твердости характера итальянских женщин по эпизодам, связанным с именами героинь первого Рисорджименто. Еще более свежей была в памяти их стойкость перед лицом фашистской реакции — арестов, судебных процессов, допросов, — жертвами которой оказывались либо они сами, либо их близкие и родные². Можно было бы предположить, что речь идет об исключительных случаях, имевших место во время войны против немецкой оккупации. Однако факты свидетельствуют, что это не так, они свидетельствуют о том, на что способны итальянские женщины уже в силу одного только своего повышенного стихийного стремления брать под защиту человеческую жизнь, человеческое достоинство.

Так, например, Винченца, крестьянка из Казале-ди-Канчеллерия, населенного пункта, расположенного близ Санта-Паломба, в 25 км от Рима, спрятала в своем старом деревенском доме четырех пленных из войск союзников: радиста-англичанина родом из Ливерпуля, индуса, новозеландца и поляка. Она их одела, как могла. Сознывая, какая опасность нависает над ее семьей, Винченца тем не менее помогла этим военнопленным связаться с партизанской организацией зоны Каstellи-Романи. Для установления первых контактов с прятавшимися в доме Винченцы людьми туда приходили Лоренцо д'Агостини, Эдоардо Вольтерра и Альдо Гароши.

Как уже говорилось, особенно широкую и братскую солидарность встречали в итальянских семьях советские военнопленные, что, помимо чисто человеческого значе-

¹ См.: Л. Лонго, Народ Италии в борьбе, М., 1951, стр. 100.

² I comunisti nella storia d'Italia, 1966, p. 418—419.

ния, все больше приобретало политическую окраску. Жертвы, на которые шли сотни людей — а некоторым из них оказываемая помощь стоила тюремного заключения и даже жизни, — свидетельствуют о том, что фашизму за 20 лет своей диктатуры не удалось заглушить у наиболее здоровой части итальянского народа чувств, связывавших его с народами Советского Союза, которые, совершив Октябрьскую революцию, открыли перед человечеством новые пути к прогрессу.

ОТЕЦ ЧЕРВИ, МАТЬ АНДЖЕЛИНА

Вскоре после 8 сентября 1943 года ферма Альчиде Черви в Кампеджине (Реджо-Эмилия) стала прибежищем примерно 30 бывших военнопленных различных национальностей. Там оказались Анатолий Тарасов и другие советские граждане, южноафриканцы, американцы, французы, австралийцы, ирландцы и один бывший итальянский солдат-южанин Данте Каstellуччи.

«Однажды вечером, после ужина, — рассказывает Альчиде Черви, — мы начали петь, и каждый исполнял песни своей страны. Вдруг зазвучал «Интернационал». Его знали все, и каждый пел на своем языке, но в тот вечер этот гимн воспринимался всеми как звучание единого для всех языка, как биение единого сердца.

Мне никогда не приходилось до этого видеть, чтобы Альдо¹ плакал, но в тот вечер глаза его увлажнились. Дом Альчиде Черви сделался ячейкой Интернационала, и, когда в тот же вечер мы стали слушать по радио Москву, когда раздался советский гимн и «Интернационал», нам хотелось, чтобы они там нас тоже слышали, чтобы знали о семье Черви и о том, что мы сражаемся с теми же врагами, что и они. Пение вызвало огромный подъем. Анатолий², русский, издеваясь над фашистами, которые обещали в награду тому, кто выдаст партизана, пять килограммов соли, поднимается со своего места и говорит Дженовеффе, что, мол, если вам требуется посолить суп, можете отрезать у меня одно ухо и бросить его в кастрюлю. Все начинают смеяться. Потом

¹ Один из сыновей Альчиде Черви.

² Анатолий Тарасов.

каждый принялся рассказывать о своей земле, о своей стране»¹.

Число военнопленных было слишком велико, чтобы они по-прежнему могли оставаться в доме Черви. В первых числах ноября Комитет национального освобождения через Люцию Сарци дал знать Черви, что риск слишком велик и что поэтому людей надо уводить. Они уходили группами. Но ушли не все — на ферме в Кампеджине осталось двое русских, один англичанин, один южноафриканец, один австралиец, Каstellуччи и Куарто Камурри.

25 ноября глубокой ночью 150 фашистов совершили нападение на ферму. «Они были разъярены, — рассказывает Альчиде Черви, — и решили свести счеты с нами, никогда не отступавшими перед ними ни на шаг. Ведь всем же было ясно, что можно противостоять и фашизму. Дела у него с войной шли скверно, и вот он захотел одержать победу хоть над Черви»².

В течение нескольких часов 13 человек давали отпор фашистам. Убедившись в бесполезности попыток приблизиться к дому, они подожгли сеновал. На предложение сдаться Альчиде Черви ответил, что он лучше сгорит в огне, чем поднимет руки вверх. Чтобы спасти жизнь маленьким детям и женщинам, сыновья Черви, в первый раз не подчинившись своему старому отцу, решили выйти и сдаться. Вместе с ними был и Анатолий Тарасов.

28 декабря на полигоне Реджо-Эмилии семеро братьев Черви³ были расстреляны. Этим расстрелом фашисты добились результатов, диаметрально противоположных тем, на которые рассчитывали. Вскоре стали возникать партизанские батальоны «Черви», а ненависть к немецким и итальянским фашистам все шире распространялась как в сельских местностях, так и в городах.

После ареста Тарасова и братьев Черви патриоты решили укрыть других военнопленных, чтобы их не постигла такая же участь. Соблюдая необходимую пред-

¹ A. C e r v i, I miei sette figli, a cura di Renato Nicolai, Roma, 1955, p. 130.

² A. C e r v i, op. cit., p. 134.

³ Джелиндо, Антеноре, Альдо, Фердинандо, Агостино, Овидио, Этторе.

осторожность, их спрятали в домах нескольких крестьян, живших неподалеку от Кампеджине, с тем чтобы оттуда переправить в горы. Однако приближалась зима, да и здоровье военнопленных было подорвано, поэтому им предложили выбирать: либо, пользуясь гостеприимством крестьян, перезимовать близ города Реджо-Эмилия, либо уйти в горы. Пирогов, взявший на себя командование советскими людьми, поблагодарил друзей за все то, что уже было сделано для него и для его соотечественников, но выразил желание идти в горы и присоединиться к партизанам. «Мы — советские солдаты,— сказал он.— Наши там сражаются с немцами, поэтому и мы должны сражаться. Завтра у нас потребуют отчета, что мы сделали за это время. Мы вооружены, в горах у нас друзья, мы пойдем к ним»¹.

Итальянские патриоты решили провести советских людей в селение Тапиньола, к дону Паскуино Борги, где они уже бывали с братьями Черви. Но прежде чем подвергать друзей опасностям, которыми всегда были чреваты недостаточно тщательно подготовленные переброски людей, к дону Борги была послана Сарци. Ей предстояло узнать у священника, готов ли он принять бежавших военнопленных и помочь им. Борги откликнулся на предложение с тем искренним энтузиазмом, который всякий раз проявлял, когда мог быть полезен делу движения Сопротивления. «Смотрите же, чтобы это были русские,— сказал он Сарци,— ибо они сражаются по-настоящему. Если ты пришлешь мне англичан, американцев, южноафриканцев, то знай, что они больше всего будут стремиться перейти линию фронта. Смотрите же, чтобы это были русские: нам требуются люди, которые бы сражались вместе с нашими ребятами»².

21 января 1944 года, когда священник уехал в Вилла Миноццо, большой патруль фашистской милиции поднялся в Тапиньолу, намереваясь произвести обыск в здании, где размещались патриоты. Завязалась перестрелка, и патруль был обращен в бегство.

Фашисты в тот же день схватили дону Паскуино Борги и 30 января расстреляли вместе с восемью итальянскими партизанами. Среди предъявленных ему обви-

¹ Свидетельство Лючии Сарци.

² Там же.

нений было и обвинение в предоставлении убежища и оказании помощи бежавшим военнопленным. Впоследствии дона Паскуино Борги посмертно наградили Золотой медалью.

После ареста дона Паскуино Борги и его гибели советские люди вновь спустились с гор на равнину, где их укрыли крестьяне.

24 февраля 1944 года по доносу предателя все дома, находившиеся на равнине в районе Реджо-Эмилия, где нашли приют советские партизаны, были подвергнуты обыску немецкими и итальянскими фашистами. Около 100 мужчин и женщин тогда арестовали. Спустя некоторое время примерно тридцать из них предстало перед особым фашистским трибуналом в Парме. Среди них находились Аванти Перджетти, Идино Векки, Эффидио Фериоли, Роберто Борчани, Серена Перджетти, Нольфа Бонини, Марианна Бонини, Дорина Сторки, Тереза Мерци и Лючия Сарци¹. Шестерых женщин заключили на 5 месяцев в тюрьму «Сан-Томмазо» в городе Реджо-Эмилия, однако, выйдя на свободу, они возобновили свою патриотическую деятельность с присущей им преданностью и отвагой. Перджетти же и его товарищи были приговорены «к одному году и десяти месяцам тюремного заключения, а также к штрафу в тысячу лир каждый» за «содействие бежавшим пленным... за тайное хранение оружия»².

Аванти Перджетти, Идино Векки и Роберто Борчани были затем отправлены в Германию, в лагеря смерти, откуда не вернулись.

В районе Модены солидарность с бежавшими из плена советскими людьми также носила весьма широкий характер. Приведем только один пример. 21 ноября 1943 года в дом Куирино Дини в Сассуоло вошел Владимир Переладов, бежавший из лагеря в Луго. Дини был глубоко взволнован, когда узнал, что Переладов —

¹ Кроме них, были арестованы Джелозини Марино, Джелозини Эльо, Джелозини Бруно, Радигьери Франческо, Радигьери Луиджи, Кателани Васко, Марани, Баттисти Альберто, Дзаккерелли Альберто, Пирондини Кальвино, проф. Ачески, Ферретти, Сарци Франческо, Гуальди Альчиде, Малагутти Реклус, Саккани Эцио, Корбани Дональдо, Монтанари Эрмес, Перджетти Эоло.

² Из приговора Пармского суда № 3529/44, Общий реестр № 738, Королевский декрет от 16 ноября 1944 года.

советский человек. Его глаза, которые уже давно были печальны, вспыхнули оживленным блеском. Единственного сына Куирино фашисты отправили воевать на советскую землю, откуда он не вернулся. Для старого рабочего из Сассуоло, человека с прочно укоренившимися антифашистскими взглядами, потеря сына была вдвойне тяжела. Его постоянно мучила мысль, что сыну пришлось пойти воевать против советского народа.

Присутствие русского, Переладова, заставило Дини вновь уверовать в жизнь. Он ухаживал за Владимиром, физические силы которого были крайне истощены, пока тот не окреп снова. У старого рабочего появилось такое чувство, словно ему вернули сына. В долгих беседах с русским — Переладов понимал его с трудом — он часто повторял: «Они отняли у меня сына. Теперь моим сыном стал ты. Ты воскрес на русской земле и пришел ко мне, чтобы мстить за наши общие горести». И Переладов не обманул надежд рабочего из Сассуоло.

Точно так же вели себя римляне. Супруги Альдо Фарабуллини и Идрана Монтанья спрятали в погребе бара, в доме № 62 по улице Каироли примерно сорок советских солдат, бежавших из плена. Несмотря на труднейшие условия, невзирая на опасность, которой подвергалась их жизнь, они снабжали укрывавшихся у них военнопленных одеждой и пищей до тех пор, пока не разместили их среди других жителей Рима. Последние в свою очередь предоставляли советским людям гостеприимство, пока те не ушли к партизанам, действовавшим в районе Кастелли-Романи.

Другая группа, 20 человек, нашла помощь у Луиджи де Дзордзи и его жены Чезарины, которые работали привратниками в доме № 60 по улице Бизаньо. «Поначалу у меня не хватало духу рассказать обо всем Чезарине, — вспоминает Луиджи де Дзордзи. — Когда Алексей пришел ко мне с первой группой советских людей, я сказал жене, что это мои земляки из Фриули и что ей не следует удивляться, что они не понимают ее слов. Жена притворилась, будто поверила мне... Днем русские находились на чердаке, а ночью спускались в пустые квартиры, куда Чезарина приносила им то немногое, что ей удавалось раздобыть из съестного в голодном Риме... Разумеется, Чезарина вскоре обратила внимание, что мои «земляки» не понимают и меня, и одна-

жды сказала: «Ты, видно, порядком позабыл свой диалект, если тебе даже не удается объясниться с людьми из твоих родных мест»¹.

Трое советских военнопленных нашли приют в доме Феличе Киланти. Группа русских численностью в тридцать человек, бежавшая из Монтеротондо, укрылась в рабочих семьях в пригородах Рима Примавалле и Форте-Бочча.

Семья Сабатино Леони из пригорода Оттавия приютила одиннадцать человек. Жену Сабатино (Маддалену Руфо) советские военнопленные называли «мать Анджелина». Ветераны-коммунисты Оттавии до сих пор вспоминают, в каком курьезном и одновременно опасном положении оказалась эта женщина, когда несколько офицеров из немецкой этапной комендатуры реквизировали второй этаж ее жилища. Несколько недель, то есть в течение всего времени, пока немецкая часть была расположена в районе Оттавии, в одном и том же здании жили итальянские партизаны, советские военнопленные и офицеры нацистской армии.

В Монтеротондо советские воины нашли помощь и уход в доме сестер Марии и Эрсилии Пицци. Мария была смелой 19-летней девушкой из многодетной семьи батрака. Ее дом — советские люди называли его «Домом Марии» — был местом встреч советских партизан, которым сестры готовили пищу, стирали и чинили одежду и белье. Когда возникала необходимость выхаживать раненых и снабжать их продуктами питания, сестры делали и это.

В конце апреля по доносу местного шпиона немецкая полиция арестовала Марию и подвергла ее пыткам. Гитлеровцы хотели узнать, где скрываются русские и кто из жителей Монтеротондо оказывает им поддержку. Мария не сказала ничего. Летом 1944 года, через два месяца после освобождения, она умерла. Здоровье ее было подорвано лишениями и туберкулезом.

В Риме партизанский врач Оскар ди Фонцо, поддерживавший контакт с виллой Тай, лечил раненых и больных русских военнопленных. По договоренности с одним приходским священником ди Фонцо превратил церк-

¹ V. Pereladov, *Viaggio nel passato e nel presente*, «Patria indipendente», quindicinale dell'ANPI, 6 febb. 1966.

вушку Сан-Джузеппе, что на Арко-ди-Травертино, рядом с Порта-Фурба, в своеобразный подпольный лазарет, где прятал и лечил бойцов Армии освобождения.

Врач-коммунист Лорис Гаспарри, активно действовавший в рядах гарибальдийских партизанских формирований, тоже поддерживал контакт с советскими партизанами.

В Веллетри, Дженцано, Альбано, Палестрине и Пальяно многие местные семьи укрывали в своих жилищах советских людей. В районе «Мути» среди крестьян не было ни одного, кто бы не знал о существовании боевой советской группы, а также о ее операциях. Через партизан Дженцано крестьяне щедро снабжали эту группу продовольствием. Когда же наступили рождественские дни (это было невеселое рождество 1943 года), советские люди получили приглашение от многих семей, проживавших в Дженцано.

В Вигаццоло (провинция Александрия) немало советских людей пользовалось гостеприимством и помощью Агостино Гранкуилли и его жены Ассунты Баньяско, которым суровой зимой 1944/45 года пришлось столкнуться с бесчисленными трудностями. Они преодолевали их с помощью своих сыновей — партизан Витторио, Феделе и Ремо, которого позднее немцы отправили в Германию, а также дочери Анны Марии — партизанской связной.

ЗАСЛУЖЕННАЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

То, что итальянцы сделали для спасения пленных советских людей, впоследствии было отмечено Президиумом Верховного Совета СССР, который «за смелость и мужество, проявленные при спасении советских военнослужащих и оказании им помощи во время второй мировой войны, наградил восемь итальянских граждан орденом Отечественной войны. Имена и фамилии этих граждан: Альчиде Черви и Эоло Перджетти (Реджо-Эмилия); Лодовико Вердзани (Модена); Куирино Дини (Сассуоло); Идрана Монтанья, Альдо Фарабуллини, Луиджи де Дзордзи (Рим); Эрсилия Пицци (Монтеротондо).

При вручении наград, которое состоялось в 1965 году, посол СССР в Италии Семен Козырев сказал: «На-

граждая этих итальянских граждан, Президиум Верховного Совета СССР хотел выразить глубокую признательность советского народа и Советского правительства всем тем патриотам Италии, которые, спасая советских граждан и помогая им присоединиться к итальянским борцам Сопротивления, внесли большой вклад в дело разгрома нацистов и фашистов. Подвиги, совершенные ими во имя любви к родине, во имя свободы и достоинства человека, во имя идеалов Сопротивления и дружбы между народами Италии и Советского Союза, вошли в анналы совместной борьбы итальянских и советских партизан против фашизма и нацизма».

КРОВЬ ОТ КРОВИ НАШЕЙ

Таким образом, помощь советским гражданам, пленным воинам Красной Армии, широко оказывалась не только непосредственно после 8 сентября, когда итальянские семьи делали все от них зависящее, чтобы помочь всем бывшим солдатам и военнопленным, но и в последующее время. В основе этого движения солидарности, конечно, лежали факторы общечеловеческого и политического характера, о которых уже говорилось.

Однако одних только этих причин было бы все же недостаточно для того, чтобы чувства солидарности превратились потом в чувства уважения, почитания, восхищения, дружбы, высшим выражением которых стала готовность пожертвовать жизнью. Решающую причину такого положения с нашей точки зрения следует искать в том факте, что советские люди завоевывали уважение и дружбу на поле боя, в жестокой борьбе плечом к плечу с итальянскими партизанами.

Историки не игнорируют того, что пленные англичане и американцы внесли ценный вклад в дело военноматериального и технического обеспечения борьбы партизан, но их поведение даже тогда, когда они делили с итальянцами опасности партизанской войны, редко носило отпечаток подлинного братства по оружию. Советские же люди охотно брали оружие в руки, выносили все тяготы, всегда были в самой гуще сражений, жертвовали своей жизнью. Они являлись чем-то более значительным, чем просто солдатами; это были сознательные бойцы, которые в бою отстаивали свои идеи, свою

мораль. Хроника событий содержит множество доказательств того, что советские партизаны вскоре стали кровью от крови нашей.

Стремясь подавить партизанское движение, зарождавшееся в провинции Лекко, немцы на заре 17 октября 1943 года начали большую операцию по прочесыванию местности в районе горного массива Гринье. В ходе первых стычек, происшедших в Бализьо, Пастуро, Корни-дель-Ниббьо, Альпе-ди-Кассин, Резинелли, боевые группы партизан рассредоточились и рассеялись. На одном из участков массива Гринье они оказывали сопротивление противнику еще после полудня, а потом, оторвавшись от противника, отошли высоко в горы¹.

Днем 18 октября немцы стали наращивать силы в высокогорных долинах Иманья, Толеджо, Эрба, а также на западных склонах горы Резегоне. Отсюда утром 19 октября при поддержке огня 81-мм минометов и 152-мм орудий они перешли в наступление. На следующий день бой продолжался, особенно в районе ферм Стоппани, Монцезе, Грасси.

В одной хижине русский, о котором известно лишь, что его звали Николай, и двое итальянцев отстреливались от подползавших немцев. У них не оставалось никакой надежды спастись. Видя это, Николай сказал итальянцам, чтобы они ушли и оставили его одного вести огонь по немцам. Те не могли решиться и не пожелали уйти. Рассердившись, Николай воскликнул: «Вы должны идти! А этим я не дам сдвинуться с места». Ведя огонь из автоматов через просветы в каменных стенах хижины, трое партизан продолжали в то же время спорить. Николай говорил итальянцам: «Это ваша земля, здесь у вас друзья, здесь у вас отцы и матери. А моя Родина далеко. У меня тут никого нет». Он сделал очередной выстрел, а потом крикнул: «Идите!» Итальянцы выбрались наружу через заднюю дверь и под прикрытием стен хижины стали отходить в горы. До них доносились автоматные очереди немцев, одиночные выстрелы и короткие очереди, которыми отвечал Николай. Огонь его автомата они отчетливо различали: выстрел, другой, короткая очередь. Немцы палили беспрерывно. Потом Николай вновь дал очередь, значи-

¹ M. De Micheli, Uomini sui monti, Roma, «Rinascita», 1953.

тельно более длинную, чем прежде. Затем он смолк. Немцы продолжали стрелять еще несколько мгновений, потом сразу прекратился и их огонь. Советский солдат, бывший военнопленный, погиб, не увидев вновь своей родины¹.

29 мая 1944 года партизаны отряда «Лупо», охранявшего мост через реку Руэн в долине Кизоне, подверглись ожесточенной атаке немцев. Патриоты контратаковали, нанеся врагу многочисленные потери. Однако немцы не успокоились и, прорвавшись при поддержке бронемашин, продвинулись во Вилларетто. И все же, когда позади остались последние строения этого селения, им пришлось остановиться, так как дорога была повреждена. Партизанский патруль, выставленный для ее охраны, наблюдал за движениями врага, но лишен был возможности что-либо предпринять, так как немцы немедленно открыли огонь по гражданскому населению, которое заставили чинить дорогу. Примерно в 2 часа пополудни бронемашине и двум грузовикам с фашистами удалось продвинуться дальше. Партизанский патруль оставил свою позицию. Поднявшись по долине, он пересек шоссеюную дорогу правее горы Кизоне и направился к поселку Шамбон, административно относящемуся к Фенестрелле, откуда можно было наблюдать за передвижениями врага.

До населенного пункта оставалось еще несколько сот метров, когда партизаны заметили бронемашину. Правда, находилась она еще очень далеко. В этот момент советский партизан Григорий, у которого было острое зрение, воскликнул: «Бронемашина!» не прерываясь, пошел по направлению к поселку Шамбон. Вдруг раздался треск пулемета, и он упал на пшеничном поле. Его ранило в голову. Не обращая внимания на пулеметный огонь бронемашин, партизаны бросились вперед, чтобы вынести товарища из-под обстрела. Никто не хотел бросить раненого. Григорий сражался бок о бок с ними во многих боях, стал кровью от крови их, стал им ближе родного брата. Пока партизаны старались оказать ему помощь, подошли обе грузовые машины с фашистскими солдатами — их было множество. Они прыгнули с грузовиков и окружили малочисленную, но

¹ M. De Micheli, op. cit.

мужественную партизанскую группу. Сражение длилось долго. Григорию, несмотря на тяжелое ранение, удалось приподняться и произвести несколько выстрелов; вскоре он первый пал мертвым. Вслед за ним пришел черед молодого и храброго австрийца Фреди Бенира. Потом погиб тоже очень молодой и мужественный Тито Думантель. Из четверых смельчаков удалось спастись только Николе Аврано¹.

28 ноября 1944 года Аннетте Донини, связной 17-й бригады партизан-гарибальдийцев «Чима», было дано задание перевезти в больницу в Риволи советского партизана Давида Ильина. Для этого Ильин, который получил ранение в боевой операции близ Сант-Антонио, был снабжен фальшивыми документами. Немного дальше селения Авильяна автомобиль, на котором везли раненого, сошел с дороги и опрокинулся набок, причем как раз в тот момент, когда к этому месту подошел немецкий патруль. Давид Ильин собрал свои немногие оставшиеся силы, мобилизовал все свои познания в итальянском языке и стал умолять Донини, чтобы она спасалась, пока позволяет время, чтобы не думала больше о нем, потому что, мол, теперь все равно конец. Аннетта не желала и слушать о том, чтобы бросить раненого. К счастью, все обошлось тогда благополучно: немцы не заметили партизан, и их автомашина вновь отправилась в путь. Давид Ильин погиб позднее, зимой 1944/45 года, когда шел на встречу с одной из миссий союзников.

Эти три эпизода, как мы увидим ниже, не единичны.

¹ См.: А. Тгабуссо, *Partigiani in Val Chisone, Torre Pellice, tip. Subalpina, 1952, p. 41.*

Глава вторая

ВКЛАД СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ В ОСВОБОЖДЕНИЕ МАРКЕ И ЛАЦИО

В центральных и южных районах Италии, а точнее, в тех провинциях, где немцы столкнулись с народным движением Сопротивления сразу же после 8 сентября (Кампанья, Абруццы, Марке, Умбрия, Лацио), число советских участников партизанских формирований достигло по меньшей мере 300 человек. Если же, однако, учесть, что примерно 100 из них сражалось в Марке, а в Лацио — свыше 180, то, вероятно, их общая численность превышала названную выше цифру.

Следует иметь в виду, что в упомянутое суммарное число не были включены те (пусть даже их было немного), кто принял участие в вооруженной борьбе против немцев в провинциях Кампанья, Абруццы и Умбрия, поскольку соответствующие сведения оказались чересчур расплывчатыми. Советские военнопленные, бежавшие из лагерей, находившихся в Кампанье, (их численность не установлена) приняли участие в восстании в Санта-Мария-Капуа-Ветере в октябре 1943 года, 27 советских партизан воевали в рядах бригады «Антонио Грамши», которая действовала в Умбрии. Списки их имен, как и имен всего личного состава двух батальонов бригады, утеряны во время наступательной операции против немецких частей в первых числах апреля 1944 года¹.

Весьма расплывчаты также сведения о советских людях, примкнувших к партизанам в Терамо, Асколи-Пичено, Фермо.

¹ Свидетельство Альфредо Филиппони

СОВЕТСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В МАРКЕ

Более точны сведения, касающиеся советских людей в Марке. Здесь, помимо большого числа мужчин, в рядах движения Сопротивления сражалось также семь советских женщин, бежавших из лагерей, находившихся в Сфорцакосте и Аппиньяно-Мачерате. Это, разумеется, случай совершенно особый.

25 июля 1943 года, после падения фашизма, антифашисты в Мачерате потребовали и добились, чтобы из тюрьмы были выпущены политические заключенные; они способствовали также освобождению многочисленных военнопленных и гражданских лиц, находившихся там в ссылке. Из лагеря Сфорцакоста были освобождены две русские женщины. Одной из них, которую звали Мария Мирославова, предложил свое гостеприимство председатель Комитета освобождения адвокат Фернандо Чафи, у которого она находилась до 8 сентября 1943 года. Потом, когда пришли немецкие войска, Марию отправили в селение Чинголи и поместили у Джузеппе Саломони. Это была девушка примерно 20 лет, родом из города Запорожья. По словам Марии, она происходила из крестьянской семьи. Ее родители после Октябрьской революции переехали в город, где отец получил специальность инженера. Когда она попала в руки немцев, они отправили ее сначала в Германию, а потом в Италию. В течение некоторого времени Мария состояла в группе «Марио», которая действовала в районе Фронтале. Затем ее переправили в селение Серра-Сан-Куирико (Анкона). Другая советская женщина воевала в рядах группы партизан-англичан, бывших военнопленных. Командовал группой шотландец по имени Даблас.

Как уже говорилось, в рядах движения Сопротивления в Марке воевало около 100 советских партизан. 29 из них входили в личный состав батальона «Сталинград» 5-й бригады партизан-гарibaldiйцев, действовавшей в провинции Пезаро-Урбино. Остальные числились в формированиях, базировавшихся в провинциях Анкона и Мачерата.

Советский партизан, известный в Марке как Николай Алексеев, был одним из организаторов партизанской группы, которая вскоре после 8 сентября 1943 года

возникла в Сан-Марото, близ Камерино. Николая связывала крепкая дружба с доном Марио Винченцетти, также являвшимся одним из основателей группы партизан Сан-Марото. Дон Винченцетти воссоздает образ этого «спокойного, прекрасно воспитанного человека, превосходного советского воина», который «вместе со славянином по имени Зоран Кампониет в трудные моменты оказывал мне помощь и обеспечивал всем, что мне было нужно»¹. Когда фашисты арестовали дона Винченцетти и подвергли его варварским пыткам, Николай не оставил его. «Невзирая на риск, которому он себя подвергал,— вспоминает этот приходский священник из Сан-Марото,— он присылал мне в тюрьму все, в чем я нуждался».

Силы движения Сопротивления в Марке дислоцировались вплотную и чуть ли не попеременно с тылами нацистской армии, оборонявшейся на южном фронте. Движение началось тут в сентябре 1943 года с первых стычек с немецкими войсками в Монте-Сан-Марко провинции Асколи-Пичено и завершилось 8 октября 1944 года освобождением последних предгорий Монтефельтре, к северу от провинции Пезаро. В этой области, как пишет Энцо Сантарелли, которая протянулась между горами и Адриатическим морем, участники Сопротивления стали вести боевые действия, не успев еще организоваться. Они налаживали свою организацию в ходе сражений. И действительно, после окончания освободительной войны выяснилось, что в семи гарибальдийских партизанских бригадах, в группировке партизанских отрядов «Дино Филиппони», а также в различных партизанских формированиях «Маттеотти» и формированиях «Справедливость и свобода», которые действовали в Марке, сражалось в общей сложности 19 024 партизана и патриота. Из этого числа 916 человек пали в бою, а 392 остались калеками и инвалидами².

С наибольшей интенсивностью партизанские действия протекали в Марке начиная с марта 1944 года. Они

¹ Свидетельство дона Марио Винченцетти на встрече, которая состоялась 23—24 октября 1965 года в Генуе и была посвящена теме «Вклад советских людей в итальянское движение Сопротивления».

² См.: «Documenti di vita italiana», bollettino della Presidenza del consiglio dei ministri, № 29, aprile 1954, p. 25.

явились ответом патриотов на операции немцев по прочесыванию местности, которые, начавшись в южных районах Марке, распространились в скором времени на всю ее территорию.

Во всех сражениях, вплоть до полного освобождения Марке, принимали участие и советские партизаны, входившие в состав различных партизанских бригад. Особенно ярко проявилась их доблесть в ходе тяжелых боев в марте 1944 года, во время которых четверо из советских партизан пали на поле сражения.

Первыми погибли Кличевшек, командир группы советских партизан в районе Сан-Катальдо, которая входила во 2-ю бригаду «Фабриано» дивизии «Ферруччо», и москвич Василий Нестеров, также из группы Сан-Катальдо. Добровольно взявшись за выполнение задания в Канчелли, близ Фабриано, оба пали 17 марта в схватке против превосходящих сил противника. Останки Кличевшека захоронены на кладбище в Канчелли.

25 марта немцы расстреляли Иосифа Дмитровича (или Осипа Дмитрова), боевого офицера Красной Армии, образцового партизана. 24 марта нацисты схватили его и еще семерых партизан-итальянцев в ходе сражения при Вальдиола, избили до полусмерти, а потом, набив ему рот мукой и соломой, расстреляли. Они бросили тело офицера на каменистую отмель горного потока Эзинанте, близ Сан-Северино-Марке, вместе с итальянскими партизанами¹, которых добились камнями. Дмитрий числился в составе 5-й бригады «Альто Музоне» партизанской дивизии «Конеро». Он похоронен на кладбище во Фронтале, неподалеку от Поджо-Сан-Вичино-ди-Мачерата².

ВКЛАД СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН В ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛАЦИО

Вечером 10 сентября 1943 года, после ожесточенных боев в Чеккиньюла, Монтеротондо, у ворот Сан-Паоло, после сражений в других местах, которые менее извест-

¹ Франко Стаккьотти, Пьеро Грачьотти, Лельо Каstellлини, Джузеппе Пачи, Умберто Лаваньоли, Аугусто Филиппи.

² Свидетельство Альфреда Спаделлини («Фрильо»). См.: G. M a g i, *Guerriglia sull'Appennino, Urbino, Argalia*, 1964, p. 174.

ны, но были не менее тяжелыми и героическими (они развернулись во многих населенных пунктах римской провинции), Рим был оккупирован гитлеровскими войсками. Одновременно немецкая оккупация распространилась и на все основные центры области Лацио. Утром 11 сентября римляне увидели, что по городу движутся парашютисты Кессельринга.

В дни схваток между итальянскими и немецкими солдатами сложился новый реальный фактор — возникли Комитеты национального освобождения, которые объединяли антифашистские партии, их волю к борьбе против иноземных оккупантов, нацистов и их прислужников-фашистов за новую эпоху, эпоху свободы и демократии.

С приходом немецких оккупантов римские антифашистские силы после 45-дневной паузы, обусловленной существованием правительства Бадольо, возобновили свою деятельность в обстановке подполья, в то время как патриотическое движение Сопротивления, вдохновляемое и руководимое антифашистами в общенациональном, областном и местном масштабах, выбрало правильный для того трудного момента путь, путь вооруженной борьбы. В Риме организующая деятельность подпольного движения Сопротивления стала быстро развиваться и продолжалась беспрерывно в течение девяти месяцев.

Организационный план, разработанный партизанами, учитывал и тот вклад, который могли бы внести в освободительную войну несколько сот бывших военнопленных из союзных войск, в основном англичан и американцев, укрывавшихся в Риме и во всех населенных пунктах Лацио.

Английские и американские военнопленные в своем подавляющем большинстве отказывались братья за оружие и участвовать в подпольной борьбе рука об руку с итальянскими партизанами. Они предпочитали продолжать прятаться в городах и селениях в ожидании продвижения на север Италии союзных войск, остановленных близ Кассино и втянутых там в одно из наиболее кровопролитных для англичан и американцев сражений последней войны.

Для советских же людей из числа бывших пленных партизанские формирования, наоборот, представляли со-

бой большую притягательную силу. Сотрудничать с подпольной организацией братской Итальянской коммунистической партии, стать партизанами означало возобновить, пусть и в иной форме, ту борьбу против гитлеровского и итальянского фашизма, которую продолжала вести Красная Армия.

К концу июля 1943 года тыловая служба вермахта доставила в Италию около 120 пленных русских для использования их на принудительных работах в обозе 3-й автобронетанковой гренадерской дивизии, сыгравшей 10 сентября решающую роль в действиях против итальянских войск, оборонявших Рим.

После 8 сентября 1943 года эту группу советских людей перебросили в окрестности Рима. Человек 70 из них отправили на демонтаж одного промышленного предприятия. В первых числах октября эта работа была завершена, и военнопленных отправили в лагерь, располагавшийся недалеко от железнодорожной станции Монтеротондо.

Другая группа, состоявшая примерно из 50 военнопленных, использовалась на работах по обслуживанию промышленного предприятия «КЛЕДКА», примыкавшего к пригородному римскому поселку Донна-Олимпия и изготавливавшего деревянные шпалы для железнодорожных путей¹.

В первых числах октября 1943 года подпольное командование партизан Лацио, действовавших под руководством компартии, во главе которых стояли Антонио Чикалини, Альфо Маркини и Помпильо Молилари, получило от партизан Монтеротондо информацию, что в немецком лагере, недалеко от товарной платформы железнодорожной станции, находится большая группа советских людей. Сообщалось, что днем военнопленных заставляют работать на погрузке и разгрузке вагонов вместе с итальянскими рабочими, захваченными нацистской полицией во время облав. Было принято решение направить в Монтеротондо к партизанским руководителям Франческо Дзуккери и Ренато Борра Алексея Флейшера с заданием организовать побег советских пленных.

¹ L. D'Agostini e R. Forti, *Il sole à sorto a Roma—Settembre 1943*, Roma, 1965, p. 113—114.

ПОБЕГ ИЗ ЛАГЕРЯ МОНТЕРОТОНДО

Крестьяне и рабочие Монтеротондо, примкнувшие к движению Сопротивления, наладили контакт с содержащимися в нацистском лагере советскими военнопленными, что облегчило осуществление побега. Когда было подобрано соответствующее место, первая группа военнопленных — 14 человек — ночью 24 октября 1943 года совершила побег из лагеря. Среди них находился Алексей Коляскин, советский ефрейтор, отличавшийся острой ненавистью к врагу. Он сразу заявил о готовности вместе с партизанскими организациями Итальянской коммунистической партии сражаться против гитлеровцев и итальянских фашистов.

За этим побегом с интервалами в несколько дней последовали новые побеги.

Район этот густо населен, лишен больших лесов и гор; насыщенный немецкими опорными пунктами, охранявшими интенсивное движение по дороге Салариа, он не имел подходящих укрытий для такого количества бежавших военнопленных. В силу этого областное командование партизан, руководимых компартией, приняло решение направить человек 20 из числа бежавших в район Кастелли-Романи, где существовала сильная подпольная организация и где решительно действовали многочисленные отряды итальянских партизан. По договоренности с командованием гарибальдийцев в Риме русским предстояло пробираться группками по два-три человека в сопровождении итальянских партизан, в совершенстве знавших места, через которые пролегал их маршрут.

Первый привал был в Альбано, в доме партизана Альфредо Джорджи. Жена Альфредо, партизанка Лаурина, накормила советских людей, прежде чем они двинулись дальше, в направлении Дженцано. От Монтеротондо до этого пункта более 40 км. Партизаны Дженцано остановили свой выбор на «Мути», примерно в 5 км от деревни. Группа русских численностью в 16 человек расположилась в доме партизана Герардо Наполеони¹.

Командиром группы, которая осталась для партизанских действий в окрестностях Монтеротондо, а также в

¹ Свидетельство Серджо Чеккини.

районе Тиволи, был назначен сибиряк артиллерист Анатолий Тарасенко. Когда началась война, Анатолий Михайлович Тарасенко служил в звании ефрейтора в 172-м артиллерийском полку. В сражении у населенного пункта Волково его тяжело ранило, и он попал в плен. Сперва Тарасенко был в лагере военнопленных в Луге, затем в Нарвском лагере, а летом 1943 года вместе с ефрейтором Алексеем и совсем еще юным Иваном Логиновым в составе группы пленных численностью приблизительно 120 человек отправлен в Италию.

Для освобождения 50 советских военнопленных, находившихся в лагере при предприятии «КЛЕДКА», в населенном пункте Донна-Олимпия, был разработан специальный план. Его предстояло осуществить при содействии партизанских отрядов районов Трастевере и Монтеверде. Бежавшие с «КЛЕДКА» в сопровождении итальянских патриотов мелкими группками пробирались в римские пригороды Примавалле и Форте-Бочча.

Третья группа советских людей, совершивших побег из нацистского лагеря в Монтеротондо, была направлена в Рим. После форсированного марша 3 ноября 1943 года, продолжавшегося всю ночь, группа, которую вел командир партизанского отряда «Деметрио» Анджело Доминичис, укрылась на заброшенном сеновале в усадьбе Валькетта Картони, в населенном пункте Прима-Порта. Затем советские люди скрывались в семьях коммунистов, проживавших в Монте-Марио и в поселке Оттавия вдоль дороги Трионфале.

В докладе гарибальдийского партизанского командования 4-го сектора 1-й зоны, посланном после освобождения областному военному руководству Итальянской коммунистической партии и областной комиссии Лацио по удостоверению принадлежности к боевому партизанскому составу, к патриотическим силам, а также по подтверждению ранений или гибели того или иного партизана¹, одна из боевых операций, в которой принимали участие советские люди, базировавшиеся в районе Монте-Марио и поселка Оттавия, описывается следующим образом: «Ночью 23 октября — между 22 и 23 часами — четыре партизана, входящие в состав группы патриоти-

¹ Такие комиссии действовали в соответствии с положениями закона № 51 от 21 августа 1945 года.

ческого действия «Пескаторе», забросали гранатами и обстреляли из автоматов три немецкие грузовые автомашины. Это произошло на 9-м километре дороги Трионфале. К концу октября создано еще две группы патриотического действия — «Рудери» и «Сторто».

Так проходило укрепление отрядов 4-го партизанского сектора. В первых числах ноября была образована «4-я бригада Гарибальди», состоявшая из 31 бойца. В ее ряды вскоре влились 11 советских пленных, прибывших из убежища матери Анджелины. Этот отряд советских партизан оказал большую помощь местным группам патриотического действия, причем не только своим военным опытом, но и благодаря мужеству, которое он вселял в сердца людей.

В населенном пункте Браччано, расположенном приблизительно в 40 км от Рима, немцы заняли большую военную казарму и устроили там лагерь. В нем они содержали военнопленных и гражданских лиц, схваченных во время облав. Итальянские партизаны помогли бежать из этого лагеря советским гражданам Петру Конопелько и Анатолию, которые после нескольких переходов добрались до виллы Тай. Помогали этим советским партизанам Луиджи де Дзордзи, Адриано Тани, Альдо и Идрана Фарабуллини. Оружием и продовольствием их снабжали партизаны 5-й зоны коммунистической партии.

Помимо боевых групп, действовавших в Монтеротондо, Дженцано, поселке Оттавия, и групп, дислоцированных в Риме (эти группы, как и первые, целиком состояли из советских партизан), бывшие русские пленные входили в состав римских партизанских формирований и по 2—3 человека сражались в их рядах до освобождения города.

СРАЖАЯСЬ ПРОТИВ НЕМЦЕВ

Вести борьбу против немецкой армии, все еще очень организованной и сильной, защищенной плотной полицейской сетью, установленной эсэсовцами и гестаповцами, в непосредственно прифронтовом районе, каким с 8 сентября 1943 года по 4 июля 1944 года являлась область Лацио, было делом почти безнадежным. Однако ни облавы, ни депортация, ни пытки в застенках на

улице Тассо или в тюрьме Реджина-Чели, ни казни в форте Браветта, ни массовые расстрелы в Ардеатинских пещерах — ничто не смогло сломить боевого духа итальянских патриотов и советских партизан, чувств солидарности населения.

Многие славные эпизоды, многие героические дела останутся, конечно, неизвестными и не войдут в историю второго итальянского Рисорджименто: условия подпольной борьбы в городе и партизанских операций в сельских местностях требовали строгой конспирации. Боец Сопротивления зачастую не знал, в выполнении каких заданий участвовал его товарищ, не был знаком с партизанами, не входившими в состав его группы патриотического действия или его отряда.

Первая крупная схватка, когда советские и итальянские партизаны, тесно взаимодействуя, сражались против немецкого подразделения, развернулась на территории общины Дженцано¹.

В окрестностях Дженцано к концу ноября 1943 года уже скрывалось немало бежавших из плена солдат союзных войск, а также солдат итальянской армии, которых после перемирия 8 сентября фронт отрезал от родных мест. Как правило, они помогали прятавшим их крестьянским семьям в работе на фермах и на полях. Лишь немногие изъявляли желание продолжать сражаться и подвергать себя большим опасностям партизанской войны в местности, где находились крупные контингенты немецких войск.

Гитлеровские солдаты захватили все казармы, продовольственные склады, железнодорожные станции и ежедневно устраивали облавы, конфискуя домашний скот. Все важные в стратегическом отношении пункты вдоль главных шоссе магистралей находились в руках немцев, которые занимали большую часть зданий вдоль таких дорог, как Аппиа, Аурелиа, Казилина, Кассиа, Салариа, Тибуртина. Днем и ночью по этим дорогам мчались грузовые машины с солдатами, продовольствием и боеприпасами, предназначенным для фронта, который с октября 1943 года стабилизировался по линии Гарильяно — гора Кассино.

¹ Свидетельство Серджо Чеккини.

Советские люди, едва прибыв в расположение итальянских партизан, сразу же включились в боевые действия. В дневные часы они скрывались в деревенском строении, находившемся среди виноградника в районе «Мути», готовя себе пищу на примитивном очаге, а ночью, захватив с собой оружие, которым их снабдили партизаны из Дженцано, пробирались полями к обочинам Аппиевой дороги или Неттунензе и там устраивали засады против колонн немцев¹.

БОИ ПРИ ДЖЕНЦАНО

Ночью 1 января 1944 года партизанская группа, действовавшая под командованием Пино Леви Кавальоне и Марио Колакки обстреляла из пулеметов колонну немецких автомашин, двигавшихся по дороге Неттунензе. Несколько немецких солдат и три офицера были убиты, а машины подожжены. На следующую ночь партизанская группа из Аричча, руководимая Гуэррино Перукка, произвела огневой налет на тот же участок дороги, завязав интенсивную перестрелку с немецкими патрулями.

Незадолго до этого советские партизаны также произвели несколько ночных вылазок, обстреливая противника пулеметным огнем, забрасывая его ручными гранатами на Аппиевой дороге, на Виа-дей-Лаги и близ Веллетри. Решения о проведении операций, которые поручались этой группе русских, принимались партизанским командованием зоны Каstellи-Романи, и последнее всякий раз выделяло в качестве связного и проводника кого-либо из местных партизан.

Как раз в те дни фашистские прихвостни донесли немцам о том, что в районе «Мути» появились русские. Эта местность, покрытая виноградниками и оливковыми посадками, простирается на юг от Дженцано. Утром 3 января 1944 года немецкое командование распорядилось окружить всю территорию района «Мути». Блокировав все дороги и тропы, немецкие солдаты приступили к тщательному прочесыванию местности. Это был страшный день. Продвигаясь вперед и сжимая кольцо, они схватили нескольких крестьян и, поскольку

¹ См.: P. Levi Cavaglione, Guerriglia nei Castelli Romani, Torino, 1945, p. 84—85.

те отказывались указать, где находится убежище русских, расправились с ними на месте. Среди погибших был и Антонио Валле. Немцы зверски убили его недалеко от того строения, где забаррикадировались советские партизаны, решившие дорого отдать свою жизнь¹.

Весть о немецкой облаве в мгновение ока долетела до партизанского штаба в Дженцано. Немедленно выступили две вооруженные группы — командовали ими Марио Колакки и Джованни Бальдацци, — которым поручили спасти окруженных русских. Когда итальянские партизаны подоспели в район «Мути», там грохотали автоматные очереди и взрывы ручных гранат. Советские партизаны оказались вынужденными принять бой.

Отличное знание местности облегчило патриотам выполнение их задачи. Через густые заросли камыша, не просматривавшиеся немцами, им удалось пробраться на помощь русским в момент, когда оборона последних вот-вот могла быть сломлена. Выводя тайной тропой советских людей из окружения, партизаны-итальянцы прибегли к тактике эластичной обороны; оторвавшись от противника и приняв меры, чтобы замедлить его продвижение вперед, итальянцы увели русских к неприступным склонам, спускающимся в воды озера Неми, где имелись надежные и недосыгаемые убежища. В результате немцы не достигли поставленной цели. Потери сторон исчислялись несколькими убитыми и ранеными.

В то же время стало ясно, что советская партизанская группа уже выслежена и поэтому оставлять ее в зоне Каstellи-Романи было чрезвычайно рискованно. Военный совет зоны Каstellи-Романи, договорившись с областным командованием гарибальдийских партизанских бригад, во главе которого тогда стоял Антонио Чикалини², обеспечил переброску советских партизан в район между Палестриной и Дзагароло.

С 28 по 29 января 1944 года русские прибывали порознь из Дженцано в Палестрину. Партизан Марио Пинчи и члены его семьи устроили им убежище в подвальном помещении одного из строений. Но уже в сле-

¹ Свидетельство Серджо Чеккини.

² L. D'Agostini e R. Forti, *op. cit.*, p. 159. В состав этого командования входили также Валентино Джерратана, Альфио Маркини, Фабрицио Онофри, Помпильо Молиари, Антонелло Тромбадори.

дующую ночь партизанские командиры — коммунисты Энрико Джаннетти, Франческо Збарделла, братья Лючо и Иньацио Лена провели их в деревенский дом, находившийся в укромном месте, и позаботились о снабжении их автоматическим оружием и ручными гранатами.

Здесь, как и в Дженцано, сразу же обнаружилось различие между позицией советских военнопленных и многочисленных военнопленных из войск западных союзников; советские люди, не в пример последним, не бездействовали, отсиживаясь в домах крестьян. Через несколько дней они возобновили ночные боевые операции против автоколонн немецкой армии.

Оперативным районом, отведенным командованием зоны для действий советских партизан, была дорога, связывающая Галликано с Поли. Ночные засады устраивались здесь главным образом на участке между Сан-Джованни и Понте-Терра. В этом месте вдоль дороги протекает русло глубокой речки, берега которой обрывисты и покрыты густыми зарослями кустарника. После освобождения этого района оказалось, что упомянутое место представляет собой подлинное кладбище мотоциклов, автоцистерн и обгорелых военных автомашин. В течение одной только ночи в результате проведенной советскими партизанами операции — в ней принял участие и Лючо Лена — было выведено из строя 12 немецких мотоциклистов и сожжена автоцистерна, полная горючего. Зарево полыхавшего пламени привлекло внимание нескольких летчиков авиации союзников, которые начали бомбить дорогу и уничтожили небольшую грузовую автомашину, полную солдат, пытавшихся спастись от смертоносного пулеметного огня¹.

В первых числах марта в Палестрину из коммуны Пальяно прибыло еще четыре советских партизана, которые были переброшены сюда партизанским командиром Данте Берсини, спасавшим их от немецкой облавы.

Группа советских партизан, усилившаяся за счет этой четверки из Пальяно, еще более энергично стала проводить свои военные операции, совершая нападения на немецкие автотранспортные средства, двигавшиеся по различным дорогам в направлении участка фронта у

¹ Из доклада, представленного в областную комиссию Лацио по удостоверению принадлежности к боевому партизанскому составу (1946 год).

Кассино. Озлобленное немецкое командование со своей стороны усиливало прочесывание местности, привлекая для этого все более значительные контингенты войск, численность которых была им доведена до трех тысяч человек. Когда наконец все усилия оказались тщетными, немецкое командование приказало приступить к устрашению населения Палестрины.

Поскольку в шпионских доносах указывалось на деятельность Марио Пинчи и его семьи, помогавших советским партизанам, в конце марта, глубокой ночью, этот патриот был арестован. Его схватили вместе с двумя братьями и двумя сестрами. Всех их привели в сыроварню, где находились еще шестеро жителей Палестрины, заподозренных нацистской полицией в контактах с партизанами; немцы зверски убили всех арестованных и трупы их выставили напоказ на 24 часа для устрашения населения.

Шпионы донесли нацистской полиции и об адвокате Альдо Финци, который перебрался из Рима на свою виллу в Палестрине и примкнул к движению Сопротивления. Финци поддерживал контакт с советской партизанской группой, а также с Лючо Лена и Пино Леви Кавальоне, входившими в зональное командование партизан района Пренесте.

В первых числах февраля немецкое командование разместило на вилле адвоката Финци, который в совершенстве владел немецким языком, свой штаб. Беседуя с немецкими офицерами, юрист узнавал полезные для партизанского командования сведения и информировал его относительно немецких планов прочесывания местности и деятельности шпионов. Так, опираясь на сведения, полученные от Финци, Данте Берсини и два советских партизана казнили 23 февраля 1944 года в Палестрине секретаря местной фашистской организации. Помимо такого рода информации, Финци снабжал советских партизан продуктами питания, одеялами, сдеждой¹.

Получив доносы от нескольких шпионов, немцы арестовали Финци и отправили его в Рим, в страшный застенок на улице Тассо. 24 марта 1944 он был зверски убит в Ардеатинских пещерах.

¹ P. Levi Cavaglione, op. cit., p. 144.

ОНИ ПАЛИ В БОЮ ПРИ ФОНТАНА-ОНА

Большой Васко—так виноградари Палестрины называли за атлетическое сложение Василия Скороходова, отличившегося в боевых операциях в Дженцано. (За одну ночь он вывел там из строя четырех немцев.)

Теперь Василий Скороходов вместе со своими товарищами Николаем и Анатолием шел вдоль проселочной дороги в сторону Галликано. Партизаны совершали свой марш не таясь, без соблюдения обычных предосторожностей. На удалении примерно 60 м за ними следовали их товарищи Петр Ильиных и Александр Скороходов. Василию и его друзьям нужно было, как обычно, встретиться с братьями Лена. Но какая превратность судьбы! Именно в это теплое весеннее утро 9 марта 1944 года им, уже освоившимся с суровыми условиями партизанской войны, привыкшим жить среди тысячи опасностей, суждено было попасть в клещи немецких патрулей, сходявшихся близ того места, где находилось убежище партизан.

На полевой тропе, в окрестностях селения Фонтана-Она, советские люди столкнулись с немцами, которые приказали им остановиться. Коверкая итальянский язык, нацисты потребовали предъявить удостоверения личности. Николай и Анатолий хранили спокойствие—им ведь уже не раз случалось оказываться в подобном положении; кроме того, они знали, что вот-вот подойдут товарищи, готовые броситься им на помощь. Василий же в ответ на требование гитлеровцев сунул руку во внутренний карман пиджака, но, вместо того чтобы вынуть оттуда документы, выхватил свой длинноствольный пистолет и, направив его в лицо командира немецкого патруля, нажал на спусковой крючок. Не успев пустить в ход свое оружие, фашист рухнул на землю. Остальные партизаны также уже держали врагов на мушке. Словом, все, казалось бы, обернулось в пользу советских партизан, и они собирались уже обезоружить нацистов, когда один из немцев, улучив момент, открыл огонь из автомата. Анатолий без труда заставил его замолчать, однако прошло уже несколько минут и выстрелы привлекли внимание второго немецкого патруля. Завязалась яростная перестрелка. Пошли в ход ручные гранаты. Свалились еще два немца, а

остальных партизаны заставили отступить. Петр поднял с земли Василия, в которого попало две немецкие пули, и под прикрытием огня товарищей пробрался с раненым в находившийся неподалеку лес. Между тем немцы, засев в каком-то рву, вели огонь с дистанции 200 м. Ранило и Николая, когда тот помогал Петру уложить Василия на землю. Стычка затянулась, и на шум боя стали подходить новые вражеские солдаты. Через несколько минут Анатолий, которому до тех пор удавалось сдерживать немцев ручными гранатами, упал, сраженный насмерть. Чтобы не попасть в лапы врагу, Петр и Александр отступили. Вдруг послышалась стрельба в тылу у нацистов: это советские партизаны спешили на выручку товарищей. Бой вокруг троих погибших партизан разгорелся с новой силой, и немцы опять стали нести потери. Используя завоеванное в результате внезапной атаки преимущество, советские люди унесли тела погибших товарищей в отдаленное место, прежде чем на помощь к немцам подошли новые подкрепления.

Так в районе Галликано — Палестрина в бою пали три советских партизана: тридцатисемилетний Николай Демьященко, Василий Скороходов, которому был 41 год, и двадцатичетырехлетний балтийский матрос Анатолий Курепин.

После долгих поисков эсэсовцам удалось выследить в районе Палестрины группу Алексея, и они решили провести широкую операцию по прочесыванию местности. Когда партизаны обнаружили немцев, было уже поздно. Однако советские люди все же решили завязать бой, пробиться сквозь вражеское кольцо и опять вырваться на свободу.

Героизм партизан и на этот раз обеспечил успех операции: окружение было прорвано и группе Алексея вновь удалось соединиться с подоспевшими на помощь итальянскими друзьями.

ОТ ПАЛЕСТРИНЫ ДО МОНТЕРОТОНДО

К концу апреля командование гарибальдийских партизанских бригад, убедившись в невозможности дальнейшей дислокации группы советских партизан в зоне

Палестрины, приняло меры для переброски ее в окрестности Монтеротондо. Лишь небольшая часть их во главе с храбрым лейтенантом Красной Армии Михаилом Дмитриевичем Касьяном оставалась воевать в рядах палестринских партизан вплоть до освобождения Рима.

В те дни уже было ясно, что фронт в районе Кассино вот-вот будет прорван. Центральный Военный совет Комитета национального освобождения знал, что немцы лихорадочно приводят в боевую готовность «Готическую линию» обороны, созданную ими в апеннинской зоне между Флоренцией и Болоньей, а римское партизанское командование усиливало свои боевые группы в районе Монтеротондо, чтобы организовать нападение на вражеские силы и отрезать им путь к отступлению по дороге Салариа. Уже с декабря 1943 года партизанское руководство в Монтеротондо создавало сильный боевой отряд на горе Монте-Дженнаро, находящейся от этого города на расстоянии около 15 км. Организацией отряда занимался комиссар Эдмондо Рива, коммунист из Монтеротондо.

Надо сказать, что боевые действия и подвиги этого отряда, состоявшего из партизан, прибывших из Рима, Монтеротондо, Фара-Сабина и Монтополи, а также из советских людей, были весьма значительными.

В конце апреля 1944 года партизаны Монте-Дженнаро совершили нападение на немцев, располагавшихся лагерем в роще у дороги Салариа, на расстоянии приблизительно 50 км от Рима. Неожиданный налет — он был совершен в 4 часа утра — обратил немцев в паническое бегство. Партизаны захватили вражеское вооружение и продовольствие и, кроме того, взяли в плен 14 гитлеровцев.

Несколькими днями позже, по-видимому в первых числах мая, с американского самолета был сброшен на парашюте контейнер с оружием, которое партизаны поспешно начали переносить к месту расположения отряда. Немцы, заметившие парашют, бросили многочисленные силы на прочесывание Монте-Дженнаро. Эдмондо Рива и еще одного партизана, переносивших боеприпасы, им удалось схватить. На допросе Рива постарался выгородить своего товарища, заявив, что вся ответственность должна пасть на него. Четыре дня спустя

после ареста, крестьяне из Пассо-Корезе нашли у дороги тело Эдмондо Рива. Прежде чем убить, немцы вырвали ему глаза и отрубили кисти рук¹.

ОСВОБОЖДЕНИЕ РИМА

Партизанская война за освобождение велась без передышки как в самом Риме, так и в его окрестностях. Несмотря на заигрывания нацистско-фашистских властей, невзирая на рекламировавшиеся ими обещания выдачи сахара и муки, патриоты продолжали удары по врагу.

В первых числах мая часть партизан, входивших в состав групп патриотического действия римских партизан-гарibaldiйцев, была переброшена в партизанские отряды, действовавшие в провинции. Марио Фьорентини, Лючия Оттобрини и Франко ди Лернья были направлены в Кастельмадама. Розарио Бендивенья и Карла Каппони получили назначение в зону между Дзагароло и Палестриной.

5 мая по договоренности с Комитетом освобождения Палестрины группа итальянских и советских партизан во главе с Карлой Каппони сожгла в муниципальном архиве списки призывников, чтобы воспрепятствовать выполнению распоряжения нацистско-фашистских властей относительно розыска и задержания молодых людей в возрасте 18 лет. Тремя днями позже палестринские партизаны под руководством Розарио Бендивенья и Карлы Каппони, взаимодействуя с советской партизанской группой, которой командовал М. Д. Касьян, провели великолепную боевую операцию. Партизанские связные сообщили, что в населенном пункте Колле-Франколино, в двух километрах от Палестрины, в небольшой долине, окруженной лесом, разместилась лагерь группа немецких солдат со всем своим обозным имуществом. Немедленно была устроена засада. Итальянские и советские партизаны скрытно заняли позиции вокруг поляны. После нескольких часов выжидания им удалось захватить двух немецких солдат, которые шли из своего расположения за ключевой водой. Их обезоружили и под дулами автоматов приказали шагать в

¹ L. D'Agostini e R. Forti, op. cit., p. 150—151.

направлении военного лагеря с поднятыми вверх руками. Когда они оказались в сотне метров от палаток, пленным немцам было предложено крикнуть своим товарищам, чтобы те сдавались, так как лагерь полностью окружен партизанами. Сбитые с толку и охваченные паникой, нацистские солдаты все поголовно подняли руки вверх. 15 партизан, то есть около половины всех участников операции, ворвались в палаточный лагерь и разоружили там примерно сотню солдат. Кроме того, партизаны захватили с собой полевую кухню со всем оборудованием¹, а также много оружия и боеприпасов. Склад горючего и машины они подожгли.

В те дни в Риме и римской провинции было совершено бесчисленное множество диверсионных актов: от диверсий и иных операций, организованных людьми Партии действия и командованием многочисленных партизанских формирований, созданных коммунистической и социалистической партиями, автономными партизанскими формированиями — «Бандьера Росса», «Армата Росса», коммунистами-католиками и подпольным Военным центром, до действий более мелких партизанских групп и отдельных граждан.

Северино Спаккатрози, носивший тогда кличку Нелли, передал советским партизанам приказ Военного совета уничтожить железнодорожный мост через Аньене, находившийся на расстоянии 3 км от Тиволи. В результате проведенной операции мост был разрушен и уничтожено девять фашистов-чернорубашечников, на которых немцы возложили задачу охраны этого важного участка железной дороги. Помимо того, в стремительных водах Аньене в ту же самую ночь нашли свою гибель три автомашины, набитые нацистами, которые свалились в провал уничтоженной части моста.

На заре 4 июня 1944 года Рим с востока и юга обложило едким дымом выстрелов и взрывов, грохотавших со стороны больших консульских дорог²; Казилина, Аппиа, Неттунензе и все дороги римских окрестностей как

¹ Немецкие повара, обслуживавшие полевую кухню, в этот момент закончили приготовление обеда для полка, который расположился в 5 км от лагеря, в лесу у дороги Казилина.

² Имеются в виду дороги, построенные консулами Древнего Рима. — *Прим. ред.*

областного, так и местного значения были битком забиты автотранспортными средствами немцев, бежавших в северном направлении. Партизанские отряды района Монтеротондо во взаимодействии с советскими партизанами, действовавшими под руководством А. Тарасенко, приступили к осуществлению разработанного плана освобождения Монтеротондо.

Расположив в домах вдоль дороги Салариа небольшие группы патриотов, вооруженных автоматами, и устроив много небольших складов оружия и боеприпасов, три мобильные партизанские группы начали штурм немецкого штаба в Монтеротондо. Оперативным планом партизан предусматривалось освобождение этого района еще до прибытия войск союзников.

Партизаны стремились окружить здание, в котором был размещен немецкий штаб. Нацисты открыли стрельбу из окон, партизаны отвечали, забрасывая немцев градом ручных гранат. Через тридцать минут ожесточенного боя немецкие офицеры, охваченные паникой, кинулись в свои машины, намереваясь бежать из города. Однако партизаны немедленно атаковали эту автоколонну немцев и не позволили им уехать. Поняв, что им уже не спастись, нацисты подняли белый флаг в знак своей безоговорочной капитуляции. В плен было захвачено около двухсот пятидесяти немцев. Кроме того, на земле там и сям лежали раненые и убитые. На следующий день, к подходу англо-американских головных подразделений, весь этот район был уже полностью освобожден от противника.

В Риме 4, 5 и 6 июня 1944 года были днями народного ликования. Город праздновал возвращение свободы. Антифашистские партии стали развивать интенсивную деятельность, направленную на превращение своих военных организаций в политические. Люди, изголодавшиеся по новостям, после более чем двадцатилетнего периода засилья фашистских мракобесов радовались возможности свободно дискутировать на улицах, в общественных местах по поводу политических событий и взглядов. После первых двадцати четырех часов активного сотрудничества с партизанскими организациями Рима в деле вылавливания немецких солдат и фашистских коллаборационистов, которые прятались в городе, союзники приказали партизанам разоружиться.

Утром 7 июня, то есть через три дня после вступления в город союзных войск, прошел слух о том, что части Красной Армии тоже прибыли в Рим. Некоторые утверждали даже, что советские войска находятся где-то поблизости от Порта-Пия.

Через несколько дней после возвращения в Рим представителей посольства СССР советские граждане—участники партизанского движения в Италии отправились на свою великую родину, тепло провожаемые римскими друзьями, оставив по себе немеркнувшее живое воспоминание.

Глава третья

СВЫШЕ 1600 СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В РЯДАХ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ТОСКАНЕ

Количество советских граждан, принявших участие в борьбе Сопrotивления в девяти провинциях Тосканы, превысило 1600 человек. Около 70 из них пало, сражаясь на тосканской земле. Число советских граждан, воевавших в рядах партизанских формирований, которые действовали в провинции Гроссето, достигало приблизительно 1 тыс. В вооруженную борьбу они внесли огромный вклад. Чтобы полностью оценить его значение, следует учесть, что советские граждане составляли треть всех партизан, сражавшихся в Гроссето¹.

К сожалению, немногочисленность документов не дает оснований для полного и точного изложения проведенных боевых операций и указания общей численности советских людей в составе различных партизанских формирований. О скудости документальных данных свидетельствует тот факт, что удалось установить имена или фамилии лишь 197 человек из тысячи! Но как бы то ни было, доподлинно известно, что советские люди входили в состав всех действовавших в названной провинции партизанских бригад и что некоторые из них оказались в числе тех, которые в октябре — ноябре 1943 года влились в личный состав только что созданных партизанских формирований в зоне Манчиано и в зоне Масса-Мариттима. В 7-й группе отрядов Манчиано среди других советских людей был Александр Константинов, уроженец Орла.

С 22 сентября по 7 ноября 1943 года в ряды движения Сопrotивления в провинции Гроссето влились новые советские военнопленные. В партизанский отряд «Аран-

¹ Свидетельство Пьетро Верди.

чо Монтауто», действовавший в районе Мареммы (провинции Витербо и Гроссето), входило 40 русских, имена которых неизвестны. 37 активно боролись против фашистов, трое из них пали смертью храбрых, а один был захвачен в плен¹.

Полагают, что трое погибших советских партизан пали 17 апреля 1944 года, а советский партизан Марьян, дальнейшая судьба которого не известна, был захвачен в плен в ходе стычки у моста через реку Арса. В этом же столкновении погибли партизаны-поляки Рудольф и Арколеф².

После окончания боевых действий в данной зоне руководитель советской миссии в Италии полковник Яковлев выдал командиру отряда «Аранчо Монтауто» справку следующего содержания: «Аранчо Санти, итальянский гражданин, проживающий в Искья-ди-Кастро-ди-Витербо, во время нацистской оккупации Италии помог (sic) 33 советским гражданам бежать из немецкого плена. Он укрывал их в своем доме от преследования (sic) со стороны немцев, снабжая продовольствием и всем тем, что могло быть им необходимо. Аранчо Санти вместе с этими советскими гражданами, входившими в состав возглавлявшегося им партизанского отряда, активно участвовал в партизанской войне. Сейчас эти 33 советских гражданина возвратились на Родину и вновь включились в мирную, трудовую жизнь советского народа. Они выражают самые глубокие чувства благодарности за ту помощь, которая им была оказана их добрым другом Аранчо Санти»³.

Преобладающая часть советских людей начала приходить к партизанам провинции Гроссето с марта 1944 года. Это были в основном бывшие советские военнопленные, которых вынудили одеть немецкую форму. Все они пришли с южного фронта, где вели себя как пассивные свидетели поражений немецких войск. Совсем по-иному они проявили себя в рядах движения Сопротивления. Из собранных на месте свидетельств явствует, что это были смелые и дисциплинированные лю-

¹ Istituto storico della Resistenza in Toscana. Archivio. Доклад отряда «Аранчо» с горы Монтауто (БАМ) Комиссии по удостоверению принадлежности к партизанскому составу, Рим, стр. 4.

² См. там же, стр. 35.

³ См. там же, стр. 7.

ди, которые умели вжиться в окружающую их среду и часто служили примером.

Дезертирство из нацистской армии происходило непрерывно, крупными группами. Утверждают, что в период с марта по июнь 1944 года к партизанам присоединилось около восьмисот человек с полным вооружением. Наиболее значительная по численности группа их, состоявшая из 224 человек, входила в состав отряда «Тирли» патриотического формирования «Монте-Амьата», сектора «С»¹. Свыше 50 человек воевало в отряде партизан «Печчи», действовавшем в зоне Роккастрада, и около 70 — в отряде «Камича Росса», который оперировал в районе Масса-Маритима. Кроме того, 1 мая к партизанам зоны Розелле-Монтарсайо присоединились 12 русских, совершивших побег из лагеря военнопленных.

Помимо этого, в партизанское формирование «В. Алунни», которое действовало в Гроссето и на равнине, раскинувшейся к западу от этого города, в первой половине июня пришли многие советские военнопленные, из тех, что были заняты на строительстве фортификационных сооружений.

10 советских партизан были убиты в боях (включая троих, погибших в партизанском отряде «Аранчо Монтауто»). Двое из этих 10, Симон и Кинигальс — первого похоронили в Сассо-д'Омблоне, а второго в Гроссето, — входили в состав партизанского формирования «Дж. Мамели», действовавшего в зоне Монтекукко и находившегося под командованием советского гражданина Валентина Рева. 4 апреля 1944 года, сражаясь в составе отряда, который атаковал фашистский опорный пункт Сассо-д'Омблоне в Маремме, Симон пал, сраженный насмерть, в то время как Кинигальс, получивший тяжелое ранение, попал в лапы фашистов и был отправлен в гражданский госпиталь в Гроссето, где скончался. Симон и Кинигальс являлись офицерами Красной Армии².

¹ См.: «La provincia di Grosseto alla macchia» 1965, p. 137. Из доклада Пиладе Ротелла об отрядах, входивших в группу «Тирли».

² Из доклада Джузеппе Герози и Ренато Ланцилло, бывших командиров партизанского формирования «Дж. Мамели».

Третий из погибших, о котором известно лишь то, что он носил кличку Джованни, был убит в июне 1944 года в окрестностях Монтепескали, за несколько дней до освобождения Гроссето. Он сражался в рядах партизан Монтепескали и Монтарсайо.

Еще двое, известные как Иван и Марушка, числились в партизанских формированиях, действовавших в районе Масса-Мариттима. Первый из них погиб 16 июня, а второй — 2С июня.

Остальные два человека — имена и фамилии их остались неизвестными — погибли 24 июня в сражении за освобождение Роккастрады¹.

Одна партизанская группа, входившая в состав отряда «Фальеро Пуччи» — отряд этот базировался во флорентийской провинции, — захватила 6 марта 1944 года селение в окрестностях Каstellь'Ассаро (Сиена) и удерживала его в течение двух дней. После возвращения группы на базу партизанский отряд был окружен немцами. Группа, блестяще завершившая свою операцию в провинции Сиена, — состояла она, помимо капитана-новозеландца, из советских партизан, — взяла теперь на себя задачи арьергарда, и, в то время как основным силам отряда удалось организованно оторваться от противника, сама группа оказалась в окружении и была захвачена в плен. Схваченных партизан посадили в грузовик и повезли в город Гроссето, где находилось немецкое командование. По дороге капитан-новозеландец и четверо советских партизан, улучив момент, перебили конвоировавших их немецких солдат, подожгли грузовик и вернулись в отряд, воодушевив его своим высоким боевым духом². 23 марта эта группа вновь вернулась на сиенскую территорию и овладела в Каstellь'Ассаро казармой карабинеров³.

Некоторым из партизанских групп, входивших в 23-ю бригаду «Гуидо Боскалья» (база этой бригады находилась в зоне Вольтерры, но действовала она в об-

¹ Из докладов Амедео Печчи, бывшего командира гарибальдийской партизанской бригады «Антонио Грамши» и Анджеоло Рулли, бывшего командира партизанского отряда «Камича Бьянка», сектора «С».

² Институт Грамши в Риме. Архив. Папка Тосканы, лист № 011668. Бои, проведенные партизанами отряда «Фальеро Пуччи».

³ Из доклада командира партизанского отряда «Пуччи».

ширном районе, границами которого служили Сиена, Вольтерра и Масса-Маритима) пришлось выдержать 24 июня 1944 года ожесточенную схватку с немецкими войсками, прочесывавшими местность в районе поместья Козелла, что в окрестностях Монтальчинелло-Кьюздино (провинция Сиена). Здесь был убит киевлянин Иван Константинович Босов. Он пожертвовал собой ради спасения товарищей по борьбе, которым благодаря этому удалось оторваться от преследовавших их нацистов¹.

Первое ядро партизанской бригады «Боскалья» образовалось в Карлинских горах (между Сиеной и Гроссето) в конце февраля 1944 года. В эту группу, оторвавшуюся от ранее существовавшего партизанского формирования в ходе немецкой операции по прочесыванию местности, входило четверо русских, бывших военнопленных, бежавших из лагерей после 8 сентября 1943 года. Однако наибольший приток советских людей (общее их число достигло 97) отмечался в июне 1944 года, когда в результате многочисленных боевых операций, проводимых партизанской бригадой, в немецких воинских частях распространилось убеждение, что в данной местности действуют сильные партизанские группы.

В те дни многие советские военнопленные, принятые в принудительном порядке одной из немецких дивизий, отступавшей через район, где находились партизаны, дезертировали из рядов германской армии и стали разыскивать партизанские отряды, чтобы присоединиться к ним. В первое время командование партизан принимало этих людей с недоверием. Но, испытывая их, оно убеждалось в искренности и решимости советских людей сражаться. Они принимали участие в многочисленных боях, в ходе которых выделялись смелостью и сноровкой, свойственными хорошо обученным солдатам².

Здесь пали на полях сражений, кроме Ивана Босова, Геворк из Тбилиси, некто Пауль и один советский партизан из Туркестана — они похоронены на пизан-

¹ Сиена, архив АНПИ.

² Istituto storico della Resistenza in Toscana. Archivio. Доклад о боевой деятельности 23-й гарибальдийской партизанской бригады «Гуидо Боскалья».

ском кладбище, — а также еще двое неизвестных, погибших 10 августа 1944 года на горе Бруно. Помимо этого, в конце августа при попытке переправиться через реку Арно еще шесть русских из Туркестана потеряли связь с партизанской бригадой, и об их дальнейшей судьбе ничего не известно.

Поскольку партизанские действия все время распространялись из одной провинции на другую, нам случилось в ходе розысков сталкиваться с дублирующими друг друга сведениями и с параллельно существующими списками партизан, в частности списками имен и фамилий лиц, павших в боях. Если этого не учитывать, то иной раз может сложиться впечатление, что факты действий советских партизан в той или иной провинции устанавливались произвольно. И тем не менее, стремясь сохранить в данном исследовании связность изложения, мы не станем отклоняться от тех критериев, которых до сих пор придерживались, и будем исследовать вклад, вносившийся советскими партизанами в итальянское движение Сопротивления, переходя от провинции к провинции.

В провинции Сиена в рядах партизанских формирований насчитывалось около 40 советских граждан. Человек 8 или 10 из них были в бригаде «Антонио Грамши»; свыше 20 входило в состав группировки «Монте Амьата» (4-я группа партизанских отрядов); 4 человека находилось в рядах 8-й группы отрядов; неуточненное число — в группе «Камича Бьянка» («Монте Амьата»), двое — в отряде «Камазо» и 8 — в подразделении СИМАР. Среди последних находились: пехотный капитан, до войны работавший горным инженером в Харькове, один лейтенант-летчик 1921 года рождения, самолет которого был сбит над Доном, и 5 бывших военнопленных, в дальнейшем присоединившихся к войскам союзников, чтобы продолжать бороться против немцев¹.

В провинции Ливорно к итальянским партизанам присоединилось около 30 советских граждан. Двое из них погибли 29 июня 1944 года в бою в Кастельнуовелла-Мизерикордья, близ населенного пункта Розиньяно-Мариттимо. Это были кировоградец Степан Базен-

¹ Сиена, архив АНПИ.

ков 1911 года рождения и черниговец Михаил Тараш 1920 года рождения. И тот и другой — из 3-й партизанской гарибальдийской бригады «Валь-ди-Чечина». В той же бригаде было еще 22 советских партизана, трое из которых получили ранения.

В провинциях Лукка и Масса-Каррара в вооруженной партизанской борьбе принимало участие около 150 русских. 18 из них находились в группе «Чиприани»; 24 входили в состав штабной роты партизанской дивизии «Лунензе»; 3 — в третью роту группы «Чараджоли»; 30 числилось в партизанском формировании «Гарози»; двое — в бригаде «Лучетта»; 50 — в группе «Валанга»¹.

В этих районах приток советских людей в партизанские формирования начался сразу же после 8 сентября, что способствовало созданию здесь самых первых партизанских отрядов. Особенно большую роль играли советские люди в северном секторе, где действовала группа «Валанга». В этот сектор в провинции Лукка входили общины Галликано, Молаццана, Трассиллико, Верджемели, Корелья-Антельминелли. Группа «Валанга» была сформирована в феврале 1944 года. Командовал ею Леандро Пуччетти, молодой студент университета, который вместе с другими молодыми людьми начиная с 8 сентября занимался организацией помощи военнопленным, бежавшим из немецких лагерей, и раздобывал для них оружие.

Боевая деятельность этой группы — с 16 июня 1944 года она была включена в состав отрядов партизан 11-й зоны, действовавших под командованием Пиппо, — носила весьма интенсивный характер. С июня до конца августа группа вывела из строя свыше 300 немцев, если считать и убитых и раненых. После сражения в горах Альпе-ди-Сант-Антонио 29 августа это партизанское формирование вышло в зону Верджемели и там было реорганизовано, перейдя под командование Марио де

¹ Эти данные совпадают в численном отношении с наличием имен советских партизан в списках, которые составлены по окончании освободительной войны. В списках партизанского формирования «Гарози» отсутствуют данные о национальности партизан. Документы, касающиеся 50 советских партизан, были уничтожены вместе с архивом этой партизанской группы в ходе сражения в районе Альпе-ди-Сант-Антонио.

Мариа¹. В первых числах октября 1944 года отряд де Мариа перебазировался в район Паладины, где установил контакт с англо-американскими войсками. Партизанское формирование было разделено на три отряда, один из которых — командовал им советский партизан, известный под именем Савен, — занимал зону С. Пеллегрино. Вслед за тем «Валанга» в полном своем составе была включена в роту «С» автономного партизанского батальона. До самого конца войны она принимала участие в наиболее рискованных операциях².

В провинции Ареццо, в районах Ригутино и Капресе-Микельанджело, сразу же после 8 сентября образовались две партизанские группы, состоявшие из советских людей, бежавших из лагерей Рениччи и Латерина. Группа партизан, действовавших в районе Ригутино, немедленно принялась за дело и к 20 сентября в результате серии нападений располагала уже 20 карабинами, 45 пистолетами, одним ящиком патронов и двумя ящиками ручных гранат. В дальнейшем эта группа влилась в бригаду «Борри». 4 июля 1944 года в районе Монте-Линьяно погиб один из двоих советских партизан, входивших в состав группы с момента ее возникновения. Имя павшего осталось неизвестным³.

Во вторую партизанскую группу, которая почти целиком состояла из интернированных по политическим причинам югославов, бежавших затем из лагеря в Рениччи, входило и несколько русских. Один из них, который, как вспоминают, был известен под именем Сибиряк Иванович, погиб во время немецкой облавы вместе с командиром группы, словенским студентом Дучаном Бордонном⁴.

В «Дневнике» боевой подпольной деятельности 2-й роты «Габриэлла Поджи» 2-го батальона 23-й гарибальдийской партизанской бригады «Пио Борри», который хранится в архиве Института истории Сопротивле-

¹ «Il movimento italiano di liberazione», № 46, gennaio—marzo 1947, p. 51—56. Из доклада о боевой деятельности группы «Валанга».

² Ibid.

³ V. A. Curina, Fuochi sui monti dell'Appennino Toscano, Arezzo, tip. D. Bandiali, 1957, p. 34.

⁴ Сибиряка, вероятно, звали Петр Осипович. Он погиб 13 апреля 1944 года в Капресе-Микельанджело.

ния в Тоскане, нам встретилось упоминание о советском партизане по имени Иван Агафонов, но там нет никаких сведений о его деятельности. А вот в 4-й роте того же батальона находилось уже несколько русских (имена их не приводятся), отличившихся в ряде операций, например 19 июня, во время нападения на броневую машину противника (экипаж, состоявший из троих немцев, был уничтожен, а броневую машину партизаны сбросили с обрыва) и вслед за этим — на немецкую легковую машину (один немец был тогда ранен, но ему удалось бежать вместе с другими гитлеровцами, покинувшими машину, которая была захвачена партизанами, обнаружившими в ней два карабина, много сливочного масла, шоколада, коньяка и табака). 26 июня патруль той же 4-й роты, состоявший из 6 партизан, в том числе одного русского, выделявшегося сноровкой и смелостью, напал на трех немцев, занимавшихся грабежом на ферме Айюла (Кортон). Двоих нацистов партизаны убили, а одного ранили¹.

17 сентября 1944 года советский партизан, который был известен под именем Русский и входил в состав партизанской бригады «Пио Борри», погиб в сражении при Молинелли.

Сведения, касавшиеся участия советских людей в движении Соппротивления в провинции Аретино, можно почерпнуть из книги П. Панкраци «Малая родина», в которой приводятся дневники нескольких священнослужителей из провинции Картоне. Судя по записи П. Доменико Риччи, священника из Сан-Доменико-а-Перго, в партизанском формировании «Валли», действовавшем в районе Теверины, было отделение, состоявшее из трех русских, одного алжирца и двух итальянцев. 7 или 8 июня это отделение завязало в Монтанаре стычку с гитлеровцами, в ходе которой был убит советский партизан. Один из двоих оставшихся там русских, носивший кличку Москва, 10 июня был расстрелян немцами на вилле Томмази Алиотти и похоронен в С. Маркоин-Вилла², другой, по имени Василий Биллов, 22 лет, уроженец Ростова, 8 июня был повешен в Сан-Доменико-а-Перго³.

¹ Ibid., p. 198—206.

² Сообщение дона Маттео Менкетти из Метельяно.

³ Сообщение П. Доменико Риччи.

Советских партизан, сражавшихся в провинции Ареццо, насчитывалось около 30 человек, 8 из них пали на поле боя. Помимо тех погибших советских граждан, о которых уже говорилось, можно назвать еще троих: Николая Буянова и двух патриотов, имена которых остались неизвестными. Один из них входил в состав партизанского отряда «Поти», а другой, погибший 11 июля близ Молиnellи, состоял в 1-м взводе 4-й роты бригады «Банде Эстерне»¹.

УКРАИНЕЦ БУЯНОВ

Советский партизан Николай Буянов погиб 8 июля 1944 года. Он родился 18 июля 1925 года в Могилеве-Подольском на Украине. Вывезенный в Италию в совсем еще молодом возрасте, Буянов вместе с еще 11 русскими был отправлен немцами в Сан-Джованни-Вальдарно (провинция Ареццо), где ему пришлось выполнять тяжелую физическую работу. Четыре раза он пытался бежать, но всякий раз попадался в руки немцев. К концу апреля 1944 года Буянову посчастливилось познакомиться с итальянскими патриотами², и он согласовал с ними новый план побега. 14 июня, обманув бдительность немецкой охраны, Буянов добрался до партизанской роты «Кьятти», входившей в состав бригады «Синигалья», которая оперировала в горах района Кастельнуово-дей-Саббьони. У Николая погибла вся семья, и поэтому он имел к немцам большой счет. Партизанским командирам стоило большого труда удерживать его в тылу, если какие-то группы уходили на выполнение боевых заданий³.

8 июля 1944 года в результате доноса шпиона рота «Кьятти» была окружена немцами. Буянов находился вне немецкого окружения, тем не менее он, не колеблясь ни минуты, приблизился и открыл пулеметный огонь по врагу. Напрасно товарищи старались вернуть

¹ Свидетельство Карло Канюши, бывшего заместителя командира одной из рот партизанской бригады «Пио Борри», и Джузеппе Ланчизи.

² Речь идет о Франческо Лельми, Гуэррино Индори, Гульельмо Ворти, Приамо Биджанти и Нелло Фантони.

³ См.: L. S a n t o n i, Un prete buono e un bravo ragazzo, «Rivista dell'Amministrazione provinciale di Arezzo», dedicata al XX anniversario della Resistenza, 1964, p. 79.

его обратно: с удивительным спокойствием и храбростью он, продолжая вести огонь и пробив брешь в немецком окружении, дал возможность товарищам-партизанам, которых было около 60 человек, уйти от гибели. Когда патроны у Буянова иссякли, его скосила очередь из автомата. Затем немцы подошли к раненому и добили его из пистолетов.

Весть о героической гибели Буянова, распространившаяся в районе Вальдарно после его освобождения от немцев, взволновала все население. Местные газеты подробно писали о его подвиге. «Кто был на просмотре документального фильма «Моя битва за Украину», — писала газета «Л'информаторе аретино», — тому понятнее станут душевные страдания этого доблестного героя, который, попав в 16 лет в плен, видел, как его маму растерзала немецкая солдатня, опьяневшая от пролитой крови и побед, тот поймет те глубочайшие человеческие чувства, которые повелевали ему бежать из неволи, чтобы сражаться с врагом в открытом бою. После нескольких безрезультатных попыток ему удалось наконец бежать и вступить в партизанские формирования, действовавшие в районе Вальдарно. Уходя, чтобы уже никогда не вернуться, он обратился к людям, для которых был сыном и братом, с единственной просьбой: в случае гибели сообщить брату его, офицеру Красной Армии, что умер он не как трус. Нет, Николай Буянов умер не как трус. В партизанском формировании «Кьятти» не знают примера более блистательного и подлинного героизма, более стойкой и решительной воли к высшему самопожертвованию»¹.

СОРОК ПАВШИХ ВО ФЛОРЕНЦИИ

В партизанских формированиях, действовавших во флорентийской провинции, насчитывалось свыше 200 советских граждан, из которых приблизительно 40 погибло в боях (24 человека, оставшиеся неизвестными, похоронены на кладбище в Рифреди: 13 человек с левой стороны капеллы, и 11 — с правой).

Из документов явствует, что в рядах бригады «Синигалья» сражалось 60 советских партизан; примерно 30, а может быть и больше, находилось в бригаде «Ланчот-

¹ «L'informatore aretino», 25 maggio 1945.

то»; от 10 до 12 человек состояло в рядах бригады «Кайани»; приблизительно 20 — в бригаде «Фанчуллачи»; от 30 до 35 — в бригадах «Справедливость и свобода», 15—20 человек числилось в бригаде «Пополо», и около 20 — в бригаде «Персео». Многие из них пришли в ряды партизан с самых первых дней освободительной войны. Двое примкнули к первым подразделениям бригады «Ланчотто», после того как совершили побег из лагеря военнопленных в Сесто-Фьорентино. Одного из них звали Георгий Орагеледес. В дальнейшем в это партизанское формирование продолжали прибывать советские люди, где они организовали свою собственную роту, воевавшую под командованием Лоренцо Джованнини. Политическим комиссаром был назначен Ороз Курбан Ниязов. Многие из партизан этой роты погибли в боях. Двое были убиты в населенном пункте Валлибона, в горах Монти-делла-Кальвана, в том же бою, в котором погиб Ланчотто Баллерини, именем которого стала называться бригада.

В ночь с 2 на 3 января 1944 года, двигаясь со стороны Прато, Вайано и Календзано, крупные силы чернорубашечников из фашистского соединения «Мути» вместе с карабинерами предприняли широкую операцию по прочесыванию местности в горах Монти-делла-Кальвана, где в районе Валлибона незадолго до того расположился небольшой партизанский отряд, состоявший из нескольких молодых советских граждан, бывших военнопленных, и из солдат бывшей итальянской армии. В их активе была уже смелая операция на железнодорожной станции Монторсоли, в ходе которой они остановили поезд и разоружили находившихся там фашистов.

«Было шесть часов утра,— рассказывает один из участников этой схватки,— когда нас разбудил голос: «Фашисты». Когда я проснулся, они были уже у порога хижины и кричали: «Выходите, предатели, сдавайтесь!» Партизан было 19 человек, включая двух русских. Согласно донесению Фердинандо Пуццоли, политического комиссара партизанского формирования, которым командовал Ланчотто Баллерини, первым, кто заметил наступавших фашистов, был советский партизан Милко, немедленно разбудивший Пуццоли. Тот в свою очередь разбудил Ланчотто, которому удалось организовать обо-

рону, несмотря на то что фашисты уже находились всего в нескольких метрах от дома, где укрывались партизаны. В состав группы входил также советский партизан Владимир, старший лейтенант инженерных войск, уроженец Москвы, который, как это явствует из официального доклада о боевой деятельности партизанской бригады «Ланчотто», получил ранение в ходе нападения на железнодорожную станцию Монторсоли.

Бой в селении Валлибона был ожесточенным. Ланчотто в мгновение ока набрал ручных гранат и начал теснить врагов. С десятков чернорубашечников, проникших было в первую хижину, были отброшены или ранены. Метр за метром фашисты отходили назад. Повсюду свистели пули. Однако борьба была неравной. При попытке захватить пулемет Ланчотто был смертельно ранен в грудь. Такая же участь постигла и обоих советских партизан. И все же противник дорого заплатил за внезапный налет на Валлибона. 12 фашистов было убито и 81 ранен; некоторые из раненых в дальнейшем умерли¹. Обоих советских партизан похоронили на кладбище в Сеччано, вблизи общины Календзано.

Из донесения о боевых действиях 22-й гарibaldiйской бригады «Ланчотто» видно, что примерно сто советских людей с самого начала присоединились к этому формированию и что «они по собственной просьбе остались в наших рядах»². В дальнейшем большинство этих советских партизан было переведено в бригаду «Кайани», сформированную в первых числах июля, чтобы не перегружать ставшую и без того многочисленной бригаду «Ланчотто». За несколько дней до формирования бригады «Кайани» пал советский капитан Джорджо, входивший в состав отряда «Ч. Пиндзано» (бригада «Ланчотто»). Он принимал участие в захвате автомашины, в которой находился немецкий полковник и был убит при попытке не допустить бегства этого нацистского офицера. В определении даты и места происшествия имеются расхождения; по данным «Дневника боевых действий» партизанского отряда «Пиндзани», советский капитан погиб 12 июня 1944 года в Раджоло, а в

¹ O. Barbieri, Pontil sull'Arno, Roma, 1958, p. 108.

² Istituto storico della Resistenza in Toscana. Archivio. Доклад о боевой деятельности 22-й гарibaldiйской партизанской бригады «Ланчотто».

общем докладе бригады, где приводятся подробности этого события, указывается, что оно произошло 23 июня 1944 года в Поппи.

Неуточненное число советских партизан, входивших в состав бригады «Ланчотто», погибло в апреле 1944 года во время прочесывания района Монте-Фальтерона; их похоронили как неизвестных воинов в капелле партизан, павших в сражениях во флорентийской провинции. Другие, которые во время немецкой облавы направились в окрестности селения Секкьетта для оказания помощи партизанам, атакованным немцами, потеряли связь со своими и в отряды не вернулись. Полагают, что они попали в руки немцев и были расстреляны в другом районе. Среди них находились некто Андрей, член ВКП(б) и военврач-капитан с Украины, носивший боевую кличку Русский. После прочесывания немцами района Монте-Фальтерона здесь имели место новые случаи вступления советских людей в ряды партизан.

В гарибальдийской бригаде «Синигалья» сформировали роту, состоявшую исключительно из советских людей. Этой роте было дано название «Стелла Росса» («Красная Звезда»), а командиром ее назначен партизан Джованни (Иван), старший лейтенант советской авиации, самолет которого нацисты сбили над Сталинградом. Этот серьезный, очень храбрый и мужественный человек говорил, что состоит в ВКП(б). Политическим комиссаром был Иван Егоров, в прошлом учитель музыки. Он прибыл из партизанской бригады «Фантаччи», действовавшей в провинции Пистойя. В этом же отряде были Александр Тимошин, Ефим Пейдев, оба колхозники и неразлучные друзья, Василий Цринк, которому едва исполнилось 14 лет, некий Никита, бывший парашютист, и Сурен Кирикользян, погибший 21 июля 1944 года при Монтемаджо после ранения обеих ног и ожесточенного сопротивления немцам.

В «похвальном листе» командования партизанской бригады сказано, что «в первый, организационный период и в последние дни напряженной деятельности в бригаде особенно отличились товарищи Отто, Гарибальди, Франко, Ланча, Формика, Фумо, Сирьо, Стеккино, Кассайо, Порро, Тручоло, Балена, Берто, Трилья, Луго, Феделе, Пиноккьо, Фино, Ромоло, Физико, Волга, Нанни, Василий, Сурен, Боб, Джорджо, Альваро. Среди поиме-

нованных имеются военные командиры и комиссары. Дисциплинированность, проявленная всеми этими товарищами, является примером для всех бойцов бригады. Некоторые из них отличились в недавней стычке у Бадии, другие добровольно вызвались работать сверхурочно, дабы дать отдохнуть переутомленным подразделениям, принимавшим участие в сражениях последних дней. Иные в крайне опасных условиях обеспечили связь с ротами «Кьятти» и «Кастеллани», действовавшими на значительном удалении от остальных подразделений бригады «Синигалья»¹.

Влившись в состав партизанской бригады советские люди проявили себя стойкими и храбрыми бойцами, что было заслугой и их командира Джованни, отличавшегося политической зоркостью и зрелостью. Он требовал от своих товарищей, умевших изъясняться по-итальянски, чтобы во время политических дискуссий и совместных с итальянскими партизанами собраний они говорили только по-итальянски, ибо считал, что это способствует усилению сплоченности итальянских и советских партизан. Гибель Джованни — немцы выпустили ему в голову автоматную очередь² — еще больше спаяла советских и итальянских партизан. Их братство было вновь продемонстрировано 21 июля 1944 года в Монтемаджо, когда эсэсовцы в результате внезапного налета при поддержке бронемашин застigli в одном доме двоих раненых партизан бригады «Синигалья»: Сурена Кирикольязна и итальянца по кличке Ново. Партизаны сопротивлялись немцам до последнего патрона. Командир эсэсовцев немецкий офицер прикончил их ударами кинжала. Надругавшись над их телами и выколов им глаза, эсэсовцы подожгли дом.

БОЙ У ПЬЯН-Д'АЛЬБЕРО

20 июня 1944 года в бою у Пьян-д'Альберо подразделение «Стелла Росса», состоявшее из советских партизан, проявило исключительный героизм³. Это была

¹ O. Vargieri, op. cit., p. 199.

² 20 июня 1944 года он получил ранение в ходе стычки при Пьян-д'Альберо, во время которой был ранен еще один советский партизан, известный под именем Пьетро.

³ O. Vargieri, op. cit., p. 211.

одна из наиболее серьезных схваток, в которых участвовали гарибальдийцы бригады «Синигалья», обороняя подступы к горе Скалари. Указанный крупный массив уже давно удерживался бригадой в интересах нарушения немецких коммуникаций и срыва снабжения их тылов в долине реки Кьянти. Партизаны, в том числе и бойцы подразделения «Стелла Росса», понесли тяжелые потери. Немцы повели решительное наступление в районе Пьян-д'Альберо с применением крупных сил. В семь часов утра они уже успели окружить сельский дом, где находилась группа недавно прибывших молодых партизан, ожидавших зачисления в бригаду и получения оружия. Бой носил быстротечный и очень ожесточенный характер. Он протекал с переменным успехом. Многие из невооруженных патриотов попали в плен. Мелкие патрульные группы партизан контратаковали немцев, но те удержали свои позиции, а затем усилили наступление. В бой вступали другие подразделения бригады. Джованни с группой своих соотечественников предпринял последнюю, отчаянную попытку освободить из окружения молодых патриотов. Бой был яростный: партизаны потеряли убитыми 13 человек, в том числе Джованни, но у немцев осталось лежать на земле 16 солдат. Прежде чем командир группы «Стелла Росса» упал, сраженный насмерть, он сумел спасти Джузеппину Кавикки, самую маленькую дочурку хозяина дома. Отказавшись от захвата горы Скалари, немцы медленно отступили, уведя с собой пленных итальянских и советских партизан.

На закате 20 июня, когда закончилась эта кровавая схватка у Пьян-д'Альберо, вокруг охваченного пожаром одинокого дома крестьянина-испольщика, у стен его лежало 12 убитых партизан, почерневших от взрывов зажигательных бомб. Старик хозяин лежал тут же, устремив в небо взгляд невидящих глаз. Внизу, в долине, близ того места, где находится Инчиза, вдали от дороги и жилья немцы выбрали поле, где вдоль тропинки выстроилось восемнадцать оливковых деревьев. На каждое дерево приходилось по одному из восемнадцати парней, итальянцев — крестьян и рабочих — и русских солдат. Одного за другим их ставили на грузовик, с веревкой вокруг шеи, и, когда грузовик рывком подавался вперед, партизан оставался висеть на дереве. Немцы оставили их там и запретили местным крестьянам снимать

тела повешенных: они хотели, чтобы это страшное зрелище послужило примером их жестокости, их непреклонной свирепости¹. Такую же жестокость гитлеровцы позднее проявили в Фильине-ди-Прато, где они повесили итальянских и советских партизан, преданных одним и тем же идеалам, за которые они бок о бок сражались.

После боя у Пьян-д'Альберо боевая деятельность бригады «Синигалья» продолжалась с новой силой. 23 июня она нанесла удар по немецкой части, расквартированной в Капаннучча, недалеко от Флоренции, и вывела при этом из строя один мост. «Завтра,— писал командир бригады в донесении об этом эпизоде,— товарищи в Сан-Фредьяно и Колонне узнают, что после боя у Пьян-д'Альберо бригада «Синигалья» стала еще активнее, чем раньше, и они будут довольны не меньше нас. Люди почувствуют, что день освобождения близится»².

В районах Монтемурло, Монтемаджо, Поджо-Фиренце, Фонте-Санта и в других местах вспыхивали жаркие схватки. Близ оврага Палаццаччо группа немцев численностью около десяти человек попыталась напасть на бойцов подразделения «Стелла Росса», но партизанские пулеметы встретили их огнем с короткой дистанции.

3 и 4 августа партизанская бригада «Кайани» под командованием Бруно Бернини вела сражение в районе Тре-Пини, на холмах Сеттиньяно. Во время этого сражения было убито двое советских партизан, другие, не смотря на неоднократно предпринимавшиеся ими попытки восстановить контакт с партизанским формированием, основным силам которого удалось прорваться из немецкого окружения, вынуждены были рассеяться. Бригада «Кайани» потеряла убитыми 31 бойца. Несколько итальянских и советских патриотов были расстреляны немцами в Валле-делле-Торторе. Другим же партизанам, потерявшим контакт со своим подразделением, удалось найти убежище в домах крестьян. Среди них находился один советский гражданин, которого, как и капитана-украинца, военного врача, тоже называли Русским. Он был устроен в доме крестьянина неподалеку от Упако-Монтилоро (Понтасьева). После

¹ O. Barbieri, op. cit., p. 212.

² Ibid., p. 198.

сражения нацисты провели облаву и схватили многих местных крестьян в качестве заложников. Они заперли их в одном из крестьянских домов, чтобы затем предать казни. Русский ради спасения заложников явился к немцам, сказав, что предлагает себя вместо арестованных крестьян. Немцы публично подвергли его зверским истязаниям, а потом, привязав к молотилке, четвертовали. Еще один советский партизан, Жумадурды Собиоров, входивший в состав партизанской бригады «Ланчотто», был убит на подступах к Флоренции. Его похоронили на кладбище в Верлунго как неизвестного бойца. Лишь позднее с помощью Ороза удалось установить его настоящее имя и фамилию.

ПОВЕШЕННЫЕ В ФИЛЬИНЕ-ДИ-ПРАТО

В то время как фронт откатывался от Флоренции — она была освобождена 11 августа 1944 года, — к северу от города по-прежнему продолжались бои. Борьба все еще носила ожесточенный характер, особенно в районе Прато, поскольку немцы стремились обеспечить себе путь отступления к «Готической линии». Рабочие Прато и партизаны, оперировавшие в долине реки Бизенцо, вели тяжелые бои с нацистскими воинскими частями. 5—6 сентября 1944 года немцы учинили новую массовую расправу над итальянскими и советскими партизанами в Фильине-ди-Прато, селении, расположенном у подножия горы Морелло.

5 сентября в селении прошел слух, что немцы наконец-то собираются уходить. Люди уже начинали свободнее дышать. Однако к вечеру жители стали вздрагивать от грохота интенсивной стрельбы. На близлежащих холмах между немцами и действовавшими в этом районе партизанами развернулись бои, продолжавшиеся до зари. «6 сентября, по-видимому около 9 часов утра, — рассказывает один очевидец, — до нас дошла весть, что немецкая солдатня рыщет по селению, заходит в дома, забирает столы, стулья и веревки... Двое немцев, вооруженных автоматами, ворвались к нам в дом и... отвели меня к своему офицеру... который принялся выкрикивать по моему адресу какие-то фразы на немецком языке. Один солдат, бывший у них, как мне показалось, переводчиком, сказал: «Ты ничего не бойться, ты стоять

около начальник и смотреть, что мы сделать». Глазам моим предстало ужасающее зрелище: у стены, что вдоль рва Бардена, стояли в ряд молодые люди со скрещенными на затылке руками... Я пересчитал их... двадцать один человек! Другие, убитые, лежали на повозках, на противоположной стороне дороги... В это время там же проходило несколько крестьянок с кувшинами полными воды. Почти все партизаны стали просить пить. Чувствовалось, что в горле у них горит, ведь они не пили с прошлого вечера; эти люди сражались, им пришлось бежать, напрягаться, и они крайне устали. Однако немцы запретили давать несчастным воду... Тем временем первых двух обреченных на смерть схватили и повели к началу улицы Маджо. С того места, где я стоял, мне ничего не было видно. Немец-командир, который заставил меня присутствовать при этом страшном зрелище в качестве заложника, ответственного за общественный порядок... подошел и, взяв меня за руку, повел вперед, поставив в двух метрах от названной улицы. Затем он крикнул мне: «Смотреть!» Под аркой нашей деревенской улочки уже висели два первых мученика»¹.

Тем временем на той же маленькой улице из окна в окно были просунуты балки, с которых в ожидании жертв свисали веревки. Партизан приводили по двое. Их заставляли подниматься на два стола и стоявшие на них стулья. Над их головами уже висела веревка. Как только палачи одевали партизанам на шею петлю, стол и стул резко выдергивались из-под ног жертв, и они повисали в петле смерти. «Один русский воскликнул: «Да здравствует движение Соппротивления!» Убийцы, прежде чем повесить, начали его избивать. Другой оказал сопротивление и ударил одного немца ногой в живот»². «Палач, вне себя от ярости, снял с винтовки штык и бросился на уже недвижимое тело русского»³.

ПОДВИГИ ИВАНА БАРАНОВСКОГО В ПИСТОИЕ

В этой провинции в движении Соппротивления участвовало примерно 60 советских партизан. Двое из них

¹ O. Barbieri, op. cit., p. 331—335.

² Ibid., p. 336.

³ M. Luigia Guaida, La guerra finisce la guerra continua, Firenze, 1957, p. 112.

входили в состав подразделения «М. Маньи», 10 было в штабной роте 11-й зоны (южный сектор провинции Пистойя), человек 30 — в партизанском подразделении «Пиппо», которое оперировало то в провинции Лукка, то на территории пистойской провинции, точнее в округе Пешья, примерно 20 человек насчитывалось в бригаде «Убальдо Фантаччи», среди которых находился Иван Никитович Егоров; в одном из сражений с немцами он получил ранение. Впоследствии Егоров перешел в бригаду «Синигалья».

В донесении Джузеппе Корсини из Пистойи говорится, что в начале лета 1944 года Джорджо, один из советских партизан, воевавший в рядах бригады «Фантаччи», в ходе стычки с фашистами в районе С. Вито-Монтаньяна был ранен в колено. Ранение требовало помещения партизана в больницу. Командование бригады информировало об этом руководящих работников в Пистойе, и Джузеппе Корсини, секретарь местного Комитета национального освобождения, взял на себя выполнение этого отнюдь не легкого дела. Трудность заключалась в том, что пистойская больница находилась под строгим немецким надзором; кроме того, раненого предстояло доставить из Монтаньяны, где тот был спрятан и провезти через все заградительные посты гитлеровцев и итальянских фашистов.

Первая попытка закончилась неудачей из-за трусости врача, который должен был сопровождать советского бойца. Тогда Корсини обратился к партизанам отряда «Воланте», которые, числясь в продовольственной полиции, без труда могли получить в свое распоряжение транспортные средства. Вскоре автомашина была получена и Корсини отправил ее за раненым. Партизаны привезли в Пистойю, через прачечную провели в больницу и при содействии верного человека, работавшего в больнице санитаром, уложили в отделение для рожениц, которое тогда пустовало. Чтобы заставить немцев обходить стороной родильное отделение — заметим, что они как огня боялись кожных заболеваний, — на его двери было прикреплено написанное крупными буквами предостережение, что в этом помещении находятся больные чесоткой. Замысел удался на славу, и Джорджо, за которым ухаживали Мирелла Казалоне из Пистойи и ее мать, получал, насколько это позволяло

общее положение, все, что ему было необходимо для лечения. К моменту освобождения Пистойи он был уже почти совершенно здоров, и буквально через несколько дней оказалось возможным отправить его на юг Италии, откуда уже без труда ему удалось возвратиться на родину.

Другая группа советских партизан входила в состав ударной гарибальдийской партизанской бригады «Джино Боцци». Среди них находился Иван Барановский (Паоло), павший в селении Альяна 2 марта 1944 года. Об этой блестяще воевавшей бригаде, обосновавшейся в высокогорных апеннинских районах Тосканы и Эмилии, сохранилось мало сведений, хотя в северной Пистойе почти нет людей, которые бы не слышали упоминаний о ней. Ниже приводятся некоторые сведения общего характера, касающиеся этой бригады. Они основываются на первых результатах систематического, все еще продолжающегося исследования, предпринятого с целью восстановления общей картины боевой деятельности этого партизанского формирования¹, в образовании которого участвовали и советские партизаны.

В результате деятельности Джино Боцци, старого коммуниста, в сентябре 1943 года в районе Видичатико (провинция Болонья) стала формироваться партизанская группа, состоявшая преимущественно из коммунистов Флоренции, которым пришлось покинуть город, дабы избежать облав, предпринимавшихся гитлеровцами и итальянской фашистской полицией. Вскоре партизанская группа, получив на этот счет определенные директивы от флорентийской военной организации Итальянской коммунистической партии — Боцци поддерживал с ней регулярную связь, — передислоцировалась в район формирования; на тосканские склоны Апеннинских гор, в провинцию Пистойя. Обосновавшись в окрестностях селения Мареска, это партизанское формирование приняло в свой состав троих бывших советских военнопленных, которых после побега из гитлеровского лагеря радушно встретили и прятали крестьяне Апеннинских гор. Эти трое были военными, и их фронтовой опыт в значительной мере способствовал тому, что партизанское формирование, состоявшее из людей, не участвовавших

¹ Этим занимается Джованни Верни (Флоренция).

еще в военных действиях, приняло облик боевой части. «Когда я уходил в дозор вместе с русским, — вспоминает Умберто Теллини, один из бойцов этого отряда, — то ни ветер, ни снег, ни дождь не могли помешать нам беспрерывно обшаривать порученные участки. Сколько километров мы проходили за эти два часа!» Отношения между советскими партизанами и патриотами провинции Пистойя стали подлинно братскими; и это подтвердилось в ходе первой же операции, а также после ее завершения, когда благодаря решительным действиям трех советских партизан — они были известны под именами Иван, Григорьо и Алессандро — удалось найти выход из создавшегося опасного положения.

Одной из самых острых проблем, стоявших тогда перед партизанской бригадой, была проблема продовольственного обеспечения. Чтобы решить ее хотя бы на время, партизаны решили без промедления реквизировать у известного фашистского шпиона его солидные запасы, хранившиеся у него на вилле, в окрестностях Видичатико. На проведение операции по изъятию продовольствия ушло два дня. Когда партизаны вернулись на базу, их валяла с ног усталость, они окоченели от холода, но добыли много оружия и продуктов.

Операция прошла успешно, однако на обратном пути партизанам пришлось освободиться от части груза, так как ноша оказалась чересчур тяжелой. Из-за плохой видимости и снежной метели на подходе к перевалу Канчеллино один из партизан сорвался с обрыва. По воле случая ему, однако, удалось ухватиться за ветви росших над обрывом кустов и тем самым спастись от падения в пропасть. Шедшие сзади советские партизаны пришли к нему на выручку, взяли его ношу и оказали первую медицинскую помощь. Группа вновь двинулась в путь, но, ввиду того что уже начало вечереть, а метель бушевала все сильнее, ей пришлось укрыться в полуразрушенной хижине пастухов. Ночью крыша хижины обрушилась, не выдержав веса скопившегося на ней снега.

В результате происшествия появились новые раненые, хотя их состояние и не было столь серьезным, как состояние едва не сорвавшегося в пропасть. Не дожидаясь рассвета, партизаны, ворча и ругаясь, зашагали дальше. Вот здесь-то со стороны советских людей вновь

проявился высокий дух братства. Они взвалили себе на плечи ношу получивших повреждения товарищей. Когда после продолжительного марша в метель группа заметила, что сбилась с пути, и всеми стали овладевать чувства уныния и растерянности, советские партизаны предложили товарищам остаться на месте и дожидаться, пока они обследуют местность и найдут нужную дорогу. Алессандро и Грегорьо ушли. Через минут пятнадцать они вернулись и, дав понять товарищам, что сориентировались на местности, предложили им продолжить путь. Однако прошло несколько часов, а партизаны все еще сомневались, правильна ли дорога. Им не верилось, что иностранцам удалось отыскать путь на местности, которую они плохо знали и где снег скрывал все ориентиры. Достигнув вершины горного гребня, с которого виднелась долина, где находились хижины партизан, итальянцы в порыве радости бросились обнимать своих советских товарищей¹.

Суровые условия зимы, наступившей в тот год раньше обычного, а также не соответствовавшая горным условиям одежда людей привели к значительному сокращению личного состава бригады. Остававшимся был дан приказ спуститься в Пистойю и укрыться там у людей, на которых можно было положиться, до тех пор пока не будет отыскано подходящее место в непосредственной близости к городу. Советских партизан, которые очень плохо знали итальянский язык, решено было оставить в селении Мареска, пока не удастся найти новую подходящую базу и установить тесные связи с местными крестьянами. К сожалению, фашисты очень скоро пронюхали, что в этом селении живут три советских партизана; руководители местной коммунистической организации вынуждены были без промедления переправить их в Эмилию, с тем чтобы они там присоединились к местным партизанским формированиям. Однако эти советские граждане все же попали в лапы фашистского доносчика, и до сих пор не удалось выяснить их дальнейшую участь².

Тем временем партизанское формирование «Боцци» было реорганизовано и в ноябре 1943 года приняло в

¹ Свидетельство Альфредо Бани (Помпьере), бывшего командира партизанской бригады «Боцци».

² Там же.

свой состав еще троих советских людей, которые присоединились к бригаде в районе Канделья. Одного звали Евгением, остальных — Иванами. То, что оба они носили одно и то же имя, создавало некоторую путаницу, поэтому один из них, говоривший по-итальянски, сменил свое имя на Паоло.

Евгений, Иван и Паоло были приблизительно одного и того же возраста: лет около двадцати пяти. Евгений отличался силой Геркулеса и часто рассказывал о своей сестре, вступившей в советский Красный Крест. Паоло был среднего роста, коренастый, светловолосый. Особой его приметой был белый металлический зуб, заметный, когда он смеялся. Через несколько лет после окончания войны в результате кропотливых поисков, предпринятых в СССР, удалось установить его личность. Настоящие имя и фамилия Паоло были Иван Барановский. Он родился в деревне Светловодск Красноярской области. До военной службы Барановский работал на механическом заводе. Его призвали в армию в 1939 году, и он был в звании сержанта.

По рассказу некоего Петра Романенко, Барановский попал в Италию в сентябре 1943 года вместе с самим Петром и еще двумя советскими военнопленными. Им предстояло работать на строительстве немецких фортификационных сооружений близ Генуи. Их эшелон, едва прибыв в Геную, был направлен обратно в Германию. Тут-то Барановский и совершил побег вместе с тремя своими соотечественниками, среди которых находился и Романенко. По словам последнего, четверо бежавших советских военнопленных целый месяц скитались в поисках партизан. В окрестностях Флоренции, отправившись на разведку, Романенко потерял связь со своими друзьями.

Не прошло и месяца с момента прихода в бригаду троих советских партизан, как погиб Джино Боцци. Это произошло 26 декабря 1943 года. По пути в Пистойю для встречи с городскими товарищами он был смертельно ранен фашистским патрулем. Для беспрестанно преследуемого фашистами партизанского формирования, неожиданно лишившегося своего командира, наступал новый тяжелый и критический период. Он закончился тогда, когда командование гарибальдийских партизанских бригад Тосканы направило в провинцию Пистойя

Фернандо Боргези в качестве политического комиссара, который и реорганизовал формирование.

После гибели Боцци ряды партизан сильно сократились. Из трех советских партизан двое погибли: Ивана и Евгения схватили вместе с английскими военнопленными в одном из домов, где они укрывались. В то же время остальные бойцы этого партизанского формирования участвовали в боевых операциях групп патриотического действия. Наиболее примечательной среди них явилось освобождение из пистойской больницы партизанского командира, получившего ранение и схваченного фашистами. В этой операции отличился своим мужеством и исключительным хладнокровием Иван Барановский (Паоло).

Под руководством Фернандо Боргези партизанское формирование в короткое время было доукомплектовано, ему присвоили имя погибшего Джино Боцци, и вскоре оно возобновило боевую деятельность. В первой же операции был убит Паоло.

Операция эта проводилась 2 марта 1944 года в Сан-Пьетро-Альяна. Партизанское командование решило тогда совершить нападение на казарму карабинеров, с тем чтобы возобновившая боевые действия группа могла обеспечить себя необходимым вооружением. По мнению местных патриотов, нападение на казарму не должно было быть сопряжено с чрезмерными трудностями. Им представлялось, что, не питая особенной симпатии к фашизму, карабинеры, мол, сдадутся после первого же ультимативного требования партизан: то, что они там находятся, говорили эти люди, связано лишь с несением службы; кроме того, единственным среди них фашистом является, очевидно, их маршалло (старший унтер-офицер), который вечером почти всегда уходит из казармы домой. Было решено поэтому провести операцию силами лишь шести человек, среди которых был и Барановский.

Паоло, говоривший по-немецки, и командир партизанской группы должны были, выдав себя за немецких военнослужащих, потребовать у карабинеров, чтобы те открыли им дверь и впустили в казарму переночевать. Согласно плану действия, как только карабинеры откроют дверь, в казарму вместе с первыми двумя партизанами должны были войти также их четыре товари-

ща, притаившиеся неподалеку. Затем предполагалось предъявить карабинерам требование сдаться. В намерения партизан входило лишь забрать у солдат оружие, боеприпасы, одежду и обувь.

В действительности же события развивались следующим образом. Когда карабинеры откликнулись, советский партизан на немецком языке потребовал, чтобы открыли дверь. Карабинеры ответили отказом. Возможно, заподозрив, что разговаривают с партизанами, они сказали, что ночью никому открывать не могут, что в нескольких километрах находится немецкая комендатура, где можно поесть и переночевать. Паоло стал настаивать, разыгрывая раздражение, но карабинеры двери все-таки по-прежнему не открывали. Посоветовавшись, как быть дальше, партизаны решили предпринять еще одну попытку.

Вначале карабинеры опять отказались открыть дверь, но в конце концов сказали: «Ну, хорошо, мы вам откроем». Четверо партизан, стоявшие за углом, подошли к двери и пристроились за Паоло и командиром, который, кстати говоря, хоть и был итальянцем, а носил кличку Иван. Но в этот момент над воротами казармы зажглась висевшая снаружи лампа, причем не синяя, светомаскировочная, а обычная, осветившая всех партизан. Карабинерам стало ясно, сколько их, и главное — что в руках у них оружие. Через несколько мгновений дверь была приоткрыта и партизаны приказали карабинерам поднять руки вверх. Однако последние успели вовремя набросить на дверь предохранительную цепочку и теперь мгновенно захлопнули ее снова, а затем через смотровой глазок открыли огонь по партизанам.

«Пуля попала Паоло в голову,— вспоминает Фернандо Боргези. — Я увидел, что он поворачивается на месте и падает. В тот момент, когда я лег на землю, Иван был ранен в плечо. Меня тогда не задело, видимо потому, что я оказался меньше ростом, чем Паоло и Иван. Едва раздались выстрелы, я открыл огонь. Так продолжалось несколько секунд, затем я начал отползать, продолжая вести огонь, опираясь на локти. Таким способом мне удалось достичь угла казармы, за которым я встал. Моих товарищей уже не было: они увели раненого Ивана в надежное место. Я же стал наблю-

дать, не станет ли двигаться Паоло, который оставался лежать перед дверью, на освещенном месте. Тогда я не был еще убежден, что Паоло мертв. В какой-то момент я было сделал попытку добраться до Паоло, чтобы унести его, но стоило мне на несколько сантиметров выдвинуться из-за угла, как в моем направлении раздался выстрел. Затем в меня бросили ручную гранату «Балилла», осколки которой слегка поранили мне руку. Я понял, что мне ничего сделать не удастся: высунуться из-за угла было равносильно гибели. Я продолжал оставаться за углом казармы, пока ко мне не подошли остальные партизаны. Мы стали опрашивать местных жителей, нельзя ли проникнуть в казарму с тыльной стороны, — ведь у нас все еще не было уверенности, что Паоло мертв, и нам при любых условиях хотелось унести его с собой. Однако другого входа в казарму не оказалось. Стало рассветать, и мы вынуждены были вернуться в отряд, глубоко удрученные смертью Паоло. Мы, конечно, тяжело переживали бы такое событие и в том случае, если бы пал итальянский партизан, но наше горе было особенным, потому что Паоло являлся советским человеком, потому что нам, коммунистам и партизанам, советский солдат казался тогда символом всего того, ради чего мы сражались».

За несколько дней до гибели Паоло в формирование «Боцци» пришел еще один советский партизан приблизительно лет 23. Звали его Иванов. Это был крепкого сложения человек, склонный к полноте, с темными и гладкими волосами. В облике угадывалось нечто монгольское. Ростом он был примерно сантиметров сто семьдесят. Иванов говорил, что он член московской комсомольской организации, что у него было две сестры, служившие в авиации и погибшие на фронте. В течение того периода, когда Иванов воевал в рядах формирования «Боцци», он тоже проявил себя хорошим, ловким и смелым партизаном. Этот советский человек принимал участие в захвате шпиона, служившего «республиканскому» фашистскому режиму, участвовал в бою у селения Тоббьяна, в боевой операции в Торри и в сражении при Треппио.

Сражение при Треппио 17 апреля 1944 года было для отряда «Боцци», попавшего в окружение, самым тяжелым из всех, которые ему до тех пор довелось вести.

Партизаны, нанеся силам противника значительный урон и потеряв при этом одного только Маньино Маньи, в соответствии с заранее намеченным планом сумели, разделившись на группы, выйти из окружения. Только одна из групп, успев просочиться через вражеское окружение, все же не смогла добраться до места сбора и рассеялась. Так отряд «Боцци» потерял своего последнего советского партизана Иванова, который был в составе группы, не сумевшей восстановить связь с отрядом. Однако Иванов не пал духом. Он вступил в другой партизанский отряд Пистойской провинции и продолжал сражаться против фашистов. Когда город и провинция Пистойя были освобождены, Иванов обратился с просьбой отправить его как можно скорее на родину, чтобы продолжать сражаться в рядах Красной Армии¹.

В Пистойской провинции в 1944 году погиб (дата смерти не уточнена) в одном из сражений против фашистов в местности Стрильянелла советский партизан по имени Борис. Тело его было предано земле на кладбище Монтале, которое расположено по соседству с кладбищем селения Альяна.

¹ Свидетельства А. Бани и Ф. Боргези.

НЕУКРОТИМЫЙ БОЕВОЙ ДУХ СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН В ЛИГУРИИ

В рядах лигурийского Соппротивления сражалось около 400 советских партизан. Свыше 35 из них пало в боях.

В 1-й оперативной зоне (Империя) советских партизан насчитывалось около 60. 12 из них погибли на поле боя. Почти все эти люди вступили в партизанские отряды в июле—августе 1944 года. Приблизительно за два месяца до высадки десантных войск союзников на южном берегу Франции немцы завезли пленных в этот район для выполнения тяжелых работ. Чтобы пресечь все возможные контакты с населением, пленных держали под неусыпным надзором. В этих условиях было крайне трудно приблизиться к ним. Любая такая попытка вызывала немедленную яростную реакцию со стороны стражников, которые принимались избивать пленных. По любому, даже ничтожному, поводу они наносили им удары, пуская в ход приклады винтовок.

Однако партизанское командование 1-й оперативной зоны приняло решение сделать все возможное, чтобы помочь советским людям совершить побег. Это сложное и опасное задание было возложено на Либеро Бриганти¹—политического комиссара дивизии «Кашьоне». Ему удалось положить делу начало.

Прибыв на базу партизан, командир 1-й зоны, Карло Фарини (Симон), спросил у советских людей, бежавших из плена, желают ли они остаться с партизанами или же хотят пробраться в Швейцарию, как поступили некоторые бывшие военнопленные из войск союзников. После того как они вполголоса посоветовались, один из них,

¹ Он погиб в долине Валь-Панневаире 27 января 1944 года.

ставший комиссаром советского отряда, ответил от имени всех: «Мы хотим остаться с вами. Мы хотим сражаться. У нас с вами общая борьба, и мы хотим вновь занять свое место в боях за свободу вашей и нашей страны».

Однако внизу, в долине, оставалось еще много военнопленных. Поэтому было написано обращение на русском языке, которое с соблюдением мер предосторожности распространялось среди военнопленных через местные подпольные организации. Но в то время когда партизанское командование занималось организацией побега пленных в более широких масштабах, немцы, вероятно предупрежденные кем-то или обеспокоенные предыдущими побегами, вывезли всех военнопленных из провинции Империя.

ПЕРВЫЕ ПОГИБШИЕ В ПРОВИНЦИИ ИМПЕРИЯ

В связи с высадкой войск союзников на южном побережье Франции альпийская пограничная горная полоса, как и вся территория восточных провинций Лигурии и Пьемонта, приобрела большое стратегическое значение. В прилегающей к границе прибрежной зоне, а также в пограничных горных местностях партизаны без передышки вели боевые действия. Одна только дивизия «Кашьоне», которая уже в июне—июле практически вывела из строя военную дорогу № 28 и сделала почти невозможным использование дороги № 22, затруднив тем самым снабжение немецких войск, засевших на итало-французской границе, с 16 по 29 августа успешно провела двадцать три боевые операции: с сотню врагов было убито и столько же взято в плен; а захваченные большие трофеи — оружие, боеприпасы, горючее — были ощутимым результатом все возрастающей боевой активности, способствующей распространению среди нацистских войск деморализующего ощущения неуверенности в себе¹.

Русские, бывшие военнопленные, несмотря на то что они только что пришли в партизанские отряды, с энтузиазмом приняли участие в этих боевых операциях и понесли первые свои потери. 26 августа, в Роккетта

¹ P. Secchia e F. Frassati, Storia della Resistenza, Roma, 1967, p. 755.

Нервина, маленьком селении близ Вентимилья, погиб в бою Асем Еналон. Тогда же в сражении у Монте Мураторе отдал свою жизнь другой советский партизан, фамилия которого осталась неизвестной. Он вместе с еще шестью советскими людьми, бежавшими, как и он, в первых числах августа из казармы Дольчеакуа, входил в состав отряда, действовавшего под командованием «Тигре» (Доменико Кане). Останки его захоронены на кладбище селения Дольчеакуа, где покоятся и в настоящее время.

Ранее, точнее 3 июля 1944 года, в Молини-ди-Триора, немцами был расстрелян еще один партизан русской национальности.

В этой, как и в других фазах борьбы, активность советских патриотов была неустанной. Они хотели всегда быть на передовых позициях и обижались, когда в соответствии с требованиями общего плана действий им поручалось блокировать дороги или обеспечивать тыловое охранение тем, кто непосредственно участвовал в данной боевой операции. «Мы не хотим,— говорили они,— чтобы на нас смотрели, как на резервные силы. Если вы не посылаете нас сражаться лицом к лицу с врагом, значит, вы не верите в нашу способность бороться»¹.

С сентября 1944 года по январь 1945 года девять человек из них было убито на передовых позициях. Трех во время тяжелого сражения захватили немцы и расстреляли в Чизано-суль-Нева, близ селения Альбенга (куда немцы увезли их тела, установить не удалось). Еще двое — они входили в состав дивизии «Бонфанте» — пали 7 октября 1944 года близ Борджетто-д'Аррошья. 20 января 1945 года в Боско-Казанова-Лероне погиб Гаспар, тело которого предали погребению на кладбище селения Гарленда. 25 января на Вилла Талла были расстреляны немцами Николай Поронов и еще один советский партизан, известный под боевой кличкой Иван.

Николай Гаврилович Поронов, уроженец Тбилиси, был капитан-лейтенантом советского военно-морского флота. В партизанском отряде его мучили угрыzenia

¹ Свидетельство Джузеппе Гарибальди, бывшего командира отряда «Валь-Танаро» (дивизия «Бонфанте»).

совести из-за того, что он не пал в бою на родной земле. Когда руководители 1-й оперативной зоны предложили ему принять командование отрядом советских партизан, он был этим глубоко и по-настоящему взволнован. Его юношеское лицо, черты которого стали суровыми в результате перенесенных в плену лишений и страданий, прочертили слезы. «Я благодарен вам,— сказал он,— за честь, которую вы мне оказываете, но вашего предложения я принять не могу: я его не заслуживаю. Советский офицер не должен был попасть в плен к немцам, он должен был погибнуть на месте. Нет, товарищи, трус не может командовать партизанами». Но потом он уступил, и не посрамил своей страны. Он показал, что является превосходным воином, и вместе со своими соотечественниками проводил выдающиеся по смелости операции, которые вызвали восхищение и командиров и партизан дивизии¹.

ПАРТИЗАНСКИЙ ГЕРОЙ ИВАН ПОЛЯЩУК

31 января 1945 года в местности Ни-Куни, близ Таволе, погиб Иван Полящук. Жозеф, как его звали товарищи по борьбе, был молодым, высокого роста, сильным, атлетического сложения человеком. Этот полный энергии, жизнерадостный гигант с очень мягкой душой ребенка пришел к партизанам в июле 1944 года вместе с еще 20 своими соотечественниками, бежавшими из Караманьи. В декабре 1944 года он был включен в состав второго батальона «Дж. Ради» и за храбрость и ум, которыми был наделен, прикомандирован к штабу 4-й бригады «Гуаррини» 2-й партизанской гарибальдийской дивизии «Кашьоне». 31 января, на рассвете, штабному отряду пришлось столкнуться в яростной, жестокой схватке с превосходящими силами немцев, проводившими в Ни-Куни операцию по прочесыванию местности.

С невероятным презрением к смерти Полящук ринулся вперед, увлекая своей отвагой и силой примера группу партизан, и тем самым дал возможность штабу и остальным товарищам по борьбе уйти от, казалось,

¹ Свидетельство Карла Фарини (Симона), бывшего командующего 1-й оперативной зоны и заместителя начальника объединенного военного командования Лигурии.

неизбежной гибели. Он бросился вперед, чтобы спасти жизнь своих товарищей и своего командира Мирко. Полящук бился с нечеловеческой силой, в то время как вокруг него падали один за другим Баттиста (Равьола Манфредо), Ливио (Аскери Эрнесто) из Санта-Агаты, Кристо (Дурбекко Бартоломео) из Порто-Маурицио, Гимошенко (Гарибальди Маттео). Изрешеченный пулями Полящук оказался в руках врагов. Они волокли его в открытом поле около двухсот метров к тому месту, где он сражался, и там добили ударами штыков. Потом они бросили его тело на дно оврага, так и не сумев вырвать из рук Ивана парабеллум.

«Однажды вечером, — вспоминает Карло Фарини, — мне довелось находиться на командном пункте 4-й бригады вместе с партизанами, которые в тот момент были свободны от всех дел. Мы собрались вместе почти в полной темноте, чтобы послушать Жозефа. Он рассказывал на своем не совсем понятном итальянском языке о матери, об Одессе, об СССР, рассказывал с глубокой любовью и великой тоской по родине. Жозеф рассказывал, как умел, а мы молча слушали его, и мы его понимали. Он с восхищением говорил о стойкости людей своей земли, об успехах, одержанных первой социалистической страной, Советским Союзом, о будущем мире и благосостоянии для всего народа. Потом Жозеф вдруг вполголоса запел. Он пел песни своей родины, и мы с волнением внимали ему. Жозеф так верил, так надеялся, что вернется в Россию, но вместо этого он навсегда остался лежать в лигурийской земле, принеся свою жизнь в жертву освобождению Италии, свободе народов. Он погиб смертью храбрых, каким всегда и был среди нас».

Останки его погребены на маленьком кладбище селения Таволе, высоко в горах, над Империей. В память о нем и о тех, кто вместе с ним погиб в том бою, партизаны провинции Империя воздвигли монумент.

СВЫШЕ 60 СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН ВО 2-й ЗОНЕ

Первые советские солдаты, попавшие в плен к немцам, прибыли в Савону поздней весной 1942 года. После примерно трех месяцев пребывания их в этой про-

винции гитлеровцы эвакуировали пленных, потому что чувства симпатии к ним со стороны населения становились фактом политического антифашистского характера.

Новые советские военнопленные появились в провинции Савона только весной 1944 года. Обстановка здесь по сравнению с тем, что имело место двумя годами раньше, была уже совершенно иной. Ведь развитие событий прошло уже через такие этапы, как 25 июля 1943 года — падение Муссолини, 8 сентября — подписание перемирия, немецкая оккупация Италии и начало освободительной народной войны. Летом 1944 года оперировавшие в провинции Савона партизанские формирования достигли значительных размеров. Партизанские отряды и бригады действовали в наиболее важных городах и на всем протяжении дугообразно изгибающейся зоны, обрамляющей побережье. Эти силы составляли 2-ю Лигурийскую военную зону, первым командующим и руководителем которой был Карло Фарини (Симон). В гористой местности оперировали партизанские подразделения, из которых в дальнейшем была образована гарибальдийская дивизия «Джин Бевилакуа», насчитывавшая в своем составе шесть бригад и двадцать отрядов. Общая численность личного состава этой партизанской дивизии достигла к моменту освобождения от немцев 2214 человек. Районом ее действия являлось господствовавшее над побережьем плоскогорье, границей которого на западе была Альбенга, на севере — Пьемонт, а на востоке — генуэзская провинция. Удерживать эту зону было весьма трудно, поскольку практически она находилась в кольце весьма важных путей сообщения и являлась легкодоступной для гитлеровцев и итальянских фашистов. Но эти особенности местности в то же время давали партизанам возможность быстро достигать населенных центров и использовавшихся врагом дорог, чтобы наносить ему стремительные, молниеносные удары.

В этой борьбе принимали горячее участие свыше 60 советских людей, бежавших из немецких лагерей для военнопленных. Первым к партизанам пришел человек, который остался известен лишь как Николай. Он в одиночку пробрался в начале лета 1944 года в район, который удерживался партизанским отрядом «Кальканьо».

Полный решимости, подвергая себя трудно поддающимся описанию опасностям, он самостоятельно пробился в горы, чтобы вновь получить возможность занять свое место в борьбе за правое дело. Так говорил Николай с трудом понимавшим его крестьянам, которые помогли ему отыскать партизан. И он стал отличным воином.

Наиболее многочисленной была группа бывших советских военнопленных, присоединившаяся к партизанскому отряду «Морони», входившему в 5-ю бригаду, которой командовал Марно (Франческо Баццино) совместно с комиссаром, носившим боевую кличку Ренна (Армандо Ботта). И командир и комиссар были из Савоны. В группе насчитывалось 34 человека (5 пришло из Каркаре, 29 — из Палларе). Что касается побега русских из Палларе, то можно привести интересное свидетельство Адольфо Берра, который в описываемый период являлся сотрудником Службы военной информации (СИМ).

«В августе, получив известие о том, что в Палларе находятся пленные советские люди, командир отряда «Морони» предложил мне сделать все возможное для установления с ними контакта, с тем чтобы дать им возможность совершить побег. Будучи уроженцем Каркаре и, стало быть, хорошо зная эту местность, я с помощью Джулио Пасторино, который ранее воевал на русском фронте, не без трудностей и риска связался с военнопленными. Наши переговоры продолжались несколько дней потому, в частности, что мы с трудом понимали друг друга: мы разговаривали не столько с помощью слов, сколько с помощью жестов. Пленные находились под строгим надзором вооруженных немцев — охранников, и это, разумеется, тоже не благоприятствовало нашей работе. В конечном счете, однако, нам удалось договориться о плане побега, который и произошел 7—8 сентября. Я снабдил советских людей топографической картой, указав им дорогу, которой следовало пробираться, а также место, где я буду их ждать. Наша встреча должна была произойти приблизительно в полукилометре от немецких пулеметных гнезд, находившихся по обоим берегам реки Бормида (два гнезда на левом берегу и два на правом). Нам предстояло продвигаться между ними по воде, соблюдая при этом абсолютную

тишину. Так все и было сделано. Успех оказался полным. Но каких это стоило трудов и какого напряжения!

Сняв обувь и двигаясь гуськом, мы пересекли реку. Дно ее было неровным, сплошь усеянным камнями, некоторые из которых имели острые выступы или режущие края. С наших губ не сорвалось ни звука, несмотря на боль, причиняемую камнями. Мы прошли по воде больше километра — путь, который нам показался бесконечно длинным. Когда мы достигли фермы Берра, что в районе селения Краварецца, то есть когда были уже далеко от Палларе и находились в сравнительной безопасности, мы почувствовали, что промокли до костей и смертельно устали. Нам необходимо было отдышаться и отдохнуть. Поэтому мы решили ночь провести на сеновале и немного поспать. На следующее утро мы вновь двинулись в путь и наконец добрались до виноградников Риальто. Но здесь нас встретили... очередью из автомата. Огонь открыл партизанский отряд «Морони» — он постоянно был начеку, — так как нас приняли за немцев.

В отряде советских людей приняли с ликованием, просто по-братски. Некоторые запели «Катюшу». Командование отряда «Морони» включило советских граждан в группу патриотического действия.

В сентябре же, через несколько дней после побега, совершенного 34 советскими людьми из Каркаре и Палларе, в дивизию «Бевилакуа» пришло еще 22 советских пленных, насильно приданных немецкой части, расквартированной в Эрли. Их, а также еще одного пленного, австрийца, удалось освободить в результате операции, предварительно согласованной с командованием 3-й партизанской бригады. Во второй половине сентября две группы партизан — одна от отряда «Инес Негри», другая от отряда «Торчелла» — ворвались в Эрли и, смяв сопротивление врага, освободили пленных, которые затем вошли в состав этих отрядов.

К концу ноября 1944 года крупные силы гитлеровцев и итальянских фашистов яростно атаковали партизанскую дивизию «Бевилакуа». Не в силах сдержать натиск врага, патриоты были вынуждены оставить занимаемые ими позиции и частично рассеять свои силы. Пятая гарибальдийская партизанская бригада оставила район Бормида-Осилья, являвшийся ее зоной действия,

и ушла в сторону пьемонтских долин. Передвигаться ей пришлось по ночам, рассредоточившись небольшими группами, чтобы легче ускользать от жестоких облав врага. Во время этого отрыва от преследующего противника советские партизаны неизменно двигались следом за командованием отряда «Морони». Они превосходно себя зарекомендовали. Расстаться с отрядом им пришлось лишь во время немецкой атаки в Папарато (Пьемонт). В этом районе силы 5-й партизанской бригады, находившиеся в стадии реорганизации после немецкой облавы, были вновь вынуждены рассеяться из-за новой яростной немецкой атаки. Почти две трети советских партизан оказались отрезанными от основного состава бригады. Оказав мужественное сопротивление новой атаке нацистов, эта группа советских патриотов в дальнейшем присоединилась к партизанским подразделениям, оперировавшим в Пьемонте.

После упомянутых немецких облав, стоивших огромных потерь личному составу и материальной части дивизии «Бевилакуа», была проведена реорганизация рассеявшихся сил и переброска их в прежний район действия. Эта работа оказалась длительной и трудной. Необходимо было восстановить соответствующие контакты и вновь объединить людей в боевые подразделения, причем в такой зоне, которую немцы держали под усиленным контролем. Партизанским патрулям пришлось трудиться в поте лица, чтобы люди, не знакомые с обстановкой, не попали в лапы врагу.

В ряды дивизии «Бевилакуа» вернулись лишь немногие из советских граждан. Большинство присоединилось к отрядам в Пьемонте и продолжало там сражаться до полного освобождения страны. Тех же, кто вернулся в дивизию или, бежав от немцев, впервые к ней присоединился, включили в отряд «Бонагуро» 3-й бригады — командовал им Моро (Айелло Ренато), а должность комиссара занимал Торино (Поджанти) — и в отряд «Инес Негри» (командовали отрядом Джин — Серджи Лети — и Пальмиро Бьяджи).

В состав последнего вошло семь русских. Шестеро из них были из числа тех, кого удалось разыскать после немецких облав. «Вновь прибывший русский, — вспоминает командир отряда Джин, — быстро освоился с партизанами нашего отряда и принимал участие во мно-

гих операциях, завоевав симпатию и уважение всего отряда. А вот повторное вращение в коллектив остальных шестерых протекало труднее. У них появилось неверие в наши силы, и они высказывали критические замечания по адресу итальянских партизан, так как те, с их точки зрения, будто бы покинули их во время прочесывания немцами местности. В действительности же они просто оказались отрезанными от основных сил, что произошло и со многими партизанами-итальянцами. В конце концов недоразумение рассеялось, русские вновь прониклись доверием к нам, вновь стали отважно сражаться и воевали вплоть до освобождения Савоны»¹.

«ЕСЛИ ДАШЬ ПРИКАЗ»

В 4-й оперативной зоне (Специя) первыми советскими людьми, погибшими в бою, были двое бывших пленных, которые вместе с семьей молодыми итальянцами пришли в марте 1944 года к партизанам, оперировавшим в районе Молинатико. 13 марта одна боевая группа численностью более 20 человек — командовал ею старший лейтенант Бетти — вышла к железнодорожной линии в районе Вальмаццола, остановила первый утренний поезд, следовавший по маршруту Специя — Парма, и завязала ожесточенный бой с гитлеровцами и итальянскими фашистами, находившимися в поезде. Во время перестрелки удалось освободить трех партизан, ранее попавших в плен, и уничтожить трех офицеров отряда «Х Мас», двух немцев военнослужащих и четырех фашистов-чернорубашечников. Но в тот день погиб и командир партизан, Бетти, который руководил этой блестящей операцией.

Стремясь локализовать последствия понесенного поражения, гитлеровцы и итальянские фашисты фальсифицировали результаты схватки, опубликовав в своих газетах, что в ходе нее партизаны-де потеряли убитыми одиннадцать человек, девять партизан якобы были захвачены в плен солдатами отряда «Х Мас» и в виде ответной меры расстреляны на месте. В действительности же девять партизан, которых имели в виду фашисты,

¹ Из неизданной работы Пьеро Молинари.

были взяты в плен после короткого боя в одной из хижин на горе Барка. Это стало возможным в результате предательского доноса, позволившего батальону «Лупо», подчиненному отряду «Х Мас», внезапно напасть на партизан. Никто из девяти патриотов не входил в состав отряда Бетти, и ни один из них не принимал участия в операции близ Вальмаццола. Среди этих девяти было двое бывших советских военнопленных, бежавших от немцев, и семеро молодых итальянцев, в основном нобсбраннев, недавно призванных в армию. Они только-только прибыли в горы почти без оружия во главе с университетским студентом Убальдо Кейраско¹. В момент пленения бойцам группы Кейраско объявили, что любой из партизан сможет спастись, если он скажет, что попал в отряд не по своей воле, а будучи принужден остальными. Однако ни советские люди, ни семеро молодых итальянцев не ухватились за эту возможность. Они добровольно избрали путь борьбы против фашистов, и даже эта возможность спасения не могла заставить их отречься от совместно принятого решения. Но в то же время они сознавали, что нелепо погибнуть всем, когда один из них, обретя свободу, мог бы снова взяться за оружие и опять бороться с врагом. Тогда путем жеребьевки патриоты выбрали одного и перед расстрелом, под дулами винтовок, единодушно заявили своим палачам, что этот человек не причастен к партизанскому движению².

Начиная с марта 1944 года побег советских пленных из немецких лагерей усилились. Человек 15 бывших военнопленных включили в состав гарибальдийской партизанской бригады «Уго Муччини», командиром которой вначале был Пьеро Галантини, а в дальнейшем Флавио Бертоне (Вальтер); примерно 13 советских граждан были приданы бригаде партизан-гарибальдийцев «Грамши — Ванни»; другие сражались в рядах «Ин-

¹ См.: G. Gimelli, *Cronache militari della Resistenza in Liguria*, 1965, p. 152—153.

² Расстреляны были Паренте Джино, 1922 года рождения; Трогу Анджело, 1924 года рождения; Джерини Дино, 1926 года рождения; Кейраско Убальдо, 1922 года рождения; Мости Доменико, 1924 года рождения; Тендола Джузеппе, 1922 года рождения. Имена советских людей остались неизвестными. Юношу, спасенного своими товарищами, звали Галеацци Марио.

тернационального батальона» англичанина — майора Гордона Летта, действовавшего в провинции Понтремоли, и в составе колонны «Справедливость и свобода». Общее число советских людей в этих и других подразделениях, несомненно, превышало пять десятков.

Командованием партизанской бригады «Ванни» было принято решение образовать боевую группу, которая бы состояла целиком из советских граждан. Эту группу очень часто направляли на выполнение важных и опасных заданий. Группой командовал офицер Красной Армии, которого знали под боевой кличкой Сергей. Офицер был отважным партизаном и вместе со своими людьми отличился во многих сражениях, в том числе в штурме казармы бригад фашистов-чернорубашечников в Боргетто-Вара 1 января 1945 года.

В конце июля или в первых числах августа 1944 года одна из групп бригады «Ванни» в составе командира группы, Сеттимо Симонини (Баффино), Аполло (Джузеппе Мирабелло), Чиччо и Лепре, а также двух советских партизан осуществила нападение на немецкие склады в Чеппарана. Склады были расположены на ровном открытом месте, и поэтому к ним нелегко было незаметно приблизиться. Тем не менее под прикрытием ночи патриоты окружили и внезапно атаковали их, захватив в плен гитлеровцев, среди которых был один офицер и один сержант. В результате этой операции партизаны получили в большом количестве продукты питания, снаряжение, табак. «Немцев заперли на сеновале и оставили под охраной двух участвовавших в операции советских партизан,— пишет Ренато Якопини.— Русские были наиболее надежной охраной. Они ведь сами побывали в немецкой неволе, бежав после 8 сентября; они натерпелись там всяческих издевательств и познали жестокое обращение немцев. Теперь же роли переменялись, и эти люди сами должны были караулить гитлеровцев. Им, однако, был дан категорический приказ не позволять себе никаких насильственных действий по отношению к пленникам. В глазах Владимира, украинца, за которым я наблюдал, когда он бросил пристальный взгляд на сержанта-эсэсовца, я прочел всю горечь перенесенных мучений, пережитых страшных событий, горечь дум о своей опустошенной, выжженной земле, о растерзанных женщинах. Мне так его стало

жалко, что я спросил: «А ты не прочь бы стукнуть этого нациста кулаком по голове, верно?» Он посмотрел на меня, на его лице не шевельнулся ни один мускул. Потом он медленно покачал головой, в знак отрицания. «Вот если дашь приказ,—проговорил он затем,—тогда да!»¹

8 октября 1944 года, во время немецкой облавы в окрестностях Монте-Фало-ди-Мадриньяно (Каличе-аль-Корновальо), партизан, известный лишь как Николай Алексеевич,—часть его товарищей по бригаде «Грамши—Ванни» была в это время занята на другом участке — огнем ручного пулемета сдерживал немецкие патрули, продвигавшиеся из долины Мадриньяно. Он сражался до тех пор, пока не пал, сраженный насмерть с короткой дистанции.

Во время операции по прочесыванию местности, проводившейся немцами 20—25 января в 4-й зоне, группе майора Гордона удалось уйти от преследования врага. Однако, когда она добралась до окрестностей Торпьяна, нацисты снова атаковали ее. После ожесточенной перестрелки партизаны опять ускользнули из вражеских клещей. Один советский партизан, который был известен под именем Иван, получив тяжелое ранение, не смог присоединиться к своим товарищам. Он был окружен и схвачен врагами, которые вложили ему в рот ручную гранату, а затем взорвали ее.

«Иван,—пишет майор Летт в дневнике «Россано»,—был человеком грустным и молчаливым, но на него можно было рассчитывать всегда, когда это было нужно».

В марте 1945 года, по распоряжению Комитета национального освобождения, а также областного военного командования, советские партизаны, сражавшиеся в зоне Специи, были переправлены в населенный пункт Пешья (Лукка). Уезжали они неохотно; они бы предпочли остаться с партизанами, чтобы сражаться вплоть до окончательного освобождения этой зоны².

¹ См.: R. J a s o r i n i, *Canta il gallo*, 1960, p. 77—78.

² Свидетельства, касавшиеся советских партизан в 4-й зоне, были собраны при участии Томмазо Лупи, бывшего комиссара этой зоны.

В РЯДАХ ПЕРВЫХ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ ГЕНУЭЗСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Первыми советскими людьми, бежавшими из немецкого плена и пришедшими в горы генуэзской провинции, были Григорий Паншин (Гришка), Яков Горев (Лука), Петр Мокин (Петр), а также Петр Обухов (Пьетрино) из Чкаловской, Николай Егоров из Орла и Василий Юденко из Полтавы. Эти шестеро утром 8 сентября 1943 года бежали из эшелона, доставившего пленных из Германии. Они воспользовались тем, что на станции Ронко Скривия, близ Генуи, эшелон на какой-то момент был оставлен немцами без охраны. Несколько дней эти люди скрывались в зарослях на горе Альпе, а затем благодаря случайной встрече с группой бывших итальянских солдат, направлявшихся по домам, вступили в контакт с крестьянами из селений Маджа-да-Лоне, Пассо, Тана-д'Орсо¹.

Поскольку гитлеровцы и итальянские фашисты охотились за солдатами бывшей итальянской армии и бежавшими военнопленными, советские люди, которые, помимо всего прочего, опасались, что могут навлечь беду на семьи крестьян, дававших им приют, перебрались на ферму «Альберго Гранде», находившуюся в окрестностях Вольтаджо. Там к ним и пришел 22 сентября 1943 года Атос Бульяни (Лючо), лигурийский деятель коммунистической партии, предложивший им присоединиться к итальянским патриотам, которые создавали тогда первые вооруженные отряды для борьбы против гитлеровцев и итальянских фашистов. Лючо провел в Вольтаджо пять дней, а потом вернулся в Геную, чтобы раздобыть для советских людей оружие и боеприпасы. Затем к возглавлявшимся Григорием Паншиным советским людям прибыл Рино Мандоли², который организовал из этих шестерых и еще нескольких итальянцев один из первых партизанских отрядов Лигурии³.

¹ Из свидетельства Пьерино Рибикезу («Спитфайр») на уже упомянувшейся встрече в Генуе.

² Р. Мандоли (Серджо) — коммунист, ранее осужденный особым фашистским трибуналом. Расстрелян немцами 19 мая 1944 года близ Туркино.

³ Свидетельство Атоса Бульяни (Лючо), бывшего комиссара гарибальдийской партизанской дивизии «Чикеро». Бульяни вспоми-

Исходя из имеющихся неполных данных, следует считать, что в 6-й оперативной зоне, которая включала территорию генуэзской провинции, часть горных районов аlessандрийской провинции Пьемонта и павийской провинции Ломбардии, находилось примерно 230—250 иностранцев, в подавляющем большинстве граждан СССР. Около 60 человек из них сражались в рядах подвижной гарибальдийской партизанской бригады «Кайо», находившейся в непосредственном подчинении у командования 4-й оперативной зоны, а еще несколько человек — в составе бригад «Берто» и «Иори», входивших в ту же дивизию. Приблизительно 60 советских воинов было в рядах дивизии партизан-гарибальдийцев «Пинан—Чикеро» (человек 40 в бригаде «Оресто» и около 20 в бригадах «Арцани» и «По-Арго»). В партизанской имени Маттеотти бригаде «Валь-Бизаньо» числилось четверо или пятеро советских партизан. Около 45 граждан СССР находилось в составе гарибальдийской партизанской дивизии «Минго» (приблизительно 40 в бригаде «Пио» и четверо или пятеро — в составе бригады «Макки») и, наконец, в дивизии «Кодури», действовавшей в Леванте, сражалось примерно 20 русских. Кроме того, партизанская бригада «Капеттини», дислоцировавшаяся в зоне Ольтре-По-Павезе, насчитывала в своих рядах около 50 советских партизан.

Советские люди, искусно вводя в заблуждение гитлеровцев, как правило, пробирались в горы либо поодиночке, либо маленькими группами. Шли они отовсюду. Некоторые приходили с генуэзских предприятий, куда они поступали в качестве рабочих с твердым намерением при первом удобном случае присоединиться к партизанам; другие дезертировали из немецких команд, куда были мобилизованы в принудительном порядке; третьи бежали из немецких лагерей военнопленных, находившихся в различных населенных пунктах генуэзской и аlessандрийской провинций. Если анализировать, насколько это возможно, побегии военнопленных в их хронологической последовательности, то можно увидеть, что сразу же вслед за группой Паншина в октябре 1943 года в район Вольтаджо пробрались еще двое или

нает также, что в Вольтаджо бывал и Карло Фарини, который, зная русский язык, помог познакомиться русских с обстановкой, сложившейся в Италии после 8 сентября 1943 года.

трое русских, бывших пленными, которые, вероятно, бежали из лагеря в Джови-ди-Миньянего. Имена этих людей остались неизвестными.

Первого русского, присоединившегося в декабре 1943 года к партизанам отряда «Чикеро»¹, звали Михайо. Группу военнопленных, в которой он находился, везли в опломбированном вагоне в Геную. Незадолго до станции Джови пленные разобрали в вагоне пол и через проделанное отверстие выпрыгнули из идущего поезда. Единственным, кто при этом остался в живых, оказался Михайо. Весь в ушибах, обливаясь кровью, он все же сумел пробраться в долину Борбера, где и присоединился к одному из находившихся там отрядов бригады «Чикеро». «Стоял декабрь 1943 года,— пишет Дж. Б. Канепа,— и для партизанского отряда, состоявшего из двух десятков людей, плохо одетых и голодных, Михайо представлял собой только лишний рот, ничего больше. Он был скорее в тягость, чем в помощь... Михайо всегда был согласен на все, кроме длительных переходов по горам во время немецких операций по прочесыванию местности. «Все драпаем!..» — ворчал он. Но когда переход совершался в интересах проведения операции, он без слов шагал всю ночь напролет»².

Люди, знавшие его несколько лучше, вспоминают, что возраст Михайо мог равняться приблизительно тридцати годам, роста он был среднего, коренаст, и его светлые волосы торчали, словно щетка. Помимо того что Михайо был отважным воином, он стал прекрасным политическим комиссаром. В течение нескольких месяцев, то есть до тех пор пока ему не было предложено принять командование советским отрядом бригады «Кайо», он успешно, хотя и неофициально, выполнял обязанности комиссара советских партизан 6-й оперативной зоны. После освобождения Италии он уехал в свою страну. Других сведений о нем нет.

¹ Отряд «Чикеро», которым руководили Альдо Кастальди (Бизаньо), Джованни Сербандини (Бини), Дж. Б. Канепа (Марцо) и Северино Бьянкини (Данте), возник осенью 1943 года в Чикеро (отсюда и название отряда), одном из поселков населенного пункта Сан-Коломбаро, находящегося приблизительно в 50 км от Генуи. См.: G. B. L a z a g n a, Ponte rotto, Novi Ligure, 1966, p. 23.

² G. B. C a n e p a (M a r z o), La Repubblica di Torriglia, Genova, p. 149.

В первых числах января 1944 года, близ озер в районе Лаваньина, была создана 3-я гарибальдийская партизанская бригада, «Лигурия», командиром которой назначили Эдмондо Този (Этторе), а комиссаром — Рино Мандоли. Первоначальное ядро бригады состояло примерно из 40 человек, среди которых находилось восемь или девять советских пленных из Вольтаджо. Они и несколько других партизан славянских национальностей образовали 3-й отряд, расположившийся на горе Поджо. Командовал отрядом Мита Димитриевич, югославский офицер, в недавнем прошлом военнопленный. В мае 1944 года он был расстрелян немцами в Туркино¹.

В марте число советских партизан возросло до двадцати. В этот же период стали более частыми диверсионные операции на основных дорожных магистралях, которые соединяют долину реки По с побережьем Лигурийского моря. Партизаны наносили здесь значительный урон вражеским колоннам. Немцы, поняв, что им придется расстаться с надеждой, что зимой партизанские отряды, бригады и дивизии растают сами собой, решили провести большую операцию по прочесыванию местности, целью которой было уничтожение партизанских отрядов и устрашение тех, кто намеревался примкнуть к партизанам. План операции подготовил немецкий штаб в Алессандрии при ближайшем сотрудничестве штабов в Генуе, Савоне, Каиро Монтенотте, Акуи и Оваде. Были мобилизованы внушительные силы — не менее пяти тысяч человек. В основном это были немцы. Вместе с ними в операции участвовали части итальянской фашистской гвардии, а также берсальеры генерала Грациани, расквартированные в Больцането. Основные немецкие силы имели на вооружении тяжелое автоматическое оружие, минометы, гусеничные машины и горную артиллерию, включавшую 149-мм орудия².

Наступление немцев началось на заре 6 апреля 1944

¹ См.: G. Pansa, Lo sviluppo primaverile delle formazioni nella zona del Tobbio e il rastrellamento del 6—11, aprile 1944, «Il movimento di liberazione in Italia», № 60, luglio — settembre 1960, fasc. III, p. 12—18 (nota 17); G. Gimelli, op. cit., p. 154—155. Свидетельство о расстреле Миты Димитриевича прислал Грго Купич (Боро), бывший командир дивизии «Минго».

² См. R. Vaccino, Contributo alla storia della Resistenza a Genova, l'ISRL, 1955, p. 45; G. Pansa, op. cit., p. 33; A. Franzone, Vento del Tobbio, Genova, 1952, p. 53—54.

года. Враг зажал в огненном кольце зону, находящуюся между Тоббьо и Бенедиктой и простирающуюся вплоть до долины Валь-ди-Лемме. Партизаны, все еще плохо вооруженные и которых было значительно меньше, чем карателей, дрались с энергией, превосходящей любые представления о человеческих возможностях, но им не удалось остановить продвижения врагов. Сражение продолжалось весь день с нарастающим ожесточением. Когда начало вечереть, у патриотов, измученных и томимых голодом, были уже израсходованы все боеприпасы. Многие из них рассеялись, некоторые предприняли попытку выйти из этого района, а основные силы стали отходить в горы.

В неравной битве принимали горячее участие и советские партизаны, проявившие себя превосходно. Как и полагается опытным и закаленным солдатам, они все время держались вместе и лишь к концу второй половины дня рассредоточились, чтобы не оказаться в мешке Бенедикты. Петра Мокина, раненного в колено, Григорий Паншин вынес в безопасное место, в район Фади, где крестьяне укрыли их в пещере вместе с другими партизанами. Луке вместе с группой советских и итальянских партизан также удалось спастись. Они прорвали кольцо окружения и укрылись на противоположном берегу реки Стура¹.

В последовавшие за этим дни Бенедикта и окружающие районы стали сценой массовых зверских убийств. 27 апреля 96 партизан-итальянцев, оказавшихся в руках немцев, были с лютой жестокостью убиты на старой ферме, носившей имя Бенедикта. Ферму немцы взорвали динамитом. Ту же участь разделили и другие партизаны — их было около ста человек — в Вольтаджо, Вилла Баньара, Мазоне, на перевале Туркино и в других местах.

Несколько сот молодых людей, которые явились к немцам в надежде, что те, как обещали, сохранят им жизнь, были отправлены в Германию, откуда уже не вернулись².

¹ Свидетельство Пьерино Рибикезу, бывшего заместителя командира партизанской бригады «Пио». См.: G. Gimelli e A. G. Parodi, *Nasce una banda partigiana*, «Realtà sovietica», № 4, aprile 1959.

² G. Pansa, *op. cit.*, p. 33; A. Franzone, *op. cit.*, p. 55, G. Gimelli, *op. cit.*, p. 109.

Весть о звериной жестокости гитлеровцев и итальянских фашистов разнеслась в горных местностях, а в городах распространялась самими же карателями, намеревавшимися таким путем деморализовать партизан и запугать население. Но реакция, вызванная кровавой расправой, оказалась диаметрально противоположной той, на которую рассчитывал враг: совершенные немецкими захватчиками и их лакеями, итальянскими фашистами, акты зверства вызвали у партизан и у жителей всей 6-й зоны прилив ненависти и придали их борьбе новую силу и невиданную энергию.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ БИРС

После этой страшной облавы, предпринятой немцами в пасхальные дни, в период возобновления боевой деятельности партизан, 8 мая 1944 года в районе Тоббьо был создан итало-русский диверсионный отряд (БИРС). Командовали им Григорий Паншин и Алессьо Франционе (Арриго); БИРС в ходе партизанских операций брался за самые опасные дела. Бойцы отряда внезапно нападали на немецкие автоколонны, двигавшиеся по главным путям сообщения, разрушали линии телефонно-телеграфной связи и железнодорожные пути, взрывали мосты и виадуки, каждый день они создавали врагу трудную обстановку на оккупированной им территории. Личный состав БИРС, насчитывавший вначале 45 человек, в короткий срок увеличился в два раза и 12 августа был преобразован в подразделение, во главе которого находился теперь Пьеро Мартини (Джакомино).

30 августа в результате притока новых советских людей, частью бежавших из трудового лагеря в Франкавилла, а также вследствие пополнения за счет итальянских патриотов, подразделение было реорганизовано в бригаду, называвшуюся 79-й ударной бригадой «Амедео Маццарелло». Во главе новой партизанской бригады стал Пьеро Мартини (Джакомино), его заместителем был Григорий Паншин, а комиссаром Арриго. В дальнейшем, после роспуска бригады «Маццарелло», советские люди организовали свой собственный отряд, состоявший приблизительно из 40 человек и возглавлявший-

ся Паншиным. Отряд этот стал составной частью бригады «Пио», входившей в дивизию «Минго», и действовал вплоть до полного освобождения Италии¹.

Командир отряда был отважным воином и благодаря своему мужеству и дисциплинированности являлся образцом для соотечественников, а также и для воевавших вместе с ним партизан-итальянцев. Григорий Паншин, родившийся 12 февраля 1920 года в украинском городе Сумы, принимал участие во всех боях и сражениях, происшедших в лигурийско-алессандрийском районе Апеннинских гор с момента зарождения там партизанского движения. 28 февраля 1945 года он был схвачен нацистами и итальянскими фашистами в тот момент, когда должен был в который уже раз установить контакт с несколькими своими соотечественниками, чтобы способствовать их побегу от немцев. Его тотчас же посадили в геноуэзскую тюрьму Марасси, где стали подвергать жестоким истязаниям, которые он переносил с большим мужеством, проявляя при этом необыкновенную силу духа. После почти двух месяцев пребывания в тюрьме, 23 апреля 1945 года Григорий Паншин вновь обрел свободу. Едва оказавшись на воле, он опять присоединился к партизанам бригады «Пио» и вместе с ними принимал участие в освобождении города Генуи. В знак признания его заслуг центральное командование дивизии «Минго» представило его к награде за воинскую доблесть².

¹ A. F r a n z o n e, op. cit., p. 77, 111, 112, 113, 158.

² Мотивировка: «Борец за свободу на итальянской земле с момента возникновения и первых шагов вооруженного партизанского движения в Лигурии, он вступил в славную и героическую гарибальдийскую ударную бригаду «Лигурия»; несгибаемого боевого духа этой бригады не смогли сломить ни гнусное варварство нацистов и фашистов во время трагической пасхальной недели 1944 года, ни их огромный перевес в живой силе и вооружении; и все это в условиях, когда нацисты и фашисты с неслыханной жестокостью, практикую изощренные садистские издевательства над людьми, с помощью виселиц, расстрелов, истязаний, пыток, массовых депортаций уничтожали цвет итальянской молодежи. Руководитель отряда, состоявшего из сорока граждан русской национальности, которых враг силой включил в свои ряды, он участвовал в самых дерзких, самых опасных партизанских и диверсионных операциях, проявляя отвагу, готовность к самопожертвованию, уверенность в победе, служившие примером. На протяжении всего времени подпольной борьбы — а в ней были не одни только радости, — с самого ее на-

Вскоре после создания диверсионного отряда БИРС в районе Дуэ Понти, близ дороги к Треббья, возник минометный отряд бригады «Чикеро». Отряд состоял по преимуществу из советских партизан и находился под командованием Григория Акопяна (боевая кличка — Иван). Акопян погиб 13 августа 1944 года в результате взрыва миномета. Ему было тридцать шесть лет, родился он в городе Ереване, где работал директором кооператива. Акопян находился в рядах Красной Армии пять лет, являясь вначале политруком, а затем капитаном. Он попал к немцам в плен в апреле 1944 года, на Днепре. Когда Григория привезли в Геную, он бежал из лагеря военнопленных и пришел к партизанам, оперировавшим в долине Валь Треббья, где и стал командиром минометного отряда 3-й партизанской бригады «Чикеро». Акопян скончался в Боббьо, куда его привезли, чтобы предпринять попытку спасти ему жизнь. В результате упомянутого несчастного случая получили ранения и другие партизаны, среди которых был и другой советский гражданин, известный товарищам лишь под боевой кличкой Имир¹.

К концу июня 1944 года человек пятнадцать русских со всем вооружением дезертировали из нацистской части, когда им вверили охрану железнодорожного блокпоста близ Сестри-Леванте. Они явились в партизанский отряд «Виргола» в Дисконези. Получив согласие руководства отряда, советские люди организовали свою собственную группу, которой стал командовать русский студент, уже давно живший в Италии и известный среди

чала и вплоть до славных дней восстания, несмотря на полученные в боях три ранения, он отличался поразительной волей и жадной деятельностью. Схваченный врагами за два месяца до народного восстания и заточенный в тюрьму Марасси (Генуя), находясь во власти немцев-эсэсовцев, он вынес пытки, издевательства, истязания, не выдав своих товарищей по трудной борьбе. В результате восстания он получил свободу, за которую достойно и храбро сражался, и вернулся в свою бригаду «Генуя», 1 мая 1945 года. Письмо, сопровождавшее представление к награде за воинскую доблесть, было подписано начальником штаба дивизии «Минго» А. П. Казетти. Следов этого представления в комиссии второй ступени не обнаружено.

¹ «Il partigiano» — орган 3-й гарибальдийской дивизии «Чикеро», № 2, от 12 августа 1944 года (с 7-го номера газета стала органом командования 6-й оперативной зоны).

партизан под боевой кличкой Стелла. За время пребывания в отряде «Виргола» советские граждане приняли участие во многих боевых операциях, выделяясь смелостью и дисциплинированностью. Группами по пять-шесть человек во главе со своим командиром они устраивали засады на перевале Бракко, нападали там на вражеские колонны. 22 июля, после сражения при Карро, в провинции Специя, в ходе которого был убит Кодури (в дальнейшем его имя было присвоено всей партизанской дивизии), отряд «Виргола» перешел в район горы Пенна, чтобы уйти от немецкой облавы. Здесь русскую группу передали в распоряжение командования 6-й оперативной зоны¹, которое в свою очередь одну часть группы включило в состав маневренной бригады «Кайо», а другую — в один из отрядов Службы информации полиции², возглавлявшийся Ренато Бракко (Дуэ)³.

В июле и в августе 1944 года 7 советских граждан пришло в партизанскую бригаду «Оресте», человек 10 — в БИРС (семеро из них совершили побег из Франкавила Бизио), около 16 — в отряд «Ченчо» партизанской бригады «Ардзани», где командиром был Эразмо Марре (Минетто), а комиссаром — Марио Силла (Куроне).

Семеро советских граждан, бежавших из Франкавила Бизио, что в 27 км от Александрии, прибыли туда из Германии. Вместе с еще восемью соотечественниками их включили в 214-й батальон «Т. Б.». Немцы использовали их для технического обслуживания машин. Во время переброски из Германии в Италию одному из них удалось совершить побег на станции Сассуоло, про-

¹ В Объединенное командование 6-й зоны входили Антонио Укмар (Миро), командующий; Анелито Баронтини (Роландо), комиссар; Умберто Ладзанья (Каневари), начальник штаба.

² Служба информации полиции (СИП), находившаяся под командованием Амино Пиццорно, была создана летом 1944 года. Эта служба развивалась постепенно, но в октябре, «достигнув максимума эффективности, она стала мощным орудием партизанской войны». СИП существовала во всех бригадах и отрядах и пользовалась поддержкой патриотов во всех селениях. СИП, в частности, собирала сведения о численности вражеских гарнизонов, военных перевозках на дорогах, фашистах, сотрудничавших с немцами, и т. д. См.: G. V. L a z z a g r a, op. cit., p. 106, «Il partigiano», № 9, 16 ottobre 1944.

³ Свидетельство Ренато Бракко (Дуэ), бывшего комиссара дивизии «Кодури».

винция Модена, а еще двое — они известны лишь как Григорий и Василий — сумели скрыться в Болонье¹.

В октябре из Сале (Алессандрия) совершило побег 10 советских военнопленных. Они вступили затем в дивизию «Чикеро» и другие партизанские соединения и части зоны. Бежать им помогли молодой студент технического учебного заведения и несколько других патриотов. Один из советских военнопленных, Степан Петрович Васильев, 1908 года рождения, из Красноводска, 29 января 1945 года был схвачен немцами в Феррьерере, когда он вместе с Томом выполнял задание по патрулированию. Васильеву и Тому, которые входили в состав бригады «Кайо», немцы выкололи глаза, вырвали зубы и содрали ногти. Потом их казнили, воткнув им в рот по ручной гранате².

Члены группы, бежавшей из Сале, не были последними, кто пришел к партизанам. Люди приходили в горы и в ноябре 1944 года, и в последующие месяцы. Оказалось возможным восстановить имена лишь некоторых из них.

НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ЭПИЗОДЫ

Месяцы, предшествовавшие освобождению страны, были крайне трудными. Однако гитлеровцам и итальянским фашистам не удалось сломить непобедимый дух партизан из провинций Генуи, Алессандрии и Эмилии, действовавших в 6-й оперативной зоне. С этим периодом партизанской борьбы связано много эпизодов, в ходе которых проявилась отвага советских людей и их готовность к самопожертвованию. Мы расскажем здесь о наиболее значительных из них.

Стремясь провести крупную операцию по прочесыванию местности в зоне Ланге, немцы 8 октября 1944 года начали со всех сторон наступать на партизанскую дивизию «Лигуре — Алессандрина», которая стала впоследствии дивизией «Минго». Они надеялись смять ее и таким образом получить широкие возможности маневра при проведении операций против партизан в Пьемонте. 10 октября, на рассвете, четыре большие колон-

¹ Свидетельство Валентина Шевчука.

² См.: V. F. Seminiuta, Un medico sovietico ricorda le lotte combattute con i pratigiani liguri, «l'Unità», ed. Milano, 21 aprile 1965.

ны гитлеровцев и итальянских фашистов, двигаясь из Акуи, Овады и Сасселло, повели наступление на горный район между Эрро и Орба, где дислоцировались части дивизии «Лигуре — Алессандрина». Против колонны, совершавшей восхождение, из района Моларе двинулась группа партизан из 22 человек во главе с Грго Купичем (Боро), которые добровольно вызвались задерживать врага. Они отправились на большом автофургоне для перевозки почты и пассажиров, но, не доехав до намеченного места, попали под убийственный пулеметный огонь внезапно напавших на них гитлеровцев. Партизаны попытались укрыться, но было уже поздно. Некоторые из них пали, сраженные насмерть, двое были взяты в плен, другие получили ранения. Среди тех, кто оказался наиболее тяжело раненным, находился советский партизан по имени Николай. Автоматная очередь угодила ему прямо в живот. Несмотря на серьезные раны, он продолжал вести огонь по врагам, и ему удалось спастись. Когда после этой схватки раненым оказывали медицинскую помощь, Николай, получивший самое тяжелое ранение, стал настаивать, чтобы помощь прежде всего была оказана раненым итальянцам. «Мои считают, что я убит,— повторял он,— и если я теперь умру, то второй раз меня оплакивать никто не будет. Спасайте их, чтобы другие матери не плакали по своим сыновьям».

К счастью, у Николая организм оказался крепким, и, несмотря на то что для лечения раненых имелись лишь ограниченные возможности, ему все же удалось выздороветь, и он продолжал сражаться вплоть до освобождения Италии. Об этом человеке известно немного. После того как немцы взяли его в плен в одном украинском селе, он был отправлен в Италию в качестве конюха при немецкой дивизии. Через некоторое время с помощью крестьян ему удалось присоединиться к гарибальдийской партизанской бригаде «Бурanelло», где он выделялся своим стремлением быть полезным, где только возможно, особенно когда участвовал в боевых операциях. Невысокого роста, коренастый, светловолосый, Николай обладал необыкновенной силой воли. Как только Генуя была освобождена, он попросил лишь об одном — чтобы ему выдали документ о его участии в движении Сопротивления, и уехал на родину.

«Я БУДУ ПРОДОЛЖАТЬ ИСПОЛНЯТЬ СВОЙ ДОЛГ»

20 октября 1944 года от тяжелой болезни скончался Федор Планкин, который присоединился к партизанам 3-й гарибальдийской бригады «Лигурия» сразу же после 8 сентября 1943 года. Он был прекрасным бойцом и не щадил сил для выполнения долга. Однажды во время дежурства в сторожевом охранении у него сильно повысилась температура и товарищи предложили ему отдохнуть, но он в ответ лишь грустно улыбнулся и, покачивая головой, сказал: «Разве можно заботиться об отдыхе и думать о простуде, когда весь мир охвачен пожаром, который стремительно разрастается и все разрушает на своем пути? Нет, дорогие товарищи, я буду выполнять свой долг. Болезнь пройдет. Этой ночью я буду дежурить и нести службу так, словно я совершенно здоров».

В ту ночь дождь лил как из ведра. На рассвете Федор вернулся, опираясь на палку. Лицо его было красным, а руки дрожали. Добравшись до барака, он лег на нары, не проронив ни слова. Состояние его было очень тяжелым. Больного посадили на лошадь и перевезли в крестьянский дом в долине Акуэ Стриате. Немедленно прибывший к нему доктор Каленца определил тяжелую форму воспаления легких. Несмотря на оказанную медицинскую помощь, его самочувствие резко ухудшалось. За Федором ухаживали его соотечественники Борис и Петр, которые вместе с крестьянами ни на минуту не отходили от него. Вскоре Федор Планкин умер. Его тело уложили в простой гроб, сделанный из досок, которые взяли на ближайшем руднике. В гроб была положена запечатанная бутылка, а в ней записка, содержащая некоторые данные об умершем. Она заканчивалась словами: «Погиб при исполнении служебных обязанностей 20 октября 1944 года». Затем в сопровождении десяти партизан покойного перевезли к подножию горы, которая спускается к берегу Кастильоне, и там похоронили¹. Позднее останки Планкина перенесли в часовню партизан, воздвигнутую в Понтедечимо.

¹ G. Gimelli e A. G. Parodi, L'eroismo di «carro armato», «Realtà sovietica», № 5, maggio 1959; A. Franzone, op. cit., p. 147.

ПАМЯТЬ О ЯКОВЕ ГОРЕВЕ

1 ноября 1944 года в окрестностях Тильето погиб Яков Горев; много сил он отдал для того, чтобы создать и укрепить партизанское движение в 6-й оперативной зоне. Его героическая смерть ярко характеризует этого бойца, который в ходе освободительной войны в Италии ни разу не проявил слабости и ни разу не пал духом. Ни вражеские пули, ни длительное пребывание вдали от родины не могли привести его в состояние легко объяснимого уныния. Он был первым среди многих советских партизан, погибших в этой зоне в тяжелых боях зимы 1944/45 года и весны 1945 года.

Яков Горев, известный своим боевым товарищам под кличкой Лука, родился в Орле в 1918 году. Его отец умер от ран, полученных в первой мировой войне. Поэтому уже в 14 лет Яков становится кормильцем семьи, работая вначале дровосеком, а затем пахарем в колхозе «Красный орел». В те годы он много трудился для того, чтобы дать возможность пяти своим сестрам продолжать учебу. Яков начал военную службу на Дальнем Востоке, там он учился на курсах санитаров. В 1941 году его подразделение было переведено на Украину, где приняло участие во многих боях. Контуженный при взрыве бомбы, он попал в 1941 году под Смоленском в плен к немцам. Сначала его увезли в Германию, а затем 1 сентября 1943 года в Италию. 8 сентября вместе с другими пятью своими соотечественниками ему удалось бежать на станции Ронко-Скривиа. Мария Фербано, крестьянка из Маджа-да-Лоне, которая приютила беглеца, вспоминает, что Луку все любили. Он всегда находил приют и помощь в крестьянских усадьбах зоны. Когда партизанская доля уводила его далеко от этих мест, помня о тяжелом повседневном труде горцев, ставших ему друзьями, он при первой возможности шел помочь им хотя бы несколько часов. Иногда это стоило ему многих часов ходьбы. Уходил Лука от крестьян тайком, опасаясь, что они лишат себя чего-либо, чтобы в знак благодарности подарить ему.

После зверской расправы в Бенедикте в апреле 1944 года прошел слух, что среди расстрелянных был и он. Его якобы узнали по сапогам, которые он носил. Все

переживали эту вестъ так, словно потеряли родственника или очень хорошего друга. Приблизительно спустя два месяца после событий в Бенедикте, однажды вечером, весь промокший от дождя, Лука пришел в Маджа-да-Лоне. В тот вечер в бедной усадьбе, затерявшейся среди гор, был праздник, и крестьяне слушали рассказы Луки о зверствах немцев. Потом он еще несколько раз приходил в Маджа-да-Лоне, а когда обстоятельства не позволяли это делать, он давал о себе знать, присылая оказией несколько теплых слов своим друзьям. Однажды ночью кто-то снова принес грустную вестъ о его гибели. На этот раз, к сожалению, она была верной.

Это случилось 1 ноября, когда оголенные деревья и кустарники способствовали врагу в его операциях по прочесыванию местности. Командование дивизии «Минго», узнав о предстоящем прочесывании зоны, сделало все, чтобы преобладающая часть личного состава соединения могла совершить маневр с целью отрыва от противника и отхода к долине Орба. Когда неожиданно противник был обнаружен и там, командование дивизии, находившееся в Гарроне, приказало подразделениям разбиться на мелкие группы, чтобы облегчить отрыв от неприятеля и переход в другие сектора. Луке было поручено вывести из зоны группу, состоящую из 12 человек, русских и итальянцев, достигнуть горы Тоббио и соединиться с партизанскими силами, расположенными в том районе.

Группа выступила на рассвете 1 ноября. Моросил дождь, но бойцы двигались в хорошем темпе. Лука хорошо знал маршрут: «За Тильето, на полпути к Акуа-Бианка поднимемся к хутору,— сказал он своим товарищам,— там будем в надежном укрытии и сделаем привал, чтобы перекусить. Оттуда за короткое время достигнем Ло-Стура — это наиболее опасный пункт, а затем одним броском доберемся до Капанне-ди-Маркароло Бенедикты и, наконец, Несполо». Группа шла по скрытым лесным тропам, однако, несмотря на это, за ней устремилась погоня. Возможно, группу заметили немцы или, может быть, кто-то донес о ее продвижении.

Дойдя до хорошо скрытого покинутого дома, стоявшего над горной рекой в центре долины, изобилующей

обрывистыми перекатами, партизаны, выставив парный дозор, остановились поесть и отдохнуть. Но немцам удалось их окружить; когда партизаны выходили из дома, чтобы продолжать путь, их дозорные по треску сломавшегося весла определили приближение противника, который сразу же открыл огонь, принуждая партизан сдаться. У патриотов оставалась лишь одна возможность: спрятаться в какое-либо укрытие, ответить огнем и по возможности отойти к протекающей внизу реке. Лука в отчаянной попытке прикрыть отход товарищей вышел из укрытия; он выпускал очередь за очередью из своего автомата, но вскоре был ранен. Кто-то из товарищей попытался подняться к нему на помощь, но он, продолжая стрелять как одержимый, крикнул, чтобы партизаны спасались. В этот момент его ранило вторично и на этот раз смертельно. Его автомат замолк. Противник оставался в нескольких метрах от погибшего, ожидая, что партизаны придут к нему на помощь и их можно будет уничтожить. Спустя несколько часов Лука в страшных мучениях скончался. Как свидетельствовали местные жители, фашисты до самого вечера оставались в лесу, не давая возможности взять тело убитого. Сделал это священник партизанской дивизии дон Берто. Зная о засаде, он все же не поколебался отправиться к месту гибели Горева, чтобы похоронить его на маленьком кладбище Тильето, где его останки покоятся и теперь.

Несколько дней спустя после гибели Луки возник новый отряд, принявший его имя. Так в горах, окружающих Ронко-Скривиа, другие партизаны продолжали с именем Луки бороться за свободу Италии¹.

В последующие дни и месяцы на поле боя в различных местах пали и другие советские партизаны. Из 11 русских, погибших в 6-й оперативной зоне, семеро пожертвовали своей жизнью в боях, развернувшихся в декабре 1944 года против превосходящих сил противника, который, временно захватив два крупных центра — Тоббио, провинция Пьяченца, и Варци, провинция Павия, — начал жесточайшие карательные операции против партизан. В Тоббио 6 декабря погибли Дмитрий Столетов,

¹ Из свидетельства П. Рибикезу на упоминавшейся встрече в Генуе.

Григорий Андреевич Аверьянов, родившийся 29 сентября 1916 года, и Сергей Васильевич Рыбаков, юноша, которому едва исполнилось пятнадцать лет, когда немцы вывезли его в Италию. Он родился в Спаске 9 января 1929 года. Все трое входили в состав бригады «Кайо». 11 декабря, взорвав мост у Варианелла, пал, сраженный пулей в грудь, Онуфрий Васильевич Рыжак, родившийся в 1922 году. Он вступил в бригаду «Оресте» 16 ноября 1944 года¹. 21 декабря в Казелле немцы расстреляли Степана Никитовича Аркушина, 1923 года рождения, проживавшего до войны в Алма-Ате, Афанасия Гарскова, родившегося в 1923 г. в Саратове, и Ивана Гочтидова (Паянского), 1924 года рождения. Все трое из отряда «Франки».

Бой, в котором, кроме этих трех советских воинов, пали и четыре итальянца, включая и мужественного командира отряда «Франки» Джузеппе Сальварецца (Пинан), чье имя было позднее присвоено дивизии («Пинан — Чикеро»), начался 14 декабря. Это было самое напряженное время, когда операции гитлеровцев по прочесыванию всей 6-й зоны достигли наибольшего размаха.

На рассвете 14 декабря противник, прорвав оборону партизан сперва в долине Стаффора, а затем в долине Треббиа, атаковал расположение бригады «Оресте» с пяти направлений — Сан-Клементе, которое оборонял отряд «Поджи», Борасси, где был сосредоточен отряд «Верардо», Лемми, где оборону держал отряд «Петер», Роккафорте, которое защищал отряд «Франки» и Монджардино, где действовал отряд «Вилла». Последним командовали Бачичча и его заместитель Павел Гуасалия (Паоло), прекрасный советский воин из Батуми. К концу дня упорных боев командование бригады «Оресте», стремясь не допустить окружения партизан, приказало всем отрядам скрытно отойти и укрыться².

Следуя этому приказу, партизаны «Франки» за ночь перешли в Равелло. В убежищах для всех не хватило места, так как к ним примкнули многие бойцы из отряда «Петер». Пинан, трое советских партизан и несколько их итальянских друзей устроились в хижине. Темной

¹ G. B. L a z a g n a, op. cit., p. 189.

² Ibid., p. 190—191.

ночью фашисты неожиданно ворвались в нее, застав партизан врасплох. Пинан открыл огонь и закричал, возможно, для того, чтобы запугать фашистов: «Вперед, батальон «Франки»!» Однако автоматная очередь сразила его, и он как подкошенный упал¹. Находившиеся с ним партизаны не успели опомниться: троих итальянцев и троих советских партизан захватили в плен и 21 декабря 1944 года расстреляли в Казелле.

ФЕДОР ПОЛЕТАЕВ

Летом 1944 года Федор Полетаев пришел к партизанам, действовавшим в долинах Стура и Скривиа. С ним вместе прибыли его соотечественники, бежавшие от немцев.

Сначала он сражался в подразделениях 3-й зоны², а 7 ноября вместе с другими бывшими советскими пленными вошел в состав отряда «Франки», которым командовал Луиджи Рум (Фалько). Как свидетельствует список личного состава отряда «Франки», «русские прибыли из 3-й зоны». Кроме Полетаева, пришли Николай Ручкин (Виктор) из Кирова, 1905 года рождения, который скончался 21 марта 1945 года в результате тяжелого ранения в бою против немцев; Фрол Николаев из Могилева, 1926 года рождения, и Петр Шурка, 1925 года рождения. В том же списке сведения о Федоре были выписаны с ошибками, что встречалось, впрочем, нередко, вследствие чего и после героической смерти его знали под именем Федора Александра Поетана.

Позднее на основании некоторых данных, касающихся даты рождения, профессии и названия деревни, где он проживал, после двух лет тщательных поисков удалось узнать точную фамилию Федора.

Высокий, сильный, «гигант Федор» — так с любовью называли его партизаны. В то же время он был скромным, молчаливым и очень сердечным человеком. Родился Федор в Катино в 1909 году в бедной крестьянской семье. Два брата его отца во время гражданской войны были красногвардейцами, а сам отец всю жизнь рабо-

¹ Ibid., p. 205.

² Так называемая 3-я зона включала апеннинский сектор между долиной Стура и долиной Скривиа. Затем она стала составной частью 6-й зоны.

тал батраком у кулаков. Мальчиком Федор начал работать на торфоразработках близ Павловского Посада Московской области. После возвращения в родную деревню он был призван на военную службу и зачислен в кавалерию в качестве кузнеца. За несколько лет до войны Федор жил со своей семьей в деревне Петрушино, около районного центра Горлово. В августе 1941 года он был мобилизован в армию и зачислен в 28-й артиллерийский полк 9-й Краснознаменной стрелковой дивизии. За отличную службу Федор получил от командования благодарность и денежную премию. Летом 1942 года в донских степях он попал в плен и был вывезен в Италию.

Федор Андрианович Полетаев погиб 2 февраля 1945 года в лесной долине Скривиа, близ Канталупо, в жестком сражении против крупных сил противника. Бой, в котором он пал, начался утром. Немецкое подразделение в количестве около 50 солдат направлялось в зону, освобожденную партизанами. Дойдя до ущелья, где протекает небольшая река Борбера, гитлеровцы заняли деревню Канталупо. Получив сигнал тревоги, командование дивизии спешно направило своих связных в отряды «Франки» и «Кастильоне» с просьбой немедленно поднять имеющихся в наличии бойцов, остановить наступление противника, не допустить захвата других деревень, угона скота и расправы над мирными жителями. Выступили два подразделения: одним командовал Фалько, в котором был Федор, другим — Родольфо. Между тем враг остановился в Канталупо.

Карло (Г. Б. Ладзанья) вместе с Тигре, Фалько и Тоскано разработали план атаки: с группой около 20 человек Тигре и Фалько должны были обойти немцев с тыла и фланга, а Карло и Тоскано — с десятком бойцов встретить врага на дороге, которая спускалась в долину. В то время как группа Тигре и Фалько удалялась, поднимаясь по снегу вверх, группа, где были Карло и Федор, заняла позицию у крутой обочины дороги и, установив два легких пулемета, ожидала, когда противник, выйдя из деревни, будет продолжать свой путь. «Между нами и деревней,—пишет Г. Б. Ладзанья,—пролегла прямая, покрытая снегом дорога протяженностью менее километра. По сторонам виднелся голый от зимней стужи кустарник.

Около часу дня мы заметили, как гитлеровцы вышли из Канталупо и двинулись в нашем направлении цепочками по обеим сторонам дороги. Они шли медленно, как бы крадучись. Когда противник приблизился к нам, мы открыли огонь из всех имевшихся огневых средств. Нацисты сразу же залегли в снег по обочинам дороги и открыли ответный огонь. Перестрелка затянулась. Немцы не отходили, но мы надеялись, что они попадут в засаду, устроенную нашими товарищами, которые отрезали им пути отступления. Теперь мы решили атаковать противника с еще более близкой дистанции и разделились на две группы: одна, под руководством Тоскано, продвинулась по левой стороне дороги к сухому руслу реки, другая, в которой были Федор, Альпино и я, шла справа вдоль поля, которое простиралось двумя-тремя метрами выше дороги. Прячась за кустарником, мы подкрались к немцам на расстояние до двадцати метров, и, распластавшись на снегу, неожиданно для противника вновь открыли огонь. Однако он оказался мало эффективным. Мы не имели гранат, и нас было значительно меньше, чем немцев. Поэтому атаковать их не могли; в то же время нельзя было и слишком долго оставаться на столь близком расстоянии от них.

Пока мы размышляли, как поступить дальше, Федор, держа в правой руке автомат, вдруг поднялся; громко крича, он стремительно выскочил на дорогу и напал на гитлеровцев. Ошеломленные, они немедленно подняли руки вверх. Но в тот момент, который понадобился мне и Альпино, чтобы добежать до Федора, он как подкошенный упал на спину, сраженный выстрелом, раздавшимся издали. Немцы сдавались в плен быстро, а те немногие, кто пытался бежать, были настигнуты. Обезоружив врагов, я сразу же побежал к Федору, чтобы оказать ему помощь, полагая, что он только ранен. Но он был мертв. Пуля попала Федору в шею. На лице его, еще румяном от стремительного бега, была улыбка. Только струйка крови медленно стекала на снег и почти не отличалась от красного платка, который обычно носили партизаны-гарибальдийцы. Такой платок был и на шее Федора.

Похороны его были простыми. Мы несли гроб на кладбище Рокетта-Лигуре в сопровождении всех жителей села. Командир Скривиа сказал несколько слов, вы-

разив наше горе в связи с утратой этого героически погибшего боевого товарища, который своим самопожертвованием решил исход тяжелой битвы и спас жизнь многим товарищам. Скривиа особенно подчеркнул героизм этого солдата, который, оказавшись в плену и находясь за тысячи километров от родины и семьи, продолжал бороться и пожертвовал жизнью за свободу нашей страны. Для нас, генуэзцев, Федор стал символом братства между народами в борьбе против фашизма и нацизма»¹.

За его героический подвиг итальянское правительство в 1947 году посмертно наградило Федора Золотой медалью за воинскую доблесть — самой высшей наградой Итальянской Республики. Он — единственный иностранец, удостоенный этой почести. Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил Полетаеву звание Героя Советского Союза. Это самая высокая награда.

НАГРАДА ТИРИКОВА

В январе 1945 года в Виллалверниа погиб Александр Тириков (Саша). Он также был бойцом отряда «Франки» и посмертно представлен к награде медалью За воинскую доблесть. 23 февраля 1945 года в Беттола пал Азур Амерконов, родившийся в 1912 году. Он входил в бригаду «Кайо». 4 марта 1945 года при трагических обстоятельствах погиб Павел Иванович Шережин (или Шарегин), родившийся 27 мая 1906 года в Саратове. Павел был пехотинцем. В сентябре 1942 года немцы взяли его в плен под Ленинградом и вывезли в Дрезден, где он находился до 1944 года. В начале 1944 года его перевезли в Италию, а 27 сентября того же года он бежал и присоединился к партизанам бригады «Валь Бизаньо», созданной в январе 1945 года социалистами, в большинстве своем бойцами бригады им. Матеотти и других партизанских соединений². Павел принял участие в самых дерзких операциях бригады, отличился доблестью и отвагой. 14 марта, когда он находился в полевом госпита-

¹ Из письма Г. Б. Ладзани, бывшего заместителя командира дивизии «Пинан—Чикеро», семье Федора Полетаева от 31 декабря 1963 года.

² R. V a s s i n o, op. cit., p. 141—142.

ле из-за ранения, полученного в перестрелке с немцами, пришло известие о том, что его подразделение вновь вступило в бой против фашистов в Санта-Мариа-дель-Порто. Не теряя ни минуты, не долечив раны, причинявшей еще боль, Павел вернулся в строй своих боевых товарищей и храбро участвовал в схватке, стоившей ему жизни: пулеметная очередь сразила его, когда партизанская операция успешно заканчивалась.

ТРАГИЧЕСКИЙ ЭПИЗОД

Участие советских людей в итальянском движении Сопротивления не может ограничиваться описанием героических подвигов отдельных людей и высоким боевым духом целых коллективов, нельзя упускать из виду морально-политический фактор, высоко поднявший престиж не только советских людей, сражавшихся в рядах итальянских партизан, но и престиж их страны, их армии. Нельзя забывать, что Советский Союз с самого начала второй мировой войны был решающей антифашистской силой в борьбе против фашизма. На СССР с надеждой смотрели народы всего мира и в особенности те, кто непосредственно испытывал на себе последствия агрессии армий Гитлера и Муссолини. Именно по этим причинам в зонах, где действовали партизаны, фашисты вели интенсивную антисоветскую пропаганду, чтобы дискредитировать Советский Союз, приостановить рост симпатий населения к советским партизанам, подорвать единство советских и итальянских борцов за свободу.

Поддерживать высокий авторитет Советского Союза и его армии было постоянной заботой итальянских и советских партизан. Они делали все, чтобы рассеять недоверие и тень подозрительности у тех, кто еще верил фашистской пропаганде. Об этом писала в газете «Партизан» даже монахиня Иньяциа, настоятельница монастыря Ордена святой Марты в Санто-Стефано-д'Авето, что на Кьяварезском побережье в окрестностях Генуи. Действительно, монахини под влиянием пропаганды фашистов вначале страшно боялись партизан, в особенности русских, которые — как трубила фашистская пропаганда — жгли церкви и предали огню и мечу Испании. Но когда они узнали их поближе, то установили с ними подлинно дружеские отношения. Монахини присматрива-

ли за двумястами бедными сиротами, и бойцы бригады «Кайо» оказывали им всяческую помощь, чтобы дети могли пережить голод и холод. Со временем их чувства уважения к антифашистам усиливались, и монахини вышили для русских и итальянских партизан сотни платков с гарибальдийской звездой, дали советским воинам десятки шерстяных носков ручной вязки, лечили раненых и делали все возможное, чтобы облегчить их страдания, усугублявшиеся тоской по родине и семье.

В этой обстановке братства и доверия между партизанами и населением Санто-Стефано-д'Авете произошел эпизод, трагический исход которого, как подчеркивает Владимир Диодатти (Паоло), «возвеличивает моральную честность и прямоту советских бойцов, их высокое сознание того, что они являются гражданами страны, на которую все трудящиеся и весь мир смотрели с верой и надеждой». «Это произошло,— вспоминает Диодатти,— в деревне Реццоальо в долине Авето. Однажды вечером советский партизан зашел в таверну, не имея ни гроша, что, впрочем, частенько случалось с партизанами. Вероятно, он хотел выпить вина. Выйдя из таверны вместе с одним из посетителей и воспользовавшись темнотой, он украл у него кошелек, в котором была мелочь. Об этом факте сразу же узнали все, и по зоне прошел тревожный слух. Люди спрашивали: «Как! Русский украл?!» Больше всего были обеспокоены советские партизаны. Они требовали провести расследование, выявить виновного и не допустить, чтобы кто-либо порочил их доброе имя, подрывал веру и симпатию к ним со стороны населения. Солдат, совершивший кражу, был арестован командованием бригады. В ходе допроса он отрицал предъявленное ему обвинение. Более того, стремясь уменьшить подозрение, он сказал, что является офицером Красной Армии и членом комсомола и поэтому было бы немыслимо приписывать ему столь позорное обвинение. Дело явно принимало довольно деликатный оборот. Советские товарищи настаивали, чтобы была рассеяна всякая тень сомнения. Украденный кошелек найти не удалось. Был создан трибунал, состоявший наполовину из итальянцев, наполовину из русских. Во время разбирательства в трибунале обвиняемый отрицал обвинение. Но, даже не имея доказательств, члены трибунала были убеждены в виновности этого пар-

тизана. Когда решался вопрос об исключении его из бригады, кошелёк нашли. Обвиняемый тщательно спрятал его в свои личные вещи.

Теперь советские партизаны не удовлетворялись исключением его из бригады. Они потребовали наказания, которое послужило бы наглядным уроком. Подсудимый, понимая, что разоблачен, признался в краже и одновременно сказал, что никогда не был офицером Красной Армии, а тем более членом Коммунистического союза молодежи. Его соотечественники,— продолжает Диодати, сознавая, что безнаказанность дала бы повод для раздувания антисоветской и антипартизанской пропаганды, приговорили его к расстрелу. Настоятельные просьбы итальянских партизан отказаться от этого сурового приговора не были приняты во внимание. Командир отряда советских партизан Микайо в поддержку принятого решения сказал: «Мы пользуемся здесь симпатией всех, но в то же время должны повседневно разоблачать вражескую пропаганду, направленную на то, чтобы чернить нас и нашу страну. Мы не можем обмануть тех, кто верит нам. Надо дать пример, который дорого стоит нам, но который необходим для того, чтобы не пятнать честь и репутацию советского солдата».

Глава пятая

В ЛАНГЕ, ДОЛИНАХ ПЬЕМОНТА И ЛОМБАРДИИ

Приток советских людей в партизанские отряды, действовавшие в долинах, в Ланге, отрогах гор и пьемонтской западноальпийской излучине, начался 8 сентября 1943 года. Постепенно их число достигло 717 человек, из которых более 60 погибло в боях.

МАЙОР АЛЕН КОНЕВ

В подразделениях, действовавших в альпийской полосе Кунео, которая тянется от равнины По до равнины Касотто через долины Вараита, Макра, Грана, Стура, Джессо, Ройя и Корсалья, насчитывалось до ста советских людей. Около 60 входили в бригады «Справедливость и свобода», в том числе 29 — в отряд «Прадлевес» бригады «Паоло Браччини» 1-й альпийской дивизии «Справедливость и свобода». Их командиром был советский кавалерийский майор Алён Конев, родившийся 27 декабря 1910 года. Он погиб 14 февраля 1945 года в Сан-Пьетро-Монтерозо в бою против гитлеровцев и итальянских фашистов.

Эпизод, который завершился смертью Конева и командира отряда «Прадлевес», начался 11 февраля. В тот вечер подразделения бригады «Паоло Браччини», куда входили и советские люди, под командованием Джино Ренаудо подорвали на станции Сан-Бениньо, что в нескольких километрах от Кунео, поезд Турин — Кунео, взяли в плен около двадцати вражеских солдат, включая немецких капитана и лейтенанта из дивизии «Литторно». В перестрелке двое гитлеровцев были убиты, другие погибли при взрыве мины, подорвавшей локомотив. Эта успешно закончившаяся операция воодуше-

вила партизан. С упрочившейся верой в свои силы они сражались против немцев, прочесывавших с 13 по 17 февраля долину Грана, смежные долины и в особенности долину Маира¹.

Бойцы бригады «Паоло Браччини», советские воины Конева, партизаны соединений «Справедливость и свобода», а также одного гарибальдийского отряда дали отпор наступлению в долине Грана значительных сил гитлеровцев². «Еще не наступил рассвет,— пишет Ф. Мотта,— когда до нас донесся сигнал тревоги: «Немцы на мосту!» Мы не успели отдохнуть от боя, что произошел накануне вечером, чувствовали себя усталыми и немного расслабленными от веселья в честь достигнутого успеха... Но эти несколько слов сразу же разбудили и взбудоражили всех. Короткие, отрывистые слова командира Джино, потребовавшего спокойствия, приказ «изготовиться к бою» — и в мгновение ока все опустело. Лишь несколько куриц бродили по поселку: партизаны уже были на своих местах у орудия и пулеметов. Вот из-за крайних домов Монтерозо показались первые гитлеровцы. Мы наблюдаем за Джино, занявшим передовую позицию, он дает знак подождать, атаковать, лишь когда враг выйдет из укрытия. Вскоре противник действительно стал продвигаться вперед увереннее, полагая, видимо, что здесь никого нет. Когда он оказался уже совсем близко, прозвучала команда: «Огонь!» Началась перестрелка, которая длилась весь день. Вечером мы вернулись в свое расположение, усталые, но довольные: немцам не удалось продвинуться дальше крайних домов деревни. Пока обсуждались меры, которые следует принять завтра, патруль с русским майором Коневым спустился вниз, чтобы посмотреть, где укрылся противник, и обнаружил его в Монтерозо. После короткой ночной перестрелки бойцы вернулись в Конбетте. Стало ясно, что немцы не собирались уходить, и поэтому нужно было готовиться к следующему дню. Именно он был одним из тех, которые нелегко забыть. В тот день ушли из жизни лучшие бойцы.

14 февраля — второй день операции по прочесыванию местности. Позиции те же, все на своих местах. Первые

¹ D. L. B i a n c o, Guerra partigiana, Torino, 1954, p. 133—134.

² Ibid.

схватки передовых частей. Раздался взрыв, который мог бы лишить жизни не двух бойцов, а весь отряд. Та мина, что легла рядом с Джино и майором Коневым, была скорее шальной, чем целенаправленной. Раздался только крик — крик скорби партизан, тяжело потрясенных гибелью своих товарищей. Казалось, проклятые гитлеровцы поняли, что произошло, и поэтому начали пулеметный обстрел со всех сторон. Партизаны подобрали погибших и отнесли их в поселок. Они лежали на соломенных циновках словно живые. Только несколько кровавых пятен на одежде — и ничего больше. Партизаны молча смотрели на еще молодые лица — лица людей, которые всегда служили для всех примером мужества, стойкости и доброты»¹.

Действительно, как Джино Ренаудо, так и майор Конев неоднократно доказывали на деле, что они не только способные командиры, но и храбрые воины. Эти их качества были признаны всеми бойцами, и о них знало высшее командование. Свидетельство об этом содержится в письме, которое командир бригад «Справедливость и свобода» в Пьемонте Данте Ливио Бьянко написал Джорджо Агости 18 февраля 1945 года: «Блестящий командир отряда «Прадлевес» погиб 14-го от разрыва мины. Вместе с Джино погиб от той же мины майор Конев, который прекрасно вел себя в бою»².

Командование бригад «Справедливость и свобода» за неоднократно проявленное мужество представило Конева к награде Золотой медалью за воинскую доблесть.

После освобождения Италии останки майора Конева были перенесены в Кунео на кладбище погибших участников Сопротивления. Там же покоится прах Михаила Карпухова, павшего в Кастеллино Танаро, и советского партизана Иосифа.

О последнем известно, что он заживо был сожжен немцами 18 марта 1945 года в Пра-ди-Фоника, община Бурнеццо³.

¹ F. Motta, La voce di Cuneo, № 9, febbraio, 1952.

² D. L. Bianco, op. cit., p. 401.

³ Istituto storico della Resistenza in Piemonte, Archivio, c. 68—1, a.

ГИБЕЛЬ ИВАНА ВОЛКОВА

Иван Павлович Волков, который вместе с другими 20 соотечественниками входил в 11-ю гарибальдийскую дивизию «Кунео», был прекрасным бойцом. Волков родился в Орле 2 мая 1925 года. Вся его семья была уничтожена немцами. Он один остался в живых. Находясь в плену, Волков никогда не терял надежды вернуться на свободу и продолжить борьбу против врагов своей родины. Он часто говорил боевым товарищам, что хотел добраться с ними до Италии, чтобы затем в подходящий момент перейти к партизанам, о делах которых слышал.

Иван явился к командованию 181-й гарибальдийской бригады «М. Морбидуччи» буквально на следующий день после того, как появилась инструкция высшего командования союзников за подписью маршала Александра. Эта инструкция призывала партизан сложить оружие, разойтись по домам, отдохнуть и реорганизоваться, чтобы весной возобновить прерванные боевые действия¹. Вероятно, Иван Волков игнорировал все это. Он выбрал «подходящий момент» и без хвастовства попросил принять его в бригаду, чтобы бороться против общего врага.

Прибытие Волкова и его соотечественников в бригаду подтверждало, как вспоминают партизаны, что это было не время для «передышки», а время для беспощадной борьбы против фашизма. Действительно, бойцы этой бригады, как и бойцы других партизанских соединений, не сложили оружия и, несмотря на голод, холод и другие трудности, в течение всей зимы давали отпор немцам, проводившим массовые операции по прочесыванию местности.

Иван проявил себя как хороший боец. Это был парень с открытой душой, ловкий и старательный. Зимой, одетый в белую одежду, он незаметно пробирался по зоне, выполняя важные поручения командования своего отряда. Будучи еще совсем юным, Волков проявил незаурядную храбрость, участвовал во всех боевых операциях бригады вплоть до той, которая стоила ему жизни.

6 марта 1945 года отряд «Командо», в котором состоял Иван, был атакован в окрестностях Сантуарио в

¹ Л. Лонго, цит. соч., стр. 232.

долине Мала крупными силами противника при поддержке миномета, пулеметов и легкого автоматического оружия. Уступая в численном отношении врагу, вооруженные только пулеметом, несколькими автоматами и винтовками, партизаны приняли бой и в течение некоторого времени сдерживали противника. Однако силы были неравны, и 8 партизан, в том числе и командир отряда Эрнесто Казавеккиа, погибли. Несколько человек были ранены. Осколком мины Ивану оторвало левую кисть руки. Он добрался до безопасного места за сторожевой будкой у дороги и, поддерживая кровавой культей автомат, разрядил его в противника. Четверо или пятеро фашистов подобрались сзади и изрешетили его пулями¹. На надгробной плите в память о гарибальдийцах, павших в долине Мала, значится и имя Ивана Волкова.

Другой советский партизан, Николай Григорьевич Редуев (родился 18 августа 1922 года в Воронеже), входивший в состав 15-й бригады «Салуццо» 11-й гарибальдийской дивизии «Кунео», попал в плен в Лемма, община Россано, 15 декабря 1944 года и был расстрелян немцами в Кастельдельфино².

Но действия советских патриотов не ограничивались только упомянутыми подразделениями. Десять, а то и больше советских партизан были в 5-й отдельной дивизии «Альпи», расположенной в 6-й зоне Монрегалезе-Ланге. Один из них, Иван Абошан, родившийся в 1922 году в Белово близ Орла, был также расстрелян немцами 15 декабря. Это произошло в Рифуджо Мондови, долина Эллеро, община Роккафорте Мондови. Быть может, до десяти других советских воинов входило в 6-ю автономную дивизию «Ланге».

В 16-й ГАРИБАЛЬДИЙСКОЙ БРИГАДЕ

В августе 1944 года в отряд «Альварез» 16-й бригады «Перотти» 6-й гарибальдийской дивизии «Ланге» вступили двое русских. Они присвоили себе имена Пиппо и Сокол. Оба были храбрыми и дисциплинированными

¹ Свидетельство Карло Раце (Карлетто).

² Istituto storico della Resistenza in Piemonte. Archivio, с. 70—1, а.

ми бойцами. Пиппо, подлинное имя которого было Иван Порсорин, погиб 28 января 1945 года в Феизольо вместе с Григорием Заболотским (Матрос), родившимся в Золотушино под Курском¹.

В сентябре в бригаду пришел другой русский по имени «Ворум», кажется, он был капитаном Красной Армии. Ему дали автомашину и поручили осуществлять связь между различными отрядами. С этой задачей он справлялся хорошо, хотя и рисковал вновь попасть в руки врага. В октябре к бригаде присоединился Леонид Лазин (Азгов) из Москвы². Все четверо участвовали в боевых схватках и сражениях в зоне Сан-Бенедетто, Бельбо, Ниелла и Мураццано.

Немецкие операции по прочесыванию местности начались 16 декабря. Бойцы бригады упорно сопротивлялись, но вынуждены были рассеяться, а советские товарищи перебрались в Астиджано, район дислокации 11-й гарибальдийской дивизии. Однако зона Астиджано также подверглась большому прочесыванию, советские люди столкнулись с новыми трудностями: они переходили из одной местности в другую, не зная там никого, не имея денег, продовольствия, теплой одежды, замерзая от сильных холодов. Стремясь не допустить их полного рассеивания, капитан «Ворум» связался с Маури, командиром автономного партизанского соединения, и с союзнической миссией с целью объединить своих соотечественников в один отряд. Осуществив эту задачу к первой половине января 1945 года, группа советских воинов по приказу «Ворума» перешла в окрестности Феизольо, чтобы подготовить там базу для соединения отряда советских партизан с 16-й гарибальдийской бригадой. Но соединения не произошло, потому что бригада, избегая окружения крупными силами нацистов, переместилась тем временем в другую зону.

Позднее около 20 советских партизан все же объединились с 16-й бригадой и были включены в отряд «Корба» как самостоятельное подразделение. Они приняли участие во всех операциях бригады и получили благодарность за то, что отличились в бою 17 апреля в

¹ Ibid., с. 68—1, а.

² Личные документы погибшего Ивана Порсорина были переданы советскому партизану Л. Азгову.

Монкерпо, между Ниелла и Феизольо. В тот день противник после ряда попыток захватить некоторые позиции партизан был разбит и вынужден отступить более чем на десять километров, неся при этом большие потери в живой силе и технике. 20 советских бойцов участвовали также в освобождении Турина 25, 26 и 27 апреля 1945 года. Они вступили в бой с неприятелем в окрестностях Монкальери и обратили его в бегство¹.

КРУПНЫЕ ПАРТИЗАНСКИЕ ГРУППЫ В ТУРИНСКОЙ ПРОВИНЦИИ

В Туринской провинции более 200 советских граждан, находившихся в зоне Риволи — Авильяна, с самого начала движения Сопротивления были включены в гарибальдийские подразделения 3-й дивизии «Пьемонте», действовавшей в долине Суза. После 8 сентября 1943 года в результате новых побегов из лагерей число советских партизан перевалило за 370 человек, из которых 80 были ранены и около 40 погибли в боях.

Из архивных документов и свидетельств очевидцев явствует, что советские люди находились почти во всех подразделениях. 25 человек было в 103-й гарибальдийской бригаде 1-й дивизии «Лео Ланфранко». Ими командовал капитан советской авиации, известный под боевой кличкой Миша. Он погиб в бою в Фавелла-ди-Рубиена 2 июля 1944 года. Более 80 советских граждан было в 19-й гарибальдийской бригаде «Джамбоне». Ими командовал советский полковник Голиа. Больше о нем ничего не известно. Заместитель комиссара 19-й бригады Франко Черрути (Рикко) вспоминает, что бойцы этого советского полковника были дисциплинированными, храбрыми воинами и отличились в одном деле, о котором до сих пор помнят итальянцы.

В июле 1944 года 19-я бригада подверглась осаде в долине Виу. Прекратились и без того скудные поставки зерна для выпечки хлеба местному населению. Обстановка становилась тревожной. Трехарочный мост был взорван фашистами, и таким образом помощь населению этим путем не могла быть обеспечена. Единст-

¹ Свидетельство Франческо Россо (Переца), бывшего командира 16-й гарибальдийской бригады «Перотти».

венное возможное решение состояло в том, чтобы добраться до деревень пешком и доставлять провизию в рюкзаках. Партизаны могли бы проделать этот путь за двенадцать часов. Русский полковник, не раз сталкивавшийся с различными трудностями, попросил разрешения отремонтировать мост. «Через три дня,— сказал он,— мост будет». Разрешение он получил, и за два дня 70 его бойцов и 50 чехов восстановили мост. Таким образом жители долины значительно быстрее смогли получить помощь, в которой очень нуждались¹.

Несомненно, самой многочисленной группой советских партизан в туринской провинции была группа, входившая в 19-ю бригаду. В соединениях, действовавших в зонах Канавезано—Ланцо и Суза—Кизоне советские люди распределялись следующим образом: 10 человек в имени Маттеотти дивизии «Джорджо Давито», столько же в бригаде «Монте Альберджан», в 10-й отдельной дивизии «А. Серафино», в 1-м отряде под командованием Джани Гай и Гуидо Ростаньо, 10—12 в отряде Лупо (Джани Дагеро).

Советские люди, число которых не уточнено, входили в состав 113-й бригады «Массимо». Один из них погиб в бою во время столкновения с немецким патрулем и похоронен на деревенском кладбище².

Советские люди сражались во 2-й и 4-й гарибальдийских дивизиях, а также в 80-й бригаде «Перольо».

К числу погибших в долине Кизоне следует отнести также Ивана Петрова (Грегорио), родившегося 8 марта 1925 года близ Ленинграда, и Армаса Сузи. Вначале они воевали в рядах 106-й гарибальдийской бригады «Велино», затем с 6 июня 1944 года в 115-й гарибальдийской бригаде «Пеироло», 13-й дивизии «Барата». Эти два советских человека погибли 28 марта 1945 года в окрестностях Раматса-ди Киомонте вместе с итальянским партизаном Эмилио Рейхом. Фашисты глумились над телами Армаса и Петрова; около трех километров они волокли их по скалистой дороге до площади Рамат-

¹ «Realtà sovietica», № 5, maggio, 1958.

² Dal diario di Marco Herman, in «Il movimento di liberazione in Italia», fasc. 5—6, settembre—ottobre, 1956, p. 28. Возможно, речь идет о Шота Манмугишвили, родившемся в Ванни в 1922 году. Он входил в 113-ю бригаду и погиб 15 апреля 1945 года. (Istituto storico della Resistenza in Piemonte. Archivio, c. 70—1, a.)

са и оставили перед церковью. Жители похоронили этих партизан на кладбище своей деревни¹.

В 43-ю автономную дивизию «Серджо де Витис», также действовавшую в долине Кизоне, было зачислено около 50 советских граждан. 30 человек входили в бригаду «Лилло Монкада». Это были в большинстве своем солдаты, попавшие в плен в 1941—1943 годах и вывезенные в Италию на принудительные работы. Они начали сотрудничать с партизанскими подразделениями, находившимися в долине Джавено, Кумиана, д'Аоста и в других зонах, уничтожали и разоружали отдельных фашистов и небольшие гарнизоны, осуществляли акты саботажа, вели разведку и поставляли информацию союзникам².

С октября 1943 по январь 1945 года 26 из них были захвачены гитлеровцами в плен и заключены в тюрьму «Ле Нуове» в Турине. Без всякого суда патриотов приговорили к тюремному заключению от 8 до 25 лет. Первым арестовали в октябре 1943 года солдата-пехотинца Андрея Павловича Лойесена, родившегося 22 августа 1911 года близ Горького. Захваченный гитлеровцами в плен 11 июня 1943 года на Украине, он в конце сентября того же года был привезен в долину Суза, откуда совершил успешный побег. Спустя месяц Лойесен снова был схвачен и осужден на 15 лет тюрьмы.

1 января 1944 года к бригаде «Галло» 43-й дивизии «Де Витис» присоединилось четверо советских граждан, бежавших из лагеря в Виллар Пероза (Пинероло); один из них, Михаил Васильевич Евтушенский, родившийся в Вязьме 20 мая 1918 года, был ранен в ходе операций по прочесыванию местности³. Другие прибыли позднее: четверо в мае 1944 года и семеро в августе того же года.

В Червето в бригаде «Кампана» под командованием Уго были два англичанина и несколько советских граждан. Один из них, по имени Александр, погиб в бою в зоне Суза — Кизоне в декабре 1944 года⁴. Шестеро советских воинов прибыли в бригаду 15 января 1945 го-

¹ Istituto storico della Resistenza in Piemonte. Archivio, с. 68—1, а. Свидетельство Уго Брозио (Муска), бывшего комиссара отряда 115-й гарibaldiйской бригады «Пеирола».

² Istituto storico della Resistenza in Piemonte. Archivio.

³ Ibid., с. 79—1, а.

⁴ Ibid., с. 68—1, а.

да из Бра. Это была группа военнопленных, которых немцы привезли в Италию 5 июля 1944 года и бросили в лагерь в Фоссоли. Позднее они были переведены в Бра, откуда бежали и примкнули к бригаде «Кампана».

БИТВА В ЛИИС

1 мая 1944 года 40 советских пленнх, выполнявших работы по ремонту железнодорожной ветки Риволи — Авильяна, установив контакт с Марией Лаццаротто, ее братом Францем и партизанским командиром Алессіо, пришли в 17-ю гарибальдийскую бригаду «Чима» дивизии «Тонани», расположенную в зоне Рубиена в долине Суза. Они создали свой отряд под командованием Андрея Гречко, офицера Красной Армии, и расположились за деревней Курмайан, крайне важным стратегическим пунктом, через который ведет перевал во Францию, где действовали другие партизанские подразделения. В отряде было много украинцев и грузин, несколько человек из Москвы и Ленинграда. Почти все попали в плен на Донском фронте. «Они держались уединенно, — вспоминает Освальдо Негарвилле, политический комиссар 4-й зоны, — с трудом устанавливали контакты с итальянскими отрядами. На первых порах нас это очень удивляло. Но в последующем мы поняли причину: они не хотели форсировать события, не требовали нашего доверия, не дав предварительно веских доказательств права на него, ждали случая, чтобы на деле показать, что они действительно наши боевые братья».

Случай не замедлил представиться. 2 июля 1944 года командир Гречко и двое его бойцов, братья Николай и Михаил (Миша) Симоновы, патрулируя в зоне Фавелла, встретились с большой группой «партизан» с красными платками на шее, что обычно обозначало принадлежность к гарибальдийским бригадам. На самом же деле это были не партизаны, а переодетые гитлеровцы, которые хотели застигнуть партизанские аванпосты врасплох. Гречко первым понял, что вместе с товарищами попал в ловушку. Советские люди не растерялись, залегли и открыли по гитлеровцам огонь из своих автоматов. В течение двух часов они сдерживали противника, пока на помощь не подоспели другие бойцы. Для того чтобы добиться цели, гитлеровцы вынуждены были

дождаться прибытия крупных сил. Но их коварный замысел провалился. Бой продолжался несколько часов. Обе стороны понесли большие потери. 6 советских бойцов не вернулись в лагерь Курмайан. Отстреливаясь до последнего патрона, они погибли на горном перевале Лиис.

Наиболее ужасной была кончина советского воина Миши, как его звали итальянские партизаны; он пошел в разведку в направлении Фавелла, но неприятель заметил его и открыл огонь. Тяжело раненный, Миша тащился от одной изгороди к другой, в течение нескольких часов он укрывался в яме. Фашисты нашли его и отвезли в Фавелла-ди-Рубиена, где учинили над ним неслыханные зверства. очевидцы рассказывают, что палачи, не насытившись его кровью, выкололи ему глаза¹.

На перевале Лиис, расположенном на высоте 1500 м над уровнем моря, воздвигнут памятник в честь двух тысяч партизан, погибших в близлежащих долинах в период движения Сопротивления. На маленьких мраморных плитках, которые опоясывают мемориальную башню, высечены боевые имена советских людей, павших там 2 июля 1944 года. Их останки перенесены в Турин и погребены на Поле Славы.

ДЕРЗКИЙ НАЛЕТ НА «АЭРИТАЛИА»

Отряд Гречко вместе с 125 итальянскими партизанами из 17-й бригады и других частей 3-й гарибальдийской дивизии «Пьемонте» 18 августа 1944 года совершил в окрестностях Турина внезапный налет на крупное предприятие итальянской авиации, по своей дерзости поразивший даже гитлеровского коменданта.

Летом 1944 года «Аэриталиа» был единственным туринским заводом, где фирма «ФИАТ» под контролем немцев строила истребители и бомбардировщики. В течение нескольких месяцев ходил слух, что союзники якобы подвергли бомбардировке аэродром предприятия с целью уничтожить его сооружения и весь принадлежащий «ФИАТ» завод. Командованию 3-й гарибальдийской дивизии удалось раздобыть планы завода «Аэри-

¹ Свидетельства Роза Ковачиа, бывшего комиссара 17-й гарибальдийской бригады «Чима», и Гула Кикиверия.

талиа», размещения складов горючего, снабжения, самолетов, зенитных пулеметов, полевых гарнизонов и блокпоста западного железнодорожного выхода. После тщательной проверки достоверности планов, проведенной внутри завода и на аэродроме, командование дивизии отдало приказ начать немедленные действия, направленные на:

1. Захват возможно большего количества оружия, снаряжения, горючего, подвижных средств и других материалов, необходимых для партизанских отрядов.

2. Выведение из строя самолетов на взлетном поле и станков в цехах для нового доказательства того, что движение Сопротивления может нанести удар по немецким захватчикам и итальянским фашистам в любом месте и в любой момент.

Операция, тщательно и детально разработанная Пино Монфрино совместно с некоторыми техниками и рабочими завода, началась в час ночи 18 августа. Партизаны понимали, что успех будет зависеть от абсолютной точности действий. Малейшее промедление могло бы не только повлечь за собой неудачу, но и поставило бы под угрозу жизнь участников операции. Для обеспечения успеха отобрали наилучших, испытанных бойцов из различных бригад 3-й гарибальдийской дивизии. Наиболее многочисленной была группа партизан 17-й бригады, в которой насчитывалось 35 советских воинов.

В установленный час партизаны под командованием Витторио Бландино проникли на взлетное поле «Аэриталиа» со стороны Колленьо и с двух сторон направились к назначенным пунктам: группа под руководством Марио Кастаньо пошла вправо к блокпосту западного железнодорожного выхода, имея задачу отрезать пути, примыкающие к полю; две другие группы, возглавляемые Пино Монфрино и его помощником Голмино, который несколько дней спустя погиб в бою, двинулись к сторожевым будкам, чтобы снять часовых, перерезать телефонные провода и исключить всякую возможность связи с внешним миром. Третья группа под руководством Витторио Бландино подошла к казарме, где захватила в плен 25 немецких и итальянских фашистов.

Вся операция продолжалась один час. В течение последующих трех часов при помощи рабочих было пог-

ружено на пузовики «Аэриталиа» около 240 пулеметов, 50 тыс. патронов, различного рода карабины и большое количество другого необходимого партизанам вооружения. Кроме того, партизаны вывели из строя много военной техники, уничтожили документы, чертежи и планы, касающиеся военного производства.

Известие об этой дерзкой операции, которая завершилась без потерь и увенчалась пленением всей охраны, было передано по лондонскому радио. В своих передачах оно восхваляло храбрость итальянских и советских партизан¹.

После налета на завод «Аэриталиа» отряд Гречко, в котором был среди других и Гула Кикиверия из города Потти, участвовал в многих крупных боевых действиях; в ходе их погибло несколько советских товарищей. Из документов, хранящихся в Институте истории движения Сопротивления в Пьемонте, а также свидетельств некоторых участников этого движения удалось установить, что на маленьком кладбище Фавелла похоронены погибшие 2 ноября Миша и Георгий (их знали только по именам), а также Давид Ильин, убитый на перевале Роза зимой 1944/45 года в момент, когда он пробирался к союзнической миссии. О других советских участниках партизанской борьбы в Пьемонте свидетельств не сохранилось.

СРАЖЕНИЕ У БАЛЬМАФОЛ

В 6-й зоне Суза-Кизоне около 50 советских граждан сражались в рядах 42-й гарибальдийской бригады «Вальтер Фонтан». Они приняли участие во всех боевых операциях, особенно отличившись в битве под Буссолено 20 июня при нападении на охрану Сант-Антонио, в блестяще выполненной операции под Стиима, где взяли в плен 168 фашистов, захватили два тяжелых и 16 легких пулеметов, один миномет, 45 автоматов; они проявили себя также в бою на станции Бруцоло, где противник потерял 8 человек².

¹ Свидетельство Пино Монфрино, бывшего члена командования делегации гарибальдийских бригад в Пьемонте.

² Из характеристики Алессандро Чамеи (Фелько), бывшего командира 42-й бригады «Вальтер Фонтан» (15 мая 1945 года).

Их вклад был решающим в сражении у Бальмафол, которое, начавшись 7 июля 1944 года, закончилось 26 августа. 7 июля после целого ряда боевых схваток партизанским подразделениям удалось занять два важных горных склона. 42-я бригада «Вальтер Фонтан» закрепилась над Буссолено и Кьянокко, приготовившись к обороне. Противник, которому было нанесено несколько крупных ударов, все же не сдавался. 8 июля крупные немецкие силы предприняли стремительное наступление в зоне Бальмафол, чтобы отбить потерянные позиции и смять партизанские подразделения.

Первые удары обрушились на отряд «Лескьера — Россеро» и советский отряд. Бой длился два часа. Гарибальдийские орлы — как их называл командир Чамай — вынудили противника отступить, однако это еще не решило исход боя. Борьба разгорелась в центре партизанских боевых порядков, на которые обрушились крупные вражеские силы. Позиции гарибальдийцев были менее выгодны, чем вражеские позиции у Бальмафол, однако бойцам Амбрино Карло (Негро) и Ала Раймондо (Мондино) все же удалось обратить противника в бегство. Он оставил на поле боя много убитых и тяжело раненных. Во время этого сражения погибли 2 советских партизана, трое были ранены¹.

В последующие дни и недели противник все время наседавал. Он ввел в долину крупные подкрепления эсэсовцев, которые бросил против позиций 42-й бригады; однако существенных результатов добиться ему не удалось. Потеряв надежду сломить сопротивление бригады «Вальтер Фонтан», эсэсовцы 26 августа атаковали в Гранже Сивине подразделение альпийских стрелков «Стеллина», входивших в состав 4-й дивизии «Справедливость и свобода».

Командир Лаги, расположив своих людей в боевые порядки, добился поддержки со стороны трех отрядов 42-й бригады. Едва войдя в зону боя, командир советского отряда, воскликнув: «Батальон «Россия» в атаку!» — обрушился со своими бойцами на врага. Их натиск и натиск итальянских партизан был весьма стремительным, и это заставило немцев сдаться. Противник

¹ Istituto storico della Resistenza in Piemonte. Archivio. c. 68—1, a

оставил на поле боя 30 убитых, большое количество оружия, 150 фашистов были взяты в плен. У патриотов погиб храбрый воин, лейтенант Красной Армии.

Из захваченных документов партизаны узнали, что другая вражеская колонна поднимется из долины Ланцо, точнее из Марчаузия, чтобы атаковать 42-ю бригаду. В той зоне действовала 19-я гарибальдийская бригада «Эузебио Джамбоне». Она дала сигнал тревоги и навязала бой вражеской колонне. Вслед за этим к бойцам «Джамбоне» присоединились два отряда 42-й бригады под командованием Андреа Фонтана. Противник был вынужден бежать¹.

Бойцы советского отряда не знали ни минуты передышки. В первых числах сентября в долине Ланцо они взяли в плен 100 гитлеровцев и большое количество вооружения². За смелость и отвагу, проявленную ими, бойцы других отрядов 42-й бригады часто приглашали их принять участие в молниеносных диверсионных операциях на железнодорожной линии Турин — Модена, соединяющей через долину Суза Пьемонт с Францией.

Одна из таких акций, в которой приняли участие и 7 советских партизан, была совершена 12 сентября. Накануне командование 42-й гарибальдийской бригады, получив сообщение, что на следующий день в 8 часов утра по железной дороге в направлении Турина проследует немецкий воинский эшелон, поручило Джованни Пеироло, командиру отряда «Альтиери», заминировать железнодорожное полотно в двух местах на расстоянии километра одно от другого и, когда поезд окажется на этом участке, подорвать взрывчатку, чтобы блокировать эшелон.

В момент, когда партизаны подкладывали взрывчатку, на расстоянии 50 м от них по дороге № 25 проехал патруль из 12 немецких велосипедистов. Полагая, что это разведывательный дозор, патриоты залегли на склоне полотна железной дороги, разделившись на две группы — 6 человек с Пеироло и 6 других с заместителем командира Эмилио Яллином — с таким расчетом, чтобы обрушить на дозор, когда он будет возвращаться, перекрестный огонь.

¹ Свидетельство Алы Раймондо (Мондино), комиссара 42-й бригады «Вальтер Фонтан».

² Из указанной выше характеристики А. Чамен.

Только они устроились, как на дороге в направлении Буссолено появились два автомобиля, следовавшие на расстоянии приблизительно 50 м один от другого. Джованни Пеироло, который вместе со своей группой спрятался на горе, обращенной к Буссолено, пропустил первую машину с таким расчетом, чтобы ее атаковала группа, укрывшаяся в долине в направлении Боргоне. По второй была выпущена пулеметная очередь, она потеряла управление и остановилась у противоположной обочины дороги. Два немецких офицера, выпрыгнув из машины, кубарем покатались вниз по склону. Это были майоры вермахта. Двух других офицеров, генерала и полковника, нашли вместе с шофером мертвыми в машине. Из документов было видно, что они являлись офицерами штаба немецкой танковой дивизии, дислоцировавшейся во Франции. Пулеметная очередь остановила и первую машину. Один из партизан молниеносно бросил в нее немецкую гранату, к которой были привязаны пять пластиковых взрывчаток (такого типа гранаты он готовил против танков и броневиков). В искаженном мощнейшим взрывом и отброшенном на расстояние около 20 м автомобиле были четыре или пять гитлеровских офицеров.

Тем временем паровозные машинисты, видимо испуганные перестрелкой и взрывом, остановили поезд приблизительно в 150 м от того места, где была заложена взрывчатка, и дали задний ход к Буссолено. Партизаны подорвали мины и ушли в горы.

17—18 сентября отряд подрывников 42-й бригады «Фонтан», в котором заместителем командира был Микеле Куньо, спустился, как он это делал много раз и раньше, в долину, в зону Кианок, имея приказ взорвать железнодорожную линию Турин—Модена. В тот день с Микеле Куньо были комиссар отряда подрывников Дуилио Боржис, гарибальдийцы Капраруло, Романо Зграблик, д'Аморе, Паскуале, Бруно, Марио Вота и другие, всего 16 партизан, вооруженных ручным пулеметом, 6 автоматами и 9 винтовками. Вместе с ними находился вооруженный своим неразлучным автоматом грузин Гриша Таташури, невысокого роста, коренастый, чрезвычайно сильный и подвижный, очень храбрый и хладнокровный¹.

¹ Свидетельство Микеле Куньо.

Идя гуськом по петляющим и местами скрытым в лесу тропинкам, партизаны достигли железнодорожного полотна, где предстояло выполнить поставленную задачу. Едва они успели подложить под рельсы взрывчатку и подорвать ее, как увидели приближающийся по дороге № 25 грузовик с немцами. Поскольку он находился на расстоянии примерно 50 м, партизаны сразу же открыли огонь из всех боевых средств. Грузовик, пробитый градом пуль, накренился и перевернулся на обочину противоположной стороны дороги. Когда Куньо вместе с другими четверьмя партизанами переходил железнодорожное полотно, чтобы забрать из грузовика оружие, снаряжение, а возможно, и захватить пленных, со стороны Боргоне вынырнул немецкий броневик и открыл по партизанам пулеметный огонь.

К счастью, они остались невредимы и бросились с железнодорожного полотна вниз, под откос, откуда Капрауло уже вел огонь по броневнику из своего автомата. Обстановка сильно осложнилась. Пулеметные очереди фашистов врезались перед партизанами в полотно железной дороги, разбрасывая во все стороны камни, между тем как автоматные очереди патриотов даже не царапали броневик. Партизаны вынуждены были отступить и укрыться на расстоянии 200 м, готовые ко всякой неожиданности.

В это время на железной дороге показался паровоз, двигавшийся из Буссолено. Перед ним были прицеплены платформы, груженные мешками с песком, за которыми укрывались гитлеровцы, вооруженные пулеметами. Они должны были охранять тех, кому предстояло ремонтировать железную дорогу, взорванную партизанами. Как только поезд подошел на расстояние выстрела, гарибальдийцы открыли по нему огонь. Нацисты ответили из своих «гитлеровских пил». Во время перестрелки неожиданно в тылу партизан со стороны Буссолено появилась колонна из четырех-пяти грузовиков с немцами. Впереди следовал броневик, из которого нагло выглядывали два офицера. С дистанции 50 м гитлеровцы обстреляли гарибальдийцев из своих автоматов.

«Именно тогда,— вспоминает Куньо,— я имел возможность по-настоящему оценить храбрость и хладнокровие Гриши. Молниеносным броском он метнулся на

новый рубеж и в мгновение ока очередь из своего автомата сразил двух немецких офицеров, выглядывавших из броневика, а затем перенес огонь по грузовикам. Быстрая реакция Гриши и замешательство, которое он вызвал среди врагов, позволили нам занять более удобную позицию для отражения новой угрозы. Мы также начали обстреливать колонну грузовиков, продолжая одновременно вести огонь по поезду из автомата и других боевых средств. Бой продолжался больше часа».

Положение ухудшалось еще и потому, что боеприпасы гарибальдийцев были на исходе. Появилась угроза окружения, и партизаны, чередуя отряды, начали отступать. Стены из камня, которые в этой зоне разделяют виноградники, позволили бойцам Куньо отойти без потерь. Гитлеровцы в соответствии с их варварским обычаем выместили свою злобу на мирных жителях. Они подожгли все дома предместья Кротте Кианок.

В это время командир бригады Алессандро Чаеи, наблюдавший сверху за перипетиями боя, видя, как горят дома в предместье и полагая, что партизаны окружены, отдал приказ всем отрядам 42-й бригады, среди которых был и советский отряд, двинуться на помощь попавшим в беду гарибальдийцам. Между тем из Буссолено и Боргоне продолжали прибывать немецкие подкрепления, включая бронемашину и танки. Бойцы советского отряда бросились в атаку вместе с бойцами других отрядов. Этот бой, в котором приняли участие также командир Негро и комиссар бригады «Мондино», длился целый день, и его накал непрерывно усиливался. Несмотря на превосходство сил, немцы понесли большие потери в технике и живой силе (более 20 убитых и много раненых). У гарибальдийцев были легко ранены 4 человека. «И в этот незабываемый день,— вспоминает Куньо,— блестяще проявилась, освещенная единством, доблесть советских и итальянских партизан».

20 октября советский отряд принял активное участие в сражении, которое развернулось в окрестностях Маргоне. Там погибли Трукункай и Федор Тартаматов. 16 февраля 1945 года в бою с немцами пал Николай Абдулай. За этот бой и за боевые операции, проводившиеся вплоть до освобождения Турина, командир советского отряда был премирован. Командование бригады и 3-й гарибальдийской дивизии ставило этого человека

в пример, подчеркивая его смелость, организаторские способности и честность¹. Среди советских бойцов отличился также Шалва Мунжишвили (Алессандро) из города Мурманска.

О советских людях в провинции Алессандрия мы уже упоминали в главе, касающейся Лигурии. Большинство из них входило в гарибальдийскую дивизию «Лигуре — Алессандрина», которая действовала в 4-й лигурийской зоне, другие же входили в 10-ю гарибальдийскую дивизию «Италия» и в 16-ю дивизию «Вигано». В этой дивизии, кроме Дмитрия Артаманова, одного из лучших помощников командира Пьеро Минетти, были также Николай Филиппов, погибший в бою, Александр и Катюша. Их знали только по этим именам. Александр, 19-летний студент из Минска, 28 декабря 1944 года вместе с итальянскими партизанами был взят эсэсовцами в плен в окрестностях Ривольта Бормида и привезен в Нови-Лигуре. При попытке к бегству он был убит вместе со своим неразлучным другом Элио Борба. Катюша также был схвачен немцами, которые, по всей вероятности, расстреляли его².

Советские партизаны сражались и в отрядах, действовавших в провинции Асти.

Всего их было 10 человек: семеро входили в 8-ю гарибальдийскую дивизию «Асти» и трое — в 9-ю дивизию «Имерито». В 45-й бригаде «Кареми» воевал некий Иван. В Красной Армии он, кажется, был комиссаром подразделения 31-й дивизии, действовавшей в районе Одессы.

300 СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН В ПРОВИНЦИИ НОВАРА

На нынешнем этапе поисков нельзя точно установить, сколько советских партизан сражалось в Оссоле и Вальсезии. Из имеющихся данных следует, что их было не менее трехсот. Из них погибло примерно 20 человек, а может быть и больше.

Большинство советских партизан примкнуло к новарским антифашистам в начале июля 1944 года, точнее после немецких облав в Альто Вербано, завершив-

¹ Из характеристики А. Чамен.

² Свидетельство Пьеро Минетти.

шихся массовыми расправами, расстрелами и рассеиванием различных партизанских подразделений. Указанные акции создали у нацистов иллюзию, что «если партизанское движение не ликвидировано, то по крайней мере ему нанесен серьезный удар». По этим соображениям, а также стремясь усилить фронт в центральной Италии, где союзники, освободив Рим, продвигались в Тоскану, немецкое командование решило осуществить перегруппировку своих войск. В различных населенных пунктах Вальдоссолы немецкие подразделения были заменены подразделениями, принудительно сформированными из пленных грузин и чехословаков, находившимися под командованием гитлеровских офицеров¹.

Большинство грузин и чехословаков, прибыв в зону боев, сразу же перешли с полным вооружением на сторону партизан. Около 80 грузин примкнули к 6-й гарибальдийской бригаде под командованием Нелло Оливьери (Нелло) во время сражения у горы Бароне 19 июля². Другие 5 пришли в ту же бригаду 5 августа во время боевых действий батальона «Рокко» против немецких позиций у моста Плинио на дороге, ведущей из Оменья в Альцо. В захвате этих позиций вместе с итальянцами Манчини, Уччелли, Роджи, Бордига, Эдоардо Велатта, Джованни Портиноро, Ремо, Джориа, Марцотто, Кролла, Коломбо, Марио, Альдо Киара, партизанкой Костанцей и другими приняли участие также и советские люди³.

31 августа гарибальдийцы из батальона «Реди» атаковали немецкую колонну из семи грузовиков с солдатами, направлявшимися в Кродо. В этой колонне было много грузин, большинство которых 1 сентября перешло к партизанам. 8 сентября 37 советских граждан грузинской национальности присоединились к батальону «Пеппино» 118-й гарибальдийской бригады «Ремо Сервадей».

В тот день отряд батальона «Пеппино» под командованием Эдо атаковал на дороге Момо — Кресса три вражеских грузовика и две легковые машины, в кото-

¹ P. Secchia e C. Moscatelli, *Il monte Rosa è sceso a Milano*, Torino, p. 370.

² *Ibid.*, p. 300.

³ *Ibid.*, p. 345—346.

рых находились наместник и квестор Новары, а также другие агенты особой полиции. Противник потерял 23 человека убитыми и многих ранеными. Единственным погибшим партизаном был неизвестный советский человек грузинской национальности¹. В связи со смертью этого человека газета «Стелла Альпина» писала: «Погиб грузин. Эта смерть заставила нас подумать о величии народа, сыны которого умеют бороться и погибать за идеалы свободы во всем мире, находясь за тысячи километров от своей земли»².

9 сентября 85 советских граждан присоединились к батальону «Реди», действовавшему против немцев в Варцо. По поводу этого массового перехода советских людей в ряды партизан Энрико Сакки в своем докладе писал: «Час спустя после занятия Варцо, 85 советских граждан, принудительно мобилизованных гитлеровцами, возглавляемые усатым капитаном, которого мы тут же называли «товарищ», переходят на нашу сторону. Они приветствовали нас, подняв сжатые кулаки. Было смешно видеть, как они, вооруженные до зубов, в немецкой форме, бросились к нам на шею и стали обнимать. Грузины попросили разрешить им сражаться бок о бок с нами. Мы их приняли, хотя вначале и не доверяли им. В последующем, особенно в битве при Гравеллоне, они доказали, что являются хорошими бойцами. На них можно было полностью положиться»³.

Другие советские граждане, количество которых не удалось установить, вошли в состав 85-й гарибальдийской бригады «Мартире». В первом батальоне подрывников «Чиконья» боролся и пал в бою некий Володя. В бригаде «Чезаре Баттисти» был в числе других Виктор Шелепухин; он погиб в бою и похоронен на кладбище в Гиффа⁴.

¹ «Stella Alpina», anno 1, № 3, 15 novembre 1944. (Орган единого командования гарибальдийскими частями Вальсезии, Кузио, Оссола и Вербано.)

² Ibid. (Военная сводка № 115: действия в провинции Новара 26 октября.)

³ P. Secchia e C. Moscatelli, op. cit., p. 400. Выдержка из доклада Энрико Сакки (Рико), бывшего комиссара батальона «Реди» 2-й дивизии «Вальдоссоло» (Архив гарибальдийской бригады «Вальсезиа — Оссола», doc. № 3576, A/57).

⁴ Ibid., p. 376.

В гарибальдийской бригаде «Рокко» также были советские партизаны. Двое из них, Степан Бондаренко и некий Микеле, погибли. Бондаренко был ранен в Оледжо Каstellо 13 марта 1945 года и скончался в Ароне, где и похоронен в братской могиле партизан. Он родился 23 декабря 1900 года. Известие о смерти Микеле было взято из сводки № 121 от 14 ноября 1944 года, опубликованной в «Стелла Альпина» 25 декабря. «Два бойца 15-й бригады «Рокко»,— говорится в сводке,— ведя разведку на дороге Армено— Миазино, встретили два грузовика с неприятелем, который сразу же открыл огонь. В результате ответных действий с нашей стороны были убиты и ранены четыре вражеских солдата. Достоин примера поведение гарибальдийца Микеле, русского по национальности, бежавшего из немецкого концентрационного лагеря. Вместо того чтобы укрыться от огня, он остался на месте, героически сдерживая во сто раз превосходящие силы противника, и погиб; его подобрал товарищи из отряда «Бариселли», которые воздали этому герою воинские почести». Впоследствии удалось узнать, что Микеле не был в прошлом военным. Возможно, это был сотрудник советского посольства, брошенный в концентрационный лагерь в начале войны. В августе или сентябре 1944 года он бежал из тюрьмы и примкнул к партизанским подразделениям, действовавшим в провинции Новара. Это был человек невысокого роста, он не отличался атлетическим телосложением и выглядел вовсе не как воин. Из конспиративных соображений Микеле не назвал свое подлинное имя. Он хорошо говорил по-итальянски и был очень скромным человеком. Итальянским партизанам, которые подсмеивались над ним за его застенчивость и робость, он говорил: «Пошлите меня на задание, и я покажу вам, на что способен»¹.

Однажды вместе с другим партизаном он был в разведке. На дороге Армено— Миазино они заметили два приближавшихся грузовика. Микеле предложил атаковать их. Товарищ согласился. Партизаны спрятались за каменную ограду и открыли огонь. Грузовики сразу же остановились. Противник приготовился к бою и наме-

¹ Свидетельство Эральдо Гастоне на упоминавшейся встрече в Генуе.

ревался окружить храбрецов. После первой перестрелки итальянский партизан отступил, но Микеле продолжал отстреливаться одиночными выстрелами; около полутора часов он сдерживал 80 фашистов. Исчерпав все патроны и оказавшись почти окруженным, патриот вышел из-за ограды и воскликнул: «Да здравствует свобода!»¹

СРАЖЕНИЕ У ГРАВЕЛЛОНА

Советские воины проявили мужество и высокий боевой дух в гравеллонском сражении и при защите Партизанской республики Оссола. В Гравеллоне советские граждане боролись особенно самоотверженно и вместе с гарибальдийскими отрядами дивизии «Сервадей» понесли наибольшие потери убитыми и ранеными².

Освободив Домодоссола 10 сентября, гарибальдийские отряды дивизии «Бельтрами» атаковали населенный пункт Оменья. Они обратили в бегство гитлеровцев и итальянских фашистов, которые отходили на Гравеллону, преследуемые батальоном грузин, находившимся в авангарде контратакующих сил. Гравеллона расположена при въезде в Вальдоссолу, где скрещиваются дороги, связывающие Оссолу с Верхним Вербано и Нижнее Вербано с Кузио. Она имела важное стратегическое значение, потому что только через нее пролегали пути в Милан и Новару³.

Противник сосредоточил здесь до 300 человек. Они были хорошо вооружены, имели два броневика, противотанковое орудие и другие виды тяжелого оружия. Наступление началось утром 13 сентября. Бой длился с переменным успехом двое суток. Проникнув в город, гарибальдийцы, грузины и партизаны дивизии «Бельтрами» атаковали одновременно вражеские опорные пункты. После трех часов упорных боев гарибальдийцы выбили фашистов из фабрики Фуертера и заняли предместье Санта-Мария. Противнику удалось удержаться в школе, клубе и у станции, так как атаки партизан ввиду нехватки боеприпасов были здесь менее эффективны. Однако патриоты не прекратили бой: Фульмине,

¹ Там же.

² P. Secchia e C. Moscatelli, op. cit., p. 384.

³ Ibid., p. 380—381.

Луиджи, Сбанки, Фриц, Том и Кира и другие подавили вражеское сопротивление на перекрестке дорог, забросав противника гранатами. Появившийся броневик был остановлен пулеметным огнем и захвачен. Вскоре показалась еще одна бронемашина. Советский партизан связал несколько немецких гранат и под прикрытием пулеметного огня укрылся в канаве. Затем он удачно подполз к броневнику на расстояние нескольких метров и бросил в него смертоносную связку. Бронированная машина вместе с экипажем взлетела на воздух¹.

На следующий день клуб был занят партизанами, но школу, где засело командование вражеского гарнизона, а также станцию еще предстояло штурмовать. Атака патриотов во второй половине дня 14 сентября успеха не имела.

Фульмине был помещен в госпиталь в Оменья, где ему ампутировали руку. Затем туда доставили Кира с пулевым ранением лица. «От него,— вспоминает Фульмине,— я получил последние сведения... После яростной атаки в центре городка, сказал Кира, мы были вынуждены оторваться от немецкой автоколонны, прибывшей из Бовено. Наши потери были очень велики, но и противнику досталось. Несмотря на полученные подкрепления, он с трудом обороняет центр. Мы еще удерживаем Санта-Мария и все узловые пункты вокруг Гравеллоны. Взвод тяжелых огневых средств, прибывший на помощь из Вальдоссолы, закрепился в Монт'Орфано и ведет прицельный огонь по центру населенного пункта. Взводом командует Ферради, рядом с ним Ливио из Оменья. Надеемся на вечер или на завтрашний день: может быть, эти жертвы не окажутся напрасными»².

Осада Гравеллоны продлилась всю ночь, и бои продолжались до подхода из Бовено, Фондаторе и Палланца значительных вражеских подкреплений. Утром 15 сентября на партизан дивизии «Бельтрами» и гарибальдийской дивизии «Реди» обрушилась сильная немецкая колонна, поддержанная бронетанковыми средствами. Успех перешел к противнику, и отступление, которое должно было совершиться по приказу и в благо-

¹ Ibid., p. 382.

² «La Repubblica dell'Ossola, Settembre — Ottobre 1944», Domodossola, 1954, p. 55.

приятных условиях под покровом ночи, произошло под натиском противника.

Чтобы обеспечить перелом в ходе боя, кроме необходимых подкреплений, нужны были также тяжелые огневые средства¹. Кира, который был военным и знал, как следует вести бой, за несколько часов до атаки на городок сказал командиру Энед: «Мы спустимся с твоими и моими бойцами до дороги, перебьем фашистов, захватим орудие и с его помощью овладеем затем городком и гравеллонским гарнизоном»². Предложение было конкретным и соответствовало реальному военному положению, но партизаны предпочли идти прямо на населенный пункт без орудия.

По ряду обстоятельств гравеллонская битва, которая могла бы иметь совсем другой исход, закончилась тяжелым отступлением. Партизаны потеряли в общей сложности 32 человека, в их числе несколько грузин: многие были ранены. Потери противника составляли 130 человек³.

360 СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН В ЛОМБАРДИИ

В Ломбардии, где движение Сопротивления приняло большой размах⁴, насчитывалось свыше 360 советских партизан, из которых 35 погибли в боях.

В районе Бергамо первыми, кто примкнул к вооруженным отрядам, действовавшим в горах Ловере, в долинах Калепио и Таледжо, были бывшие военнопленные, которые находились в лагере в Грумеллина (местечко в окрестностях Бергамо). Затем к ним присоединились другие группы, бежавшие из Германии, а в последующем и большинство тех, кого принудительно мобилизовали в немецкую армию.

53-я гарибальдийская бригада имени Тринадцати замученных ловерейских партизан в первые месяцы 1944 года имела в своих рядах четырех советских вои-

¹ Ibid., p. 56.

² Свидетельство Эральдо Гастоне на упоминавшейся встрече в Генуе.

³ P. Secchia e Moscatelli, op. cit., p. 383—384.

⁴ В вооруженной борьбе приняло участие 28 885 партизан, из которых 5048 пали в бою и 2896 стали инвалидами. («Documenti di vita italiana», № 29, aprile 1954, p. 25.)

нов: Карло, Мишеля, Мишу и Шалико. Двое — грузины и двое — украинцы. Миша говорил, что был председателем колхоза в своем районе. Их знали только по партизанским кличкам. Советские граждане оставались в бригаде два месяца и приняли участие в боевых действиях против фашистов в Гандино, в ходе которых один из них был ранен. С группой партизан этой зоны они выбыли из указанного подразделения и примкнули к имени 24 Мая бригаде «Справедливость и свобода», которая действовала в долине Брембана. Карло, Мишель и Миша вместе с другими бергамскими партизанами пали в бою против немцев 30 ноября 1944 года на горе Альбен в долине Серина и похоронены на кладбище Серина, где в их честь установлено надгробие с высеченными на нем их боевыми кличками.

В 24-й бригаде «Справедливость и свобода» также были советские люди, принявшие активное участие в борьбе в течение всего периода их пребывания и оставившие о себе добрую память у бергамских партизан. Там сражались, в частности, Иван Федорович Кирсанов, Джорджио и Василий.

Другая группа советских граждан была в бригаде имени 1 Мая «Фьямме Верди». Она действовала в зоне Ольтре иль Колле (долина Северина).

20 октября 1944 года в зоне Корно Лунго, Кампо-д'Авена, между горами Совере и долинами Борлецца, Сериана, Каваллина 53-я гарибальдийская бригада в которой уж раз вела бой против нацистов и итальянских фашистов, который длился три дня. Преодолевая заслоны карателей, на помощь этой бригаде пришла группа в количестве 42 советских партизан под командованием майора, которая действовала в течение нескольких месяцев в бригаде «Фьямме Верди» в долине Камоника (Брешиа). Почти месяц группа вела бои в указанной зоне, а затем, перевалив через горы, ушла в Швейцарию¹.

Вот имена бергамских партизан из 53-й бригады, которые поддерживали постоянные контакты с советскими людьми: Монтанья (Джованни Брази) и Д'Артаньян (Петро Пеццоли), Брак (Джузеппе Бригенти), Филага (Примо Берта), Лео (Джованни Берта), Андреино (Пе-

¹ Свидетельство Джузеппе Бригенти.

тенци), Иван (Лимонта), Тарзан (Тарциа), Бомба (Джованбаттиста Корна), Пирата (Анджело Травези), Ренцо (Артуго Моретти) и Вольф (Алессандро Марелло).

В январе, феврале и марте 1945 года значительное число советских граждан, в большинстве уроженцев Казахстана и среднеазиатских республик, установив контакт с представителями движения Сопротивления, бежало из немецких казарм в Бергамо, Годино и Цоньо.

Так, в первых числах марта 1944 года из казарм Годино исчезло 250 человек. Они увели с собой двадцать лошадей, захватили тяжелое оружие и боеприпасы и явились в 53-ю бригаду. Двести были препровождены в Швейцарию, остальные под командованием майора оставались в районе Бергамо до освобождения. Один из них погиб в Ловере за несколько дней до 25 апреля.

Побег из казарм Цоньо завершился трагически. Около 300 советских граждан в конце марта направились в горы на лошадях с оружием и боеприпасами. Была договоренность, что они придут в 53-ю гарибальдийскую бригаду, которая в последующем должна была переправить их в Швейцарию. По ошибке или намеренно случилось, однако, так, что, вместо того чтобы идти по указанной дороге, ведущей на Гандино, они остановились на горе Незе, недалеко от Бергамо. Здесь их настигла фашистская бригада чернорубашечников из Ресмини, которая устроила засаду. Произошла страшная резня. 150 человек были убиты, остальные разбежались и были приняты в различные партизанские соединения. Большинство из них потом перешло в Швейцарию.

Несколько советских партизан боролись в зоне Комо-Лекко. В середине декабря 1943 года в результате налета партизан из отряда «Карл Маркс» на казармы в Монца около 30 советским пленным удалось бежать и примкнуть к гарибальдийцам, база которых была в Пиццо-дей-Тре-Синьори, между Комо, Вальтеллина и Бергамаска на высоте около 2000 метров над уровнем моря. В конце января 1944 года, после многих столкновений с нацистами и осуществления ряда диверсионных актов, группа пришла в убежище Пия XII. Отсюда часть советских граждан перешла в Швейцарию¹. Те же, кто

¹ M. De Micheli, op. cit., p. 55—56.

остался — их было около десяти человек, — принимали потом участие во многих боевых операциях партизан. Двое пали в бою, а один — Василий, был убит молнией в окрестностях Премана.

В июне 1944 года в Донго, общине в пять тысяч жителей, расположенной на берегу озера Комо между Менадждо и Граведона, возник отряд под названием «Антонио Грамши». Он был включен в 52-ю гарибальдийскую бригаду «Луиджи Клеричи». Его первое ядро состояло из 20 человек, в числе которых было трое советских граждан, бежавших 8 сентября 1943 года из лагеря, расположенного в окрестностях Сесто-Сан-Джовани (Милан). Отряд занял позиции в горах Гремиа, в местечке Палу¹. Советские товарищи приняли участие во многих боевых действиях, включая и операцию 2—3 октября в Ленно против руководимого Гуидо Буффарини министерства внутренних дел «Республики Салó»², расположенного в здании Альберго-Сан-Джоржо.

11 октября 1944 года в Аби погиб Михаил Лаврич (Лекко), родившийся в 1922 году в Ростове. 10 октября на заре фашистские отряды атаковали боевые рубежи 55-й бригады «Россели» с четырех направлений. Позиция отряда «Бенедетто Кроче», куда входил Михаил, была основой всего боевого порядка. Враг силами около 400 человек стремился прежде всего захватить высоту, обороняемую отрядом «Кроче». Действия нацистов и итальянских фашистов достигли цели, и четыре колонны одновременно вышли на гребень, господствующий над долиной Биондино. Они одержали победу над маленьким отрядом, который тщетно пытался оказать сопротивление превосходящим силам противника. Лаврич

¹ M. U. Buonafina, Nota sulla Resistenza a Dongo, «Il movimento italiano di liberazione», settembre — novembre 1945, fasc. 5—6, p. 33—34.

² После 8 сентября 1943 года чиновники фашистского режима переместились из Рима к северным озерам: министерство внутренних дел, а также секретариат фашистской партии в Мадерно — на озере Гарда, министерство иностранных дел разместилось около городка Салó, откуда и появилось название нового режима, министерство народной культуры в первые дни устроилось в старом «королевском поезде» на ближайшем запасном пути; министерство юстиции — в Брешии. Другие министерства обосновались в Вероне, Падове, Тревизо, Кремоне и Венеции. F. W. Deakin, Storia della Repubblica di Saló, Torino, 1963, p. 601.

оставался на посту, ведя огонь до последнего патрона в автомате. Израненный, он был захвачен фашистами и зверски убит.

В провинции Кремона с весны 1944 года вплоть до освобождения Италии группа около 30 советских граждан под командованием Георгия Рядченко входила в отряд «Гиналья». Рядченко пришел из провинции Брешиа, где сражался в составе партизанских подразделений этой зоны. Вскоре он стал командиром итало-советской оперативной группы, не раз вступавшей в боевые схватки с гитлеровцами и итальянскими фашистами.

Другой советский товарищ, по фамилии Попов, входил в группу «5 джорнате» («5 дней»), которая действовала под командованием Эрнесто Пианацца и Камподонико на горе С. Мартино (Варезе). Он участвовал в битве у С. Мартино, которая длилась два месяца (сентябрь — октябрь 1944 года); 17 ноября Попов ушел в Швейцарию, чтобы соединиться со своими соотечественниками в Клейндвиле.

В Ольтре-По-Павезе, точнее в 51-й гарибальдийской бригаде «Капеттини» 3-й дивизии «Аллиотта», которая действовала в 6-й лигурийской зоне, насчитывалось свыше 50 советских граждан, из которых двое пали в бою. Один похоронен на кладбище Брони, а другой — в Фортунаго.

Долгое время среди анжелских партизан, находившихся в подчинении «Капеттини», были двое русских — Марио и Суликов (возможно, Сулико Онашвили). «Они были, — пишет Бианка Чева, — прекрасные солдаты, которые никогда не отступали и не отступят от приказа»¹. «Высокие и сильные, они отличаются такой военной выправкой, которой никто из наших не обладает. Они спокойно стоят в стороне, дисциплинированно ожидая пищи, которую другие шумно расхватывают. Сегодня, 12 декабря 1944 года, они остались без еды и не протестовали»². Речь идет об оценке, которая совпадает с другими суждениями: дисциплинированность, сознание своей роли, высокий боевой дух — таковы были характерные черты советских партизан.

В той же бригаде «Капеттини» среди других воевал

¹ В. С е v а, *Tempo dei vivi* 1943—1945, Milano, 1954, p. 141.

² *Ibid.*

Николай Дрогавцев из Орла. Несмотря на свой молодой возраст — ему было только 15 лет,— он был прекрасным бойцом. Вместе с остальными участниками подвижной оперативной группы, возглавлявшейся чехами Йозефом Зайчиком и Звоничеком, он подорвал мост в окрестностях Варци, помешав тем самым вражеской колонне продолжать операции по прочесыванию местности.

СРАЖЕНИЕ У ГОНЦАГА

В Гонцаге (Мантуя) в ночь с 19 на 20 декабря 1944 года погиб советский партизан Александр. Сражение у Гонцага, пишет Витторио Монтанари¹, явилось выдающимся военным событием в период Соппротивления в провинции Мантуя, и, как признали также лондонское радио и английская печать, этот бой был героически проведенной военной операцией на равнине против превосходящих, хорошо вооруженных и оснащенных сил гитлеровцев и итальянских фашистов, действовавших в равнинных районах Мантуи, Реджо-Эмилии и Модены.

Гонцага стала настоящей крепостью врага; помимо нескольких казарм, у него был там еще концлагерь, в который он превратил школьное помещение, заточив в него пленных из Фоссолы и людей, захваченных в ходе жестоких облав. Затем этих узников отправляли в Германию в фашистские лагеря смерти. Само собой разумеется, что партизаны этой зоны не могли оставаться бездеятельными. Их части в провинции Гонцага и части, действовавшие в нижних районах провинции Реджо и Модена, установили необходимые контакты и вскоре решили предпринять атаку на вражескую крепость.

В ночь с 19 на 20 декабря первый отряд под командованием Чезаре (Агостино Нази) атаковал казарму восточнее населенного пункта, второй во главе с Поповичем (Джузеппе Агуццолы) вместе с группой Нансена (Беневелли) двинулся к казарме вдоль левого берега оросительного канала. Группы Омара (Умберто Бизи) и Карлино (Гавани) шли позади бойцов Поповича, имея задачу уничтожить немецкий гарнизон, охранявший пленных.

¹ V. Montanari, *All'assalto di una Roccaforte nemica «Il calendario del popolo»*, ottobre 1965, p. 384, 399.

В группе Нансена был и Александр. Сняв двух наружных часовых, партизаны вошли в здание и направились к внутренней охране, чтобы обезвредить ее. Александр внимательно следил за начальником немецкого гарнизона, капитаном, которого ранее взяли в плен, случайно столкнувшись с ним, а затем отпустили; теперь он должен был облегчить пленение охраны. Полагая, что никто из партизан не знает его языка, офицер подал знак тревоги. Александр, хорошо владевший немецким и итальянским языками, понял, что крикнул немец, и сразу же предупредил своих товарищей. Нансен и Скарпоне (Альчиде Гараньони) напали на двух часовых, а Александр уничтожил офицера. Взяв в плен и обезоружив немцев, которые находились в здании школы, партизаны направились к казарме чернорубашечников, расположенной в каких-нибудь 100 метрах. Другая группа патриотов уже разоружала там противника.

Александр, вспоминает Монтанари, всегда находился там, где возникала наибольшая опасность. В начале атаки на крепость Гонцага он был в первых рядах вместе с командиром Нансеном, готовый прийти на помощь в самой напряженной обстановке. В здании школы, когда немцы начали сильный обстрел, он был среди атакующих. Пулеметная очередь сразила насмерть его и Скарпоне, когда они пытались помешать фашистам открыть огонь по группе партизан, находившихся в помещении.

Операция против крепости длилась всю ночь и закончилась уничтожением трех вражеских гарнизонов, оставивших на поле боя 30 человек убитыми.

В ДОЛИНАХ ПРОВИНЦИИ БРЕШИА

Среди первых партизанских подразделений, созданных в провинции Брешиа сразу же после 8 сентября 1943 года, было несколько групп, которые состояли главным образом из бывших пленных союзников: англичан, канадцев, но особенно русских и французов¹. При бригаде имени Маттеотти имелась самостоятельная группа из 20 советских граждан под командованием Нико-

¹ F a r r a n i, La resistenza bresciana, Brescia, 1965, vol. II, p. 60.

лая, 1923 года рождения, курсанта военного офицерского училища Красной Армии. После резни в Бовеньо (15—16 августа 1944 года) эта группа была включена в бригаду «Фьямме Верди» «Перласка», но продолжала сохранять свою самостоятельность¹. Один из советских бойцов, Василий², был убит в бою 5 сентября 1944 года в Гранеи вместе с Фаустино Далаиди, Альфредо Мегрином и Аугусто Векки³. Все они принадлежали к группе «Т 1»⁴.

На страницах «Рибелле» («Повстанец») от 1 декабря 1944 года гибель Василия описывается следующим образом: «Василий остался там, наверху.— Раненый неопределенно указал направление рукой⁵.— Мы нашли его, идя по оставленному на снегу следу. Василий лежал без движения; казалось, он спал и видел во сне город Сталино, где не был уже пять лет, жену и детей, фабрику, где работал, товарищей, которые один за другим погибали. Трое последних боевых друзей пали около Ниардо после того, как у них кончились все патроны.

«Василий был хороший парень»,— сказал Николай партизанке, которая обмывала ему лицо, руки, шею и ноги. Он хотел найти слова благодарности. Но не знал их. Он снял с пальца золотое обручальное кольцо и чуть обиделся, когда девушка отказалась взять его. Николай хотел подняться на то место, где мы должны были хоронить Василия, хоронить просто, без священника, потому что еще шло прочесывание и никто не знал, где найти священника. И к тому же, как знать, что бы подумал об этом Василий. В кармане у него была только красная звездочка. Николай не мог говорить. Он стал на колени, чтобы бросить первую горсть земли в могилу, когда раздастся прощальный залп в честь погибшего и кивнул головой в знак согласия, когда кто-то спросил, можно ли предать земле товарища. В ту ночь на

¹ Ibid.

² Не смешивать с другим Василием, который сражался в долине Камоника в группе «С.1» (командование № 1).

³ F. F a r r a n i, op. cit., vol. III, p. 56.

⁴ «Т 1» — Группа долины Тромпия 1.

⁵ Речь идет о советском партизане по имени Николай (одном из многих Николаев), раненном в бою, в котором погиб Василий. Возможно, это был командир группы советских партизан, действовавшей в долине Тромпия.

опушке леса снег окутал своим белым покровом простой солдатский крест, такой же, как крест итальянского партизана»¹.

В июле 1944 года в лесах долины Негра, в горах Пизонье, на озере Изео трое советских граждан — Петр, Никола и Никули (их знали только под этими именами) — примкнули к группе «С 1» под командованием Джулио Маццон (Сильвио). Эти трое уже были в партизанских отрядах, действовавших на горе Гульельмо. Петр был советским офицером. Он погиб в конце августа: пуля попала ему прямо в грудь. Его труп обнаружили много дней спустя у лиственницы². После смерти Петра Никола и Никули 22 сентября участвовали в совместных действиях партизанских групп, которые должны были захватить в плен нескольких немцев на станции Ниардо.

Во второй половине сентября в группу «С 1» влились около 20 советских воинов, пришедших из долины Тромпия. Они создали свой отряд под командованием Василия и Петра. Их также знали только под такими именами. Во время пребывания в долинах Тромпия и Камоника группа задала немцам много хлопот. Она всегда действовала решительно и самоотверженно. В одном бою ей удалось уничтожить подразделение фашистских чернорубашечников, взять их боевое знамя, которое в последующем было передано командиром группы «С 1» Центральному музею Советской Армии³.

В октябре группа, к которой примкнули также Никола и Никули, направилась в Швейцарию. Есть предположение, что ее члены встретились с немцами в Ниардо и почти все погибли в бою, отстреливаясь до последнего патрона. Те немногие, кому удалось спастись, вероятно, замерзли в швейцарских горах. Несколько месяцев спустя после этих событий в Ниардо были найдены останки многих партизан, которых нельзя было опознать. Счевидцы утверждают, что это были советские люди, погибшие во время вражеских облав.

¹ G. Verzelli, *Brescia Ribelle*, Brescia, 1966, p. 92. (Хроника и тексты брешинского Сопrotивления для начальных и средних школ.)

² G. Mazzon, *Un albero era un albero*, Firenze, 1958, p. 115—117.

³ «Realtà sovietica», № 9, settembre 1958.

Согласно различным свидетельствам, в провинции Брешиа было около 80 советских партизан, из которых свыше 30 погибли в боях. Лишь о немногих удалось получить более или менее точные сведения. Однако и эти войны известны только по боевым кличкам.

Это объясняется тем, что в провинции Брешиа, более чем в другой какой-либо зоне, было категорически запрещено хранить списки бригад с указанием фамилий и данных о партизанах. Кроме причин общего порядка, имевших силу для всего партизанского движения, подобная мера была необходима еще и в связи с тем, что, обосновавшись в Салó (Брешиа), правительство так называемой «Республики Салó» проводило очень активный фашистский шпионаж.

Для того чтобы избежать нарушений директив партизанского командования, 18 октября 1944 года командование дивизии «Фьямме Верди» «Тито Спери» в циркуляре, направленном подчиненным ему бригадам и переданном для сведения гарибальдийским бригадам имени Тринадцати замученных ловерейских партизан и 54-й бригаде, отмечало: «Всеми командирам категорически запрещается составлять списки участников отрядов. К сожалению, до сих пор рекомендации и запрещения не были приняты во внимание. Стало известно, что во время последней облавы среди бумаг отряда, попавших в руки противника, находился также список его бойцов. Предоставляю вам самим судить об этом факте»¹.

Документов о шпионской деятельности фашистов очень много. Приведем только один. В донесении командира 5-й фашистской бригады, направленном 22 марта 1945 года командованию батальона альпийских стрелков «II Адамелло», имеется, в частности, следующее сообщение: «В выделенной нам зоне Медея и Альта Валле от Эдоло до Брено появились банды мятежников... Все население, являющееся их сообщниками, прекрасно осведомлено о передвижениях этих мятежников. Главарь банды — некий Паризи Антонио под кличкой Нино, бывший сицилийский военный, брюнет, светлые глаза, элегантно одет. Другим главарем банды является Лино Корбели, из Селлеро, где живут его мать и

¹. A. F a r r a n i, op. cit., vol. III, p. 159.

сестра Аурелиа, также наш несомненный враг. Отмечаются два русских: Константин Куцевич (Поле), 1923 года рождения, рост 1 м 68 см, коренастый, с голубыми глазами, шатен, прическа с пробором, без бороды, слегка рябоватый, с двумя выступающими зубами. Иван Лонгунов, 1926 года рождения, рост 1 м 74 см, глаза серо-голубые, блондин, без бороды и других особых примет...»¹

¹ Ibid. p. 94—95.

Глава шестая

**ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПОДВИГИ
В ЭМИЛИИ-РОМАНЬЕ**

В Эмилии-Романье вооруженная борьба против гитлеровцев и итальянских фашистов началась сразу же после 8 сентября 1943 года. В ней приняли участие около 900 советских граждан, из которых 82 погибли в боях.

В ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ПРОВИНЦИИ РОМАНЬЯ

Первое документальное упоминание о советских партизанских подразделениях в провинции Романья относится к ноябрю 1943 года. Речь идет о некоем Василии. О нем заполнена только графа, касающаяся национальности: русский¹. Но с момента, когда в 8-й гарибальдийской бригаде «Романья» в Форли удалось создать «русскую роту» под командованием Сергея Сорокина, число советских людей в партизанских отрядах значительно увеличивается. Сорокин больше известен под боевой кличкой «Серджо»². Определить точное количество его соотечественников, сражавшихся тогда в рядах патриотов, не удалось, поскольку в памяти романцев сохранились смутные воспоминания об их именах, и, таким образом, даже по опубликованным свидетельствам их наличие трудно установить. Их называют «советские товарищи», а еще чаще «русские» или «боль-

¹ Istituto storico della Resistenza a Ravenna, il movimento di Liberazione a Ravenna, Catalogo № 2: 1943—1945, dattiloscritto e manoscritto, a cura di C. Casali, Ravenna—Bologna, Ravennana — Steb, 1965, p. 339—341. (О Василии упоминается в § 5, стр. 340.)

² Из подтверждения, данного провинциальным комитетом Форли Национальной ассоциации партизан Италии (АНПИ).

шевики». Последние определения больше всего употреблялись фашистской пропагандой¹.

В истории освободительного движения в двух романских провинциях — Равенна и Форли — особое место занимает то время, когда большинство советских военнопленных бежало из лагеря, расположенного между Равенной и Червиа, и из Вероны и примкнуло к партизанам. Освободившись в июле — октябре 1943 года из плена и установив контакт с подпольными равеннскими кадрами Итальянской коммунистической партии, эти люди уходили в партизанские отряды, созданные коммунистами Равенны и Форли в гористых местностях Фаентино и Форливезе (батальон «Равенна», отряд «Корбари», группы «Сальваторе» и «Либеро»).

Они проявили себя в основном как прекрасные воины, но очень часто энтузиазм приводил их к такому поведению, которое итальянское командование без колебания определяло как недисциплинированность. Многие советские бойцы не понимали необходимости постоянных перемещений отрядов и не думали о том, чтобы замечать свои следы; они горели желанием нападать на гитлеровцев и бить их без передышки.

Из сотни советских партизан сохранились фамилии лишь сорока человек, но о судьбе и делах большинства их не удалось ничего узнать. Показательна в этом отношении история Георгия Престанкова, Ивана Денисова и Сергея Сорокина; рассказывая о ней, мы можем, по нашему мнению, судить об истории большинства «советских романцев».

Эти трое вместе с другими своими соотечественниками прибыли в 8-ю бригаду «Романья» 9 ноября 1943 года. Они действовали в рядах итальянских партизан в апеннинских зонах между Форли, Равенной и Тосканой. С ноября 1943 года по март 1944 бригада в численном отношении достигла внушительной силы, быть может, даже чрезмерной для формирования такого рода, которое к тому же не обладало еще опытом и

¹ См., в частности: L. Casadio, Un rifornimento di armi ad una brigata partigiana. «Comune di Cotignola 10 aprile 1945 — 10 aprile 1965, XX anniversario della liberazione. Cotignola Ricorda il suo martirio», Faenza, 1965, p. 37. (Л. Казаддио вспоминает о двух русских, участвовавших в партизанской деятельности в провинции Равенна.)

необходимыми связями. По этой причине нацисты смогли определить местонахождение бригады, и она подверглась жестокому нападению в начале весны 1944 года. В начале облавы советских граждан было там около 80, из них немногие остались в живых. Большинство погибло в бою¹. Многие вновь попали в плен и вторично оказались в лагерях. Из тех, кто избежал этой участи, одна часть восстановила контакт с партизанами апеннинских подразделений (батальон «Равенна», 8-я и 36-я бригады), другая спустилась в долину, откуда 6 месяцев назад бежала; благодаря прочным контактам с коммунистами она была принята теперь в группы патриотического действия (ГАП), действовавшие в долине. Эти группы очень гостеприимно приняли бойцов, имевших уже опыт борьбы в горах. Так 21 апреля 1944 года Престанков, Денисов и другие вошли в «личный состав ГАП 3-й и 4-й равеннских зон» (в последующем они станут отрядом «Риччи» 28-й гарибальдийской бригады «Марио Гордини») ².

Метод борьбы партизан ГАП в равеннской долине наверняка должен был удовлетворить «недисциплинированных» и «беспокойных» советских людей: там не нужно было терять время на то, чтобы заметить свои следы или перемещаться с одного места на другое. Каждую ночь они шли на боевую операцию против всех тех, кто проходил, а ходили ночью только итальянские фашисты и гитлеровцы. Убив или ранив врага, гаписты уходили и прятались в любом доме, ибо все крестьянские дома были для них надежными убежищами. Но пребывание Георгия и Ивана у равеннских партизан длилось только до 10 сентября 1944 года. В ту ночь гаписты взорвали в Массаломбарда немецкий склад с боеприпасами, и с рассветом свыше тысячи нацистов и 300 «республиканцев» начали крупную облаву, в ходе которой были задержаны семь «подозрительных» лиц. Их привезли в Болонью и там расстреляли. Денисов и Престанков были в их числе.

¹ О большом количестве форлийцев, павших в марте—апреле 1944 года, см.: A. Zanelli, *La guerra di liberazione nazionale e la resistenza nel forlivese*, Bologna, 1966, p. 168—321.

² Зоны ГАП провинции Равенна были закреплены за отрядами 19 июля 1944 года, но отряд «Риччи» возник только 22 сентября. Подтверждение этому см.: Istituto storico della Resistenza a Ravenna, op. cit., nota a, p. 91.

РОТА СОРОКИНА

Лейтенант Красной Армии Сергей Николаевич Сорокин, о котором мы уже упоминали, был взят в плен на Восточном фронте и направлен в лагерь для военнопленных, расположенный в окрестностях Вероны. Спустя некоторое время после побега, который произошел в конце августа 1943 года, он вместе со своими соотечественниками Денисовым, Престанковым и другими связался с партизанской и политической организацией в Лавеццола провинции Равенна. В ноябре 12 советских товарищей пришли в горный партизанский отряд и были включены в группу «Либеро».

В декабре после официального создания 8-й гарибальдийской бригады «Романья» находившиеся в ее подчинении партизанские части были реорганизованы в батальоны, роты и небольшие отряды, рассеянные в предгорных и горных зонах провинции Форли. Командиром одного из таких отрядов, состоявших из бывших советских и югославских пленных, а также чехословаков, назначили Сорокина, комиссаром стал итальянец Джулио.

Отряд был дислоцирован в Сант-Паоло-ин-Альпе; в район его действия входили Санта-София, Сан-Пьетро-ин-Баньо, Галеата, Библиена и другие населенные пункты.

В ноябре — декабре партизаны часто совершали налеты на гитлеровцев и итальянских фашистов, на казармы карабинеров в Санта-София, Галеата, Кузерколи, Рико, Мельдола и в других зонах. Последние повсеместно без сопротивления позволяли себя обезоруживать. Кое-кто тут же переходил на сторону партизан. Советские бойцы всегда принимали участие в этих операциях и особенно отличились в дерзком налете на казармы карабинеров в Сант-Пьетро, где взяли в плен 58 человек.

23 февраля 1944 года отряды 8-й бригады, заняв Галеата, крупный центр долины Биденте, напали на казарму полиции и карабинеров и захватили ее. Когда жители с радостью окружили партизан, фашист, спрятавшийся за казарму, бросил в толпу гранату. Сорокин попытался отбросить ее в сторону фашистов, прежде чем она успеет разорваться. Под действием детонатора

граната взорвалась у ног Сорокина, тяжело ранив его. Он был доставлен в ближайший городок и там оперирован доктором Джорджо Казалья. Затем его лечил доктор Джордано Нанни из Санта-София. За этот и другие мужественные поступки комиссар 8-й бригады «Романья» Антонио Карини¹ представил Сорокина к награде медалью За воинскую доблесть².

В последние недели марта борьба обострилась во всей провинции Форли. В горах, предгорьях и долинах партизаны перешли в наступление, наводя ужас и смерть среди врагов. Гитлеровцы и итальянские фашисты, обеспокоенные действиями партизан, которые освободили многие населенные пункты и перерезали главные коммуникации, соединявшие Романью с Тосканой, бросили в эти районы крупные контингенты войск, намереваясь уничтожить отряды патриотов. На горе Фрагетто произошло жестокое сражение, во время которого была уничтожена примерно сотня нацистов³.

В первых числах апреля гитлеровцы предприняли наступление силами двух дивизий: одна из них — «Герман Геринг» — была переброшена из Тосканы, другая — из Романьи. Гитлеровцев поддерживали многочисленные подразделения «республиканской гвардии». Партизаны закрепились на гребне горы, который тянется от Бизерно до Сан-Паоло, с твердым намерением отбить атаки противника. Славяно-русская группа под командованием Николая Черноуса в течение дня и ночи мужественно обороняла местечко Сан-Паоло, но вынуждена была оставить позиции. После безуспешной попытки связаться с командованием 8-й бригады, стремясь выйти из окружения, она пробралась к горному монастырю.

10 апреля нацистам удалось локализовать группу и стремительно атаковать ее. Советские бойцы оказали упорное сопротивление. Гитлеровцы вынуждены были отойти, оставив на поле боя много убитых и раненых. Советские партизаны, после того как у них кончились

¹ Зверски убит фашистами 16 марта 1944 года в Рокка-делла-Каминате.

² Документы, касающиеся представления С. Н. Сорокина к награде, утеряны вместе с другими документами бригады. (Из подтверждения Форлийского провинциального комитета АНПИ.)

³ A. Zanelli, op. cit., p. 45—46.

все боеприпасы, стали выходить из окружения и с помощью местного крестьянина добрались до Пьян-ди-Града.

Тем временем во всех горных секторах, где действовала 8-я бригада, вражеские атаки наталкивались на сопротивление гарибальдийцев, которые переходили в контратаки, обращая противника в бегство. После двадцатидневных схваток, вызванных нацистскими операциями по прочесыванию местности, обе стороны понесли значительные потери. Как уже упоминалось, среди убитых и раненых были и советские товарищи. Те же, кто после облав вновь установил контакт с 8-й гарибальдийской бригадой «Романья», создали под командованием Сорокина относительно самостоятельную роту, которая мужественно сражалась вплоть до освобождения Романьи.

Севернее, в провинции Болонья, погибло в бою более 20 советских партизан, двое умерли в британском военном госпитале № 59 (Болонья), куда их поместили в связи с тяжелым заболеванием, вызванным военной службой. Два советских воина, Аго Ошилингарян и Николай Харин, оказались в V английской армии, в рядах которой сражались против нацистов. В августе 1946 года их останки были перезахоронены на кладбище болонского монастыря.

В провинции Болонья в общей сложности сражались более 132 граждан СССР: около 40—в 36-й гарибальдийской бригаде «Бианкончини», действовавшей в зоне Имола, 60, а может быть больше,— в бригаде «Маттеотти-ди-Монтанья», свыше 40— в бригаде «Стелла Росса», действовавшей в зоне Камуньяно; другие группы, численность которых неизвестна, входили в 63-ю бригаду «Болеро», а также в другие подразделения и части, сражавшиеся в Болонье и в горах болонской провинции. Несмотря на розыски, сведений о всех погибших получить не удалось.

АНАТОЛИЙ АБРАМОВ И ДРУГИЕ ПАРТИЗАНЫ, ЗАМУЧЕННЫЕ В КАЗАЛЕККИО-ДИ-РЕНО

17 декабря 1944 года в Сан-Пьетро-ин-Казале при попытке прорваться к базе бригады погиб Анатолий Абрамов. Он был одним из советских военнопленных, кото-

рых немцы тащили за собой по всей Европе, доводя буквально до умопомешательства. В Сан-Пьетро-ин-Казале Анатолий находился при нацистском отряде и жил в сарае пенькозавода. Вскоре ему стало известно, что рядом находилась зона активного действия патриотов. Соблюдая необходимую осторожность, Абрамов установил контакт с оперировавшей там партизанской бригадой и в середине декабря 1944 года решил бежать, чтобы примкнуть к ней. Анатолий захватил с собой оружие и снаряжение как доказательство храбрости и честности своего намерения.

Это было 17 декабря, в первый свободный день, которого он давно уже ждал; все немцы были пьяны; Анатолий пробрался в склад с боеприпасами и взял там оружие и гранаты. Но один из охранников заметил Абрамова и поднял тревогу до того, как он вышел за ограду.

Судьба мужественного советского человека была предрешена. Он прекрасно знал, что его ждет, если живым попадет в руки немцев. Воин укрылся в яме и открыл огонь. Каждая автоматная очередь, каждая граната, обращенные на врагов, были расплатой за те унижения и страдания, которые гитлеровцы причинили ему и народам его родины. Когда патроны и гранаты кончились, Анатолий из своего последнего боевого окопа во весь голос по-русски запел «Интернационал». Продолжая петь, он готовил окружавшим его немцам сюрприз: сорвал предохранитель с последней гранаты и положил ее в карман своей красноармейской гимнастерки. Его мощный голос был слышен еще семь секунд, затем раздался взрыв и наступила тишина. Вокруг ямы вместе с разорванным в клочья телом Абрамова валялись трупы трех убитых и многих раненых гитлеровцев¹.

10 октября 1944 года в Казалеккио-ди-Рено немцы зверски уничтожили нескольких советских партизан, итальянских патриотов и одного костариканца. Теперь в саду, выходящем на улицу Порреттана, стоит утопающий в зелени памятник из белого камня. Он воздвигнут в честь жертв этой жестокой расправы, и на его лицевой стороне написано: «Борцам за свободу. Расстреля-

¹ «Al di que della Gengis Khan», Bologna, 1955, p. 106—109.

ны эсэсовцами на этой площади 10 X 1944 года». Далее следуют девять фамилий — пяти итальянцев, трех советских партизан и одного костариканца. Вместо имен и фамилий последних четверых, которые неизвестны, стоят цифры: 10, 11, 12, 13. По бокам памятника выгравированы фамилии погибших партизан и жителей Казалеккио. На его тыльной стороне написано: «Пали лучшие».

Эпизод, который завершился зверской расправой, начался на рассвете 8 октября 1944 года. После жестокого боя в Разилья, в ходе которого неприятель понес тяжелые потери, около 20 партизан попали в плен к немцам. 13 из них были привезены на площадь, где сейчас стоит памятник, и подверглись пыткам. Советские граждане и другие иностранцы, говорят свидетели, были раздеты, на них оставили только брюки и обувь (сохранившиеся фотографии мучеников подтверждают, что они были полуобнаженными), затем их зверски избили и привязали за шею колючей проволокой к деревьям и железной ограде. Сперва каратели стреляли в ступни, потом в колени и, наконец, в живот. Постепенно мученики слабели и, чем больше их тела оседали, тем глубже колючая проволока впивалась в горло, разрывая его. Это была страшная расправа. Она длилась несколько часов и в конце концов закончилась расстрелом партизан, находившихся в предсмертной агонии¹.

СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ БРИГАДЫ «СТЕЛЛА РОССА» И ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ КАРАТОНА

В бригаде «Стелла Росса» было несколько десятков советских партизан. Трое из них пали в боях: один, неизвестный, в Разилья, некий Николай в зоне Куманьяно и Каратон, офицер Красной Армии, в Кастельдеболе 29 октября 1944 года. Участие советских людей в «Стелла Росса» отмечено в двух документах бригады. В одном из них сказано: «19 августа 1944 года. На рассвете... многочисленные немецкие патрули, ведя разведку,

¹ Uomini e fatti della Resistenza nelle iscrizioni bolognesi, di Luigi Arbizzani, Piero Mondini, Luciano Sarti, «La brigata Pampurio», pagine e documenti della resistenza nel Bolognese, «La lotta», Corazza, 1963, p. 39—40.

продвинулись в зону действия 3-го отряда, возглавляемого Тито, который сразу же атаковал их и после примерно двухчасового боя отбросил на исходный рубеж. Около 15 часов неприятель, получив подкрепление в живой силе и технике, попытался еще раз предпринять наступление... После примерно двухчасовой схватки отряд отошел, нанеся противнику следующие потери: 15 убитых, в том числе командир, майор, уничтоженный русским партизаном Каратонем, и около 20 раненых»¹.

В донесении об атаке, предпринятой бригадой «Стелла Росса — Леоне» 29 сентября 1944 года, содержатся следующие строки: «Докладываю, что 40 русских пленных, недавно вступивших в наши ряды, четыре раза штурмовали высоту, занятую противником, и наконец с боем взяли ее. Их поднял и с возгласом «За Сталина!» повел в атаку командир группы девятнадцатилетний итальянец по имени Сгарджи из Молиnellы. В конце боя Сгарджи был ранен разрывной пулей. Однако ему удалось спастись... 10 октября 1944 года, Политический комиссар бригады Р...»².

В этом бою, который явился важным актом Сопротивления эсэсовцам, учинившим чудовищную расправу в Марцаботто³, участвовал «русский батальон», состоявший из 35—40 советских граждан и нескольких чехословаков, в разное время примкнувших к бригаде. В батальон входил учитель из Монцуно по прозвищу Мастак (он был из итальянского экспедиционного корпуса, направленного в СССР) и выполнял функции переводчика.

Каратон был родом из Бурятии, высокий, коренастый человек необычайной храбрости. 29 сентября 1944 года немцы вошли в Капрара и стали расправляться с мирным населением. «Русский батальон», засевший на горе Капрара, атаковал их. Советские партизаны пошли в атаку, ведя огонь с близкой дистанции. После ранения командира Сгарджи они еще долго вели бой под руко-

¹ Из ежемесячной сводки единого командования Эмилия-Романья, № 1, от 10 сентября 1944 года.

² Там же.

³ Кровавая расправа в Марцаботто началась 29 сентября и закончилась 5 октября 1944 года. Жертвами жестокости гитлеровцев оказались тогда 1830 мирных граждан.

водством Каратона. На следующий день Каратон и два-три его товарища уничтожили немецкий патруль в зоне, где произошла расправа¹.

После роспуска бригады «Стелла Росса» Каратон (вместе со своими товарищами) перешел в зону 63-й штурмовой гарибальдийской бригады, в рядах которой продолжал сражаться. Он был участником героического эпизода в Кастельдеболе. Командование 63-й гарибальдийской бригады — одной из наиболее активных партизанских частей болонских Апеннин, — видя, что бригада оказалась зажатой гитлеровцами и лишена возможности эффективно маневрировать в соответствии с директивами единого областного командования, приказало большинству бойцов пробраться через линии противника и при первой возможности связаться с англо-американскими войсками, перевооружиться, с тем чтобы продолжать борьбу на стороне союзников, внося тем самым свой вклад в освобождение Болоньи.

Чтобы выполнить эту задачу, командование бригады вместе с хорошо вооруженной группой в 20 человек (включая командный состав) 28 октября 1944 года направилось к Болонье с целью объединиться с патристическими силами, действовавшими в городе и на равнине. Путь этим храбрым бойцам преграждала полноводная река Рено. Они связались с партизанами 7-й бригады ГАП и решили форсировать реку ночью при помощи отряда подрывников (САП), который затем должен был провести группу в заранее установленное место, где она соединилась бы с партизанами из 7-й бригады ГАП.

По непредвиденным обстоятельствам в условленную ночь форсировать Рено не удалось. Рассвет 29 октября застал группу в окрестностях Кастельдеболе и заставил ее искать убежище в хижине. Предатель заметил партизан и сразу же сообщил немцам. Гарибальдийцы были окружены превосходящими силами противника, который предложил им сдаться. Отклонив с презрением мысль о переговорах и не обращая внимания на значи-

¹ Свидетельство Гастоне Сгарджи, который в течение нескольких месяцев командовал «русским батальоном». Сведения и свидетельства о советских партизанах в «Стелла Росса» подготовлены Луиджи Арбиццани.

тельное превосходство неприятеля в живой силе и технике, 20 борцов за свободу вступили в бой, длившийся около трех часов. Они сдерживали гитлеровцев и ожесточенно сражались до тех пор, пока не поредели неприятельские ряды и не пал с оружием в руках последний партизан.

Смертью храбрых погибли прекрасный боец за свободу командир бригады «Болеро», заместитель командира бригады политический комиссар Энрико и героический советский офицер Каратон. Более 30 немцев были убиты, многие ранены¹.

ГИБЕЛЬ ПАРТИЗАН БРИГАДЫ «МАТТЕОТТИ»

Три советских партизана, входившие в бригаду «Маттеотти-ди-Монтанья», которая действовала в провинции Болонья, погибли в Капуньяно и в Праккиа. Попав в плен в Харькове, они наряду с другими советскими воинами были привезены в Италию на принудительные работы. В феврале 1944 года вместе с 25 соотечественниками эти люди, разоружив немецкую охрану, оказались на свободе и под руководством Николая Трифонова² прибыли в партизанский отряд, находившийся в Монте-Кавалло.

Один из его бойцов, фамилия которого осталась неизвестной, погиб в окрестностях Праккиа 24 сентября 1944 года. В тот день командование бригады решило провести разведку боем. Задание было поручено патрульной группе, которая сразу же направилась к Монте-Кавалло. Войдя в соприкосновение с немцами, партизаны открыли сильный огонь. Были уничтожены 8 солдат, автомашины и военное снаряжение. Из партизан пал лишь один — неизвестный советский воин.

Два дня спустя, 26 сентября, советский отряд начал мужественную операцию, размах которой неожиданно привел к освобождению обширной зоны. Бойцы отряда, направленные в разведку в зону Кастеллучио, атаковали колонну эсэсовцев и обратили ее в бегство. Остав-

¹ Из сводки единого командования Эмилия-Романья за ноябрь 1944 года.

² Dal diario della brigata «Matteotti di Montagna», Bologna, p. 9, 12, 13, 17, 18, 49.

шись одни в поселке, партизаны не только прочно закрепились в нем, но и воспользовались сложившейся благоприятной обстановкой: они фактически заняли всю зону между Монте-Кавалло и Каstellучио. Захваченные врасплох немцы отступили в Лиццано, полагая, что им предстоит отражать двойную атаку — партизан и англо-американцев. Спohватившись, что перед ними только партизаны, гитлеровцы предприняли сильную контратаку в направлении Капуньяно, но были отбиты советским отрядом¹.

2 октября в окрестностях Капуньяно немецкий патруль открыл огонь по машине бригады «Маттеотти», которая ехала по дороге Каstellучио—Порретта; 2 советских бойца были тогда убиты, 4 других ранены. Оправившись от неожиданности, партизаны сразу же перешли в контрнаступление, заставив противника уйти за реку Силла и тащить на плечах нескольких раненых. Одного из советских товарищей, погибшего тогда, звали Алексей Киселев. Он родился в деревне Старый Стон, Климовецкой области (Белоруссия). Фамилия второго осталась неизвестной.

В 36-й БРИГАДЕ «БИАНКОНЧИНИ»

36-я гарибальдийская бригада «Бианкончини» возникла в апреле 1944 года по инициативе капитана Лоренцини (Либеро Лоссанти) и Эрнесто Венци. Она действовала в обширной зоне, расположенной южнее Болоньи и Имолы, между долинами Индиче, Сенио, Ламоне вплоть до перевалов Джого и Казалья. После гибели в мае Лоренцини, первого командира бригады, его заменил Луиджи Тинти — Боб, рабочий из Имолы, который сразу же проявил прекрасные военные способности. Политическим комиссаром был Гуидо Галанди — Моро.

После 8 сентября многим пленным, которых заставляли там работать на строительстве укреплений, удалось бежать и присоединиться к партизанам. В общей сложности в 36-ю гарибальдийскую бригаду входили около 70 иностранцев, из которых около 40 были советские

¹ N. S. Onofri, *I socialisti borghesi nella resistenza*, Bologna, 1965, p. 180.

граждане, остальные — преимущественно американцы и англичане. Советским воинам выдали оружие и включили в различные роты. Они участвовали во всех боевых действиях бригады, личный состав которой уже в июле превосходил 1200 человек. Бригада контролировала очень важные для немецких войск магистрали Монтанара, Казолана и Фаентина, которые соединяют соответственно Флоренцию с Имолой, Кастьельболоньезе с Фаенца, и занимала, хотя и не все время, населенные центры Палаццоло-на-Сенио, Марради, Кастьель-дель-Рио, Тоссиньяно и другие. В этой жизненно важной зоне борьба шла без передышки¹. Первую крупную операцию по прочесыванию местности нацисты начали 25 и продолжали до 31 мая. Но они не смогли обнаружить партизан, которые, уступая врагу в численности и оружии, быстро перебазировались в Гурцолано и Поджо-делло-Антелло. Операция прошла удачно и с небольшими потерями. Советский партизан Богучев и итальянец Пирри спасли документы и кассу бригады². В числе раненых был один гражданин СССР, известный под боевой кличкой Иван.

БИТВА ПРИ КА-ДИ-ГУЦЦО

В сентябре 1944 года в преддверии наступления союзников в долине По 36-я бригада получила приказ приготовиться к вступлению в города Фаенца, Имола и Болонья. Она была разбита на четыре батальона, по пять рот в каждом, которые сразу же приняли участие в военных операциях с целью облегчить наступление союзников.

Это наступление, сметая отчаянное сопротивление у «Готической линии» и преодолев неприступные горы и почти непроходимые перевалы, неожиданно остановилось 22 сентября у подножия гор как раз в тот момент, когда немецкие войска отступали на всех фронтах³, что создало немало трудностей для партизан, действовавших в указанной зоне. 36-я бригада «Бианкончини»

¹ P. Secchia e C. Moscatelli, op. cit., p. 805.

² Marcella e Nasario Gallassi, Resistenza e 36^a Garibaldi, Roma, 1957, p. 240—242.

³ P. Secchia e C. Moscatelli, op. cit., p. 806.

была вынуждена разделиться на две части: одна после упорных боев с немцами соединилась с союзниками, другая — около 100 человек — после неудачной попытки соединиться с первым батальоном должна была переместиться в Казони-ди-Романья и оказать сопротивление сильному натиску гитлеровцев и итальянских фашистов, подтянувших тем временем новые силы.

Бойцы роты Гуеррино де Джованни, в которую входило и несколько советских товарищей, 26 сентября обосновались в Ка-ди-Гуццо, в высокогорной долине Силларо. Именно в этом местечке 27—28 сентября 1944 года произошел один из самых блистательных эпизодов партизанской борьбы¹.

Потерпев поражение в Монте-Ла-Фине, гитлеровцы отошли на север, пытаясь сохранить боевые порядки своих подразделений. Часть их состояла из эсэсовцев и парашютистов, которых в экстренных случаях посылали на передовые рубежи. Авангард смешанного батальона эсэсовцев и парашютистов достиг к полночи 27 сентября Ка-ди-Гуццо, где и натолкнулся на охранение партизан.

Сопротивление патриотов продолжалось двое суток. Как писал позднее Луиджи Бергонцини, «это было больше чем мужество, чем героизм, больше чем дух самопожертвования отдельных людей, это было сознание правоты дела, за которое мы боролись и которое все больше окрыляло нас по мере того, как чувствовалось приближение финала. В Ка-ди-Гуццо никто не предложил поднять белый флаг, даже в минуту наибольшего отчаяния, когда не оставалось иного выбора, кроме смерти»². В ходе этого сражения партизаны потеряли половину личного состава: из приблизительно 50 человек, участвовавших в сражении, погибло 24. Значительно большими были потери немцев, оставивших на поле боя свыше 140 убитых и несколько десятков раненых.

В благородной попытке прикрыть отход оставшихся в живых партизан погиб сраженный пулеметной очередью мужественный советский партизан, известный под именем Миша. Другой советский воин, которого звали

¹ L. Bergonzini, *Quelli che non si arresero*, Roma, 1957, p. 216 sgg.

² *Ibid.*, p. 222.

Коля, вместе с четырьмя итальянскими партизанами был зверски убит нацистами. Они разбили ему голову прикладом, когда заметили на его берете красную звезду с серпом и молотом¹.

Ряды партизан, оставшихся в живых после битвы в Ка-ди-Гуццо, еще больше поредели в схватках, предшествовавших освобождению провинции Болонья. Двое советских бойцов — Николай и Михаил — погибли 11 октября в Пурочielo, в бою, прикрывавшем отход командования бригады. За день до этого в Ка-ди-Маланка пали Сергей и Георгий, которые, как и многие другие их соотечественники, остались неизвестными. Документы бригады были потеряны на горе Батталья во время ожесточенных сражений за нее 26—30 октября.

Александр Борисович Геоев — один из немногих советских партизан 36-й бригады, точные сведения о котором удалось узнать после того, как он побывал в тех местах, где сражался. Геоев выразил глубокое сожаление, что «не знает фамилий и адресов своих соотечественников, похороненных рядом с итальянскими партизанами 36-й бригады. Есть раны, — сказал Геоев, — которые не заживают всю жизнь. Нельзя забыть ни одного из мрачных дней войны. Тем более нельзя забыть тех, кто оплакивает погибших. Грустно, конечно, что не можешь сказать им для утешения, для поддержки, что неизвестный партизан, будь то Миша, Микеле, Иван, павший смертью храбрых в городах или горах Италии, был их сыном, отцом, мужем».

До прибытия в тоскано-эмилианские Апеннины Александр Геоев прошел большой путь. Лейтенант Красной Армии, он в августе 1942 года был тяжело ранен под Сталинградом, попал в плен к немцам и прошел через гитлеровские лагеря в Миллерово, Старобельске, Харькове и под Киевом. В ноябре 1943 года Геоева привезли в Италию и бросили в лагерь для военнопленных в Монтерико в окрестностях Имолы, откуда в мае 1944 года при помощи итальянских патриотов ему удалось бежать и примкнуть к партизанам 36-й бригады. Внача-

¹ Ibid., p. 227—229. Marcella e Nasario Galassi, op. cit., p. 380. Вместе с Колей были убиты Фальеро Форначиари из Реджо-Эмилии и рабочие из школы Лучиано Каламелли, Антонио Мирри и Джузеппе Курти.

ле он был зачислен в роту Карло Николи (Карло), затем в сентябре в роту Фаусто Ферлини (Фаусто), где стал командиром подразделения и военным советником. Геоев участвовал во всех боевых операциях, отличившись в стремительной атаке против немцев в Рифреди, местечке на пути из Флоренции в Имолу, близ перевала Джого, в боях за Бастиа, на горе Гурцолано, Карневале, Батталья, во многих партизанских налетах, совершенных вдоль апеннинской дороги, в ближайшем тылу «Готической линии». Его поведение было образцовым и доказало, что он обладал выдающимися качествами военного техника и воина. Это позволило роте Фаусто провести жестокие бои с наименьшими потерями в живой силе и технике¹.

В рядах 36-й бригады воевал также Николай Орлов. Он бежал из лагеря военнопленных, расположенного вблизи «Готической линии», вместе с другими соотечественниками, среди которых был Вдовин из Куйбышевской области и один пожилой солдат из той же области. Фамилия его, кажется, Коронин².

150 СОВЕТСКИХ БОЙЦОВ В ПРОВИНЦИИ РЕДЖО-ЭМИЛИЯ

В провинции Реджо-Эмилия насчитывалось около 150 советских бойцов, из которых 10 погибли в боях, 8 были ранены и двое вновь попали в плен к немцам.

В реджоанских Апеннинах действовало подразделение советских партизан, специализировавшихся на диверсиях,— группа подрывников «Кане адзуро». Эта небольшая боевая единица создавалась в провинции Модена летом 1944 года. Первоначально в нее входило всего пять или шесть человек. В день освобождения она насчитывала около 20 бойцов. С сентября 1944 года до конца войны подрывники находились в почти недоступном уголке реджоанских Апеннин, точнее в Пресс-Альта-ди-Лигонкио. Под руководством И. Ефремова бойцы «Кане адзуро», несмотря на ограниченные возможности,

¹ Свидетельство Фаусто Ферлини, командира 6-й роты 36-й гарибальдийской бригады «Бьянкончини».

² Giovanni Serbandini (Bini), Nikolai Orlov e la Brig. Garibaldi, «Realtà sovietica», № 3, marzo 1959.

создавали различного типа мины, а затем подкладывали их на дорогах, расположенных между «Готической линией» и Паданской низменностью. В подрыве мостов или в установке мин на дорогах, по которым часто проходили немецкие военные транспорты, им помогали или прикрывали их отряды итальянских партизан. Группа действовала и по собственной инициативе, но в большинстве случаев по требованию итальянского командования. Наиболее распространенной была мина ударного действия в массивном кожухе. Она эффективно применялась как против живой силы противника, так и против его подвижных средств.

Из документов, характеризующих оперативную деятельность отряда, следует, что бойцы «Кане адзуро» с 1 октября 1944 года по 24 апреля 1945 года участвовали в провинции Реджо-Эмилия в 54 операциях, нанеся противнику следующие потери: 55 убитых, 66 раненых, 23 армейские повозки, 1 пушка, 2 мотоцикла, 3 повозки с боеприпасами; они повредили 3 телефонные линии, 2 дороги, взорвали 7 мостов¹. Из советских партизан группы «Кане адзуро» погибли: Николай Андреевич Рекунов, 1924 года рождения, проживавший до войны в Орле в доме № 15 по Комсомольской улице. Он пал в Пресс-Альта-ди-Лигонкио 1 ноября 1944 года; 4 апреля 1945 года на перевале Прадарена-ди-Лигонкио погиб советский воин по имени Иван, фамилия которого была, вероятно, Исайченко; 5 мая 1945 года фашистские стрелки убили в Реджо-Эмилии советского партизана, известного по имени Виктор².

В долине действовало около десяти советских партизан, которые из-за слабого знания итальянского языка и необходимости действовать конспиративно не создали самостоятельного отряда, а входили в отряды САП. Двое из них погибли при трагических обстоятельствах. В ходе большой операции по прочесыванию местности отряд «Альдо», который принадлежал к 77-й бригаде САП, ночью 15 апреля 1945 года, вероятно по доносу,

¹ G. Franzini, *Storia della Resistenza reggiana*, Reggio-Emilia. 1966, p. 856.

² Возможно, речь идет о Константине Келиховском, который был взят немцами в плен 29 сентября 1941 года близ Ленинграда. Он пришел в партизанский отряд 19 ноября 1944 года.

был застигнут противником врасплох. Бойцы спали в отдельно стоявшем деревенском доме. Всех их схватили и расстреляли в Роло. Среди погибших были Иван Михайлов и Николай Мироненко.

НЕКОТОРЫЕ КРУПНЫЕ БОЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ

В поселке Боттеге общины Альбинеа, что в нескольких километрах от Реджо-Эмилии, располагался V отдел главного командования германских войск в Италии — важнейший военный руководящий орган, имевший картографическое отделение, телефонный узел, связанный прямым проводом с Берлином, и дом для офицеров вермахта.

Английские парашютисты, итальянские гарибальдийцы и примерно 40 советских партизан специально спустились с гор и, совершив марш-бросок в несколько десятков километров, рано утром 27 марта 1945 года совершили неожиданный налет на этот отдел. Одной из задач советских партизан было прикрытие атакующих групп всеми огневыми средствами. Результаты операции оказались блестящими: несколько десятков немцев было убито, две виллы, где располагалось командование, подожжены. То, что осталось от отдела, срочно перевели в другую зону, но до конца войны он так же и не смог выполнять свои функции.

В ночь на 1 апреля крупные силы гитлеровцев неожиданно обрушились на партизан, находившихся у реки Секкиа, рядом с зоной, занятой горными подразделениями. Противник вклинился в оборонительные позиции патриотов и продвинулся на несколько километров вглубь. На следующее утро гарибальдийцы приостановили продвижение гитлеровцев у Ка-Марастони. Для того чтобы отбросить их, нужны были свежие силы. В составе прибывшего в полдень подкрепления было и несколько десятков бойцов из «русской роты» «Союзного батальона». Несмотря на усталость от перехода из Боттеге-ди-Альбинеа, они с воодушевлением сражались и явились основными организаторами и вдохновителями победы. После необходимой минометно-автоматной подготовки русские и итальянцы ринулись в атаку, стремительно овладели высотой, которую удерживал неприятель, и обратили его в паническое бегство. К вечеру

партизанская зона была полностью очищена от захватчиков.

10 апреля 1945 года перед партизанами «русской роты» «Союзного батальона» была поставлена задача — уничтожить вражеский гарнизон в Лама-Моконьо (Модена). На небольшом удалении от цели они неожиданно натолкнулись на многочисленные силы немцев. Завязался бой, длившийся весь день. Во второй его половине на помощь русским пришли моденские партизаны. Гитлеровцы оставили на поле боя 37 убитых и около 80 раненых. 4 мула были подстрелены, 20 других с большим количеством снаряжения и боеприпасов захвачены партизанами. В этом бою погибли в Кадиньяно лейтенант Григорий Камельков и неизвестный советский товарищ, четверо других советских бойцов были ранены. После ряда операций против противника на дороге Джардини советские воины 21 апреля уничтожили фашистский гарнизон в Лама-Моконьо, взяв 20 человек в плен и захватив различное военное снаряжение.

Действия советских партизан, воевавших в провинциях Модена и Реджо-Эмилия, доставляли много хлопот гитлеровцам и итальянским фашистам. Они прибегали ко всякого рода уловкам, включая и засылку к партизанам полицейских агентов не только для сбора информации о их численности и боевых планах, но и для уничтожения «русского капитана»¹.

«РУССКИЙ БАТАЛЬОН» В ПРОВИНЦИИ МОДЕНА

Провинция Модена, расположенная на север от тоскано-эмильянских Апеннин, во время войны оказалась в особом положении. Через нее проходит магистраль Бреннеро — Абетоне, которая служила немцам для сна-

¹ Секретным письмом от 20.IV.1945 года командование «Союзного батальона» сообщило всем ротам следующую информацию, поступившую из зоны «А» за номером 23: «16 агентам Миланской квестуры (полицейское управление) удалось, предъявив партизанские билеты и выдав себя за партизан, вступить в наши ряды. Они ожидают своего шефа, некоего инженера по имени Чити. Их цель — убить русского капитана, который действует в наших рядах, и собрать информацию о нашем вооружении, количественном составе и планах. Необходимо подготовить операцию по их захвату так, чтобы никто из них не смог вернуться в город».

бжения их войск в центральной части Северной Италии; там находится железнодорожный узел Модена — Верона, интенсивно использовавшийся в военных целях, и именно там с июня 1944 года по весну 1945 года с большим размахом велись военные действия.

Учитывая географическое и стратегическое положение Модены, фашисты до 8 сентября 1943 года размещали там несколько лагерей, где содержалось около 5 тысяч военнопленных из союзных войск и много итальянских антифашистов. Лагерь № 47 возник в окрестностях города, а № 75 был расположен в Фоссоли в общине Карпи.

В эти два лагеря поместили не мало и советских пленных. Но часть их была размещена в других местах провинции Модена, в частности в общине Сассуоло. Сразу же после 8 сентября некоторые из них бежали, укрылись в различных поселках и примкнули к первым партизанским отрядам¹. Собрать какие-либо сведения об этих советских людях оказалось невозможным. Итальянцы, приютившие их, а затем и боевые друзья ограничивались тем, что называли их именами на итальянский манер или боевыми кличками. После освобождения многие вернулись на родину, не оставив о себе сведений.

Это первое ядро советских людей участвовало в начале 1944 года в боевых действиях в Чинкуэчери, на реджоанской территории, граничащей с моденской провинцией, в Апеннинах², в операции во Фрассиноре 20 января того же года, в ходе которой была штурмом взята казарма карабинеров и сожжены списки призывников³. В середине марта они участвовали в налете на три грузовика с фашистами в Монтемолино, которые должны были усилить немецкие части, проводившие прочесывание местности в этой зоне⁴. Большинство советских граждан объединились в последующем в одно подразделение: «мобильный русский батальон», называвшийся также «русским ударным батальоном». В него

¹ A. Benedetti, *Paura all'alba*, Milano, 1965, p. 66.

² G. Franzini, *op. cit.*, p. 830.

³ E. Gorrieri, *Storia della Repubblica di Montefionino*, Bologna, 1966, p. 119.

⁴ Свидетельство Адельмо Беллелли, комиссара дивизии «Модена».

входило около 100 русских, несколько итальянцев¹, отряд чехословаков, отряд югославов, два англичанина, один австриец и один негр. В общей сложности около 150 человек. Их командиром стал Владимир Переладов, его заместителем — Николай Черноус, пришедший из партизанских подразделений, действовавших в провинции Форли, комиссаром — Андрей. «В действительности, — вспоминает Переладов, — это был интернациональный отряд, но все были согласны назвать его «русский батальон», поскольку советских воинов было большинство».

Батальон окреп весной 1944 года, когда в горы пришел Переладов. Он сплотил своих соотечественников и провел широкую пропагандистскую работу среди военнопленных, работавших на принудительных работах в Куаттро-Панти-ди-Браида в общине Сассуоло. В листовке, которая служила пропуском советским пленным в партизанскую зону в моденско-реджоанских Апеннинах, Переладов писал: «Товарищи военнопленные! Недалеко от вас, в горах, действуют крупные партизанские силы, которые успешно бьют оккупантов: германских фашистов и итальянских чернорубашечников. Я также был пленным, бежал и сейчас с оружием в руках примкнул к борьбе, чтобы уничтожать немецко-фашистские банды. Товарищи военнопленные! Следуйте моему примеру, бегите и принимайте активное участие в борьбе за наше правое дело. Сражаясь с оружием в руках, вы сотрете пятно плена и со спокойной совестью вернетесь на Родину. Она не забудет тех, кто совершил побег из плена, вновь взял оружие и продолжал борьбу за общее дело. С этой листовкой итальянские патриоты отведут вас в горы. Смелее решайтесь и приходите к партизанам».

Побег из плена был сопряжен с неизвестностью, большими опасностями, несмотря на то что население, возмущенное немецкой оккупацией и деспотизмом фашистов, не щадя себя, помогало тем, кому удавалось бежать. Гитлеровцы, понимавшие это, обещали большие денежные вознаграждения тем, кто предупредит о побеге или выдаст беглецов. Тех, кто помогал военнопленным бежать, ожидала смертная казнь. «Газетта дель

¹ Освальдо Кло, Пулега, Карло Прандини и другие болонские патриоты.

Эмилия» периодически публиковала сообщения об арестах бежавших из лагеря, а также об арестах граждан, которые оказывали им помощь. Двое из них были расстреляны¹. Эта же газета сообщала, что 18 декабря 1944 года «в Кавеццо бойцы 73-го легиона национальной республиканской гвардии из Мирандолы арестовали бежавшего майора». В лучшем положении были советские пленные в Вилла-Бранда, поскольку они могли рассчитывать на эффективную помощь организации итальянских патриотов и своих соотечественников.

Советское подразделение проявило стойкий боевой дух в сражении за «свободную зону Монтефиорино». 18 июня 1944 года к концу 4-го дня упорных боев партизаны заняли деревни Полинаго, Тоано, Вилла-Миоццо, Приньяно-суль-Секкиа, Фрассиноро и Лигонкио. После взятия этих шести крупных общин партизаны решили штурмовать гарнизон Монтефиорино, где враги закрепились на скале в средневековом замке, против которого малоэффективны были и пушки. Осада длилась три дня. Подача электроэнергии и воды была прекращена. Многие фашисты во главе с командиром гарнизона позорно бежали. В замке оставалось около 100 чернорубашечников, надеявшихся на подкрепление из Модены. На каждое предложение сдаться они отвечали огнем. Русские попросили у командования дивизии «Модена», в непосредственном подчинении которого находились, разрешения выбить противника.

«На рассвете четвертого дня,— вспоминает Переладов,— когда фашисты менее всего этого ожидали, мы окружили замок и приступили к штурму. Я расположил бойцов так, чтобы каждый мог держать под обстрелом окно. Когда по моему сигналу партизаны открыли огонь, фашисты уже не могли ответить. Тем временем штурмовая группа с криком «ура» бросилась в атаку. Наши достигли «мертвой зоны», кому-то удалось проникнуть в замок и открыть ворота. Ошеломленные фашисты увидели, что русские были повсюду: снаружи, под стенами, внутри и во дворике замка. Не осмеливаясь идти напролом, они прекратили сопротивление и попросили пощады. Многие были взяты в плен». После этого штурма и

¹ «Gazzetta dell'Emilia», 18—21—22 dicembre 1943, e 6, 8, 11, 21, 27 gennaio 1944.

образования свободной Республики Монтефиорино командование дивизии, как говорилось выше, создало «русский батальон».

Тогда же дивизионное командование попросило «русский батальон» выделить в его распоряжение советских партизан — специалистов саперного дела. Нужны были подрывники для взрыва коммуникаций и мостов, чтобы не допустить подхода противника, изолировать и защитить «свободную зону». Отряд подрывников под командованием советского инженера, которого звали Иван-минер, устанавливал на подступах к партизанской республике сделанные им же противотанковые мины, подрывал мосты и дороги. Но батальон был создан главным образом для того, чтобы сражаться, и он дал новое доказательство своей боеспособности в сражении в Пианделлаготти 5 июля 1944 года. В конце июня немцы заняли это местечко, легко сломив сопротивление местных партизан, которые потеряли 8 человек. Затем фашисты убили пять мирных жителей, в том числе мальчика 12 лет. Не довольствуясь этим, они повесили на площади Черретто четырех партизан, взятых ими в плен¹.

Считая, что зона уже «умиротворена», немецкие войска 5 июля появились в Пианделлаготти. Но на этот раз дело приняло иной оборот, хотя арест и высылка во Флоренцию священника Элио Монари и капитана Феличани, которых затем зверски убили, и потрясли партизан. О сражении в Пианделлаготти Освальдо Кло пишет: «Мы, бойцы советского батальона, находились в Монтефиорино в качестве резерва... Узнав, что немцы вновь расправляются с населением Пианделлаготти, мы вскочили в грузовики и двинулись в путь. Пожарища, поднимающиеся к небу, служили нам ориентиром... Владимир распорядился разведать местность и каждому из нас указал свое место. Мы оставались в ожидании его сигнала около стены, которая поддерживала нависавшую над поселком скалу. Выстрел из пистолета явился сигналом к атаке. Советские бойцы бросились вперед с их военным кличем, страшным и в то же время воодушевляющим. Это был клич, прогремевший как взрыв в тишине Апеннин, прокатившийся как несмолкаемый гром,

¹ I. Vaccari, Gli impiccati della cerretta, «Rassegna di Istituto storico della Resistenza modenese», 1961, p. 81.

который, казалось, исходил из пещер... Батальон как лавина обрушился на немцев, обращая их в бегство»¹.

После победы в этом бою батальону предстояло не допустить восстановления очень важного моста, который соединял дорогу из Пианделаготти с дорогой на Пиевепелаго, где располагалось германское командование моденско-апеннинской зоны. Ремонтные работы заставили выполнять группу женщин из Сант-Анна-Пелаго, приходского священника Карло Берселли и двух пожилых мужчин. Восстановление моста было для немцев настолько важно, что эту небольшую группу импровизированных и малопригодных саперов защищало сильное подразделение немецких солдат, снабженных пушками, пулеметами и броневиком. Налет партизан оказался для немцев неожиданным. Но те все же открыли ответный огонь.

Об этой операции священник дон Карло Берселли пишет: «Наши невидимые и страшные друзья (русские) сразу же предупредили нас: они стреляли поверх нас, старались дать нам возможность бежать и таким образом освободить поле для ведения боя, для несомненной победы»².

Поражение в Пианделаготти настолько обеспокоило немцев, что побудило их предложить перемирие. Майор вермахта Лакан, который действовал от имени генерала Мессерле, предложил «полное прекращение германскими войсками репрессий в отношении гражданского населения, временное прекращение прочесываний партизанских зон, массовое освобождение заложников, находившихся в немецких казармах зоны». Взамен генерал Мессерле просил «отпустить всех немецких пленных и прекратить репрессии как против тех, кто работал на них, так и против членов их семей»³. Предложение было отвергнуто. Усиленные действия гитлеровцев и итальянских фашистов, направленные на обеспечение прохода в Тоскану через перевал Радичи, контролируемый партизанами Армандо (Марио Риччи), не заставили себя долго ждать. В конце июля произошла битва за Монтефиорино.

¹ «Al di qua della Gengis Khan, cit., p. 26.

² C. Berselli, *Il mio diario di guerra*, Rovigo, 1947, p. 18—19.

³ E. Gorreri, *op. cit.*, p. 401.

ГЕРОИЗМ В МОНТЕФИОРИНО

На рассвете 29 июля гитлеровцы и итальянские фашисты обрушили на расположение партизан Республики Монтефиорино шквал огня и железа. Партизанские отряды защищали обширную зону площадью 30 на 40 км, которая охватывала семь общин: на юге они занимали перевал Форбичи, на севере — Ротелла, на протяжении около 40 км — магистраль № 12, Бреннеро-Абетоне на востоке и дорогу № 66 из Черретто на западе. Партизанские части, насчитывавшие около 6 тыс. человек, дислоцировались в наиболее важных секторах. Только несколько отрядов осталось в распоряжении дивизионного командования, в том числе и «русский батальон». Внутренние воинские части противника силой до 6—8 тысяч солдат каждая двинулась на Монтефиорино с шести направлений. Для удобства действий они были сведены в несколько колонн, снабженных танками, броневиками, огнеметами и артиллерией, которые поддерживали их продвижение. Бойцы Армадо сражались храбро. И в этом бою очень ценным был вклад советских воинов. Выполняя приказ командования группы дивизий, они вышли на склоны горы Фалó, чтобы попытаться остановить движение вражеской колонны из Баизо.

Фалó находилась за позициями, частично оставленными отрядами 2-й дивизии, переброшенными в долину Россенна, где им предстояло отвлечь противника и заманить в ловушку.

Вершина этой горы лишена растительности, а подножие покрыто лесом. После тяжелого марш-броска советские партизаны достигли вершины и завязали там жестокий бой с крупным вражеским авангардом, насчитывавшим свыше тысячи солдат. В результате этого боя ни один гитлеровец из передовых подразделений нацистов не смог спастись. Остальные, преследуемые партизанами, беспорядочно бежали. Часть их была отброшена на гору Валлестра западнее Фалó, а остальные, составлявшие главные силы колонны, — к Боргнуово на восточные склоны горы Чередоло¹.

Успех, одержанный бойцами «русского батальона», вдохновил весь партизанский фронт, который беспощад-

¹ S. De Michelli, *Giorni di fuoco*, Roma, 1955, p. 195.

но бил противника. «Русский батальон» вместе со штурмовыми группами моденских партизан перебрасывали в другие секторы, где шли тяжелые бои: в Куара, Вилла-Миоццо, Чередоло. Он мужественно и умело выполнял поставленные перед ним задачи, сдерживая наступление вражеских войск. Борьба в защиту свободной Республики Монтефиорино длилась четыре дня. Исчерпав боеприпасы, партизаны вынуждены были отступить, чтобы избежать разгрома превосходящими силами противника.

В ночь с 1 на 2 августа «русский батальон» передислоцировался в Боккасуоло и занял позиции на горе Кантьере на высоте 1618 м. Утром 2 августа Переладов организовал оборону батальона и выдвинул несколько разведывательных дозоров. Один из них, находившийся восточнее Кантьере, заметил колонну гитлеровцев, продвигавшихся к вершине горы, другой дозор, действовавший в северном направлении, обнаружил в близлежащем центре Палагано колонну партизан, которая отходила к востоку, намереваясь пересечь дорогу Джардини, то есть магистраль № 12. Получив донесение дозорных, Переладов приказал разведчикам во главе с Анатолием Тарасовым догнать итальянских партизан, предупредить их о движении немецкой колонны и сообщить им дислокацию советских партизан на горе Кантьере. Тарасову не удалось связаться с итальянскими партизанами. Столкнувшись с другой вражеской колонной, разведчики завязали с ней бой. Гитлеровцы стремились пробиться между дозором Тарасова и главными силами батальона, чтобы с тыла ударить по обороне советских партизан. Тарасов, разгадав маневр, отступил и присоединился к батальону, который тем временем переместился на другое место.

Теперь советские партизаны практически оказались разделенными на три группы: одной командовал Переладов, другой — Анатолий Тарасов, третьей — Николай Черноус. Все эти группы спустились с Кантьере тремя путями: Переладову после нескольких схваток с немцами удалось соединиться, как предписывал приказ, с командованием дивизии в Роккетта-ди-Фанано; Тарасов со своими бойцами, к которым примкнули несколько итальянских партизан, в ночь с 2 на 3 августа присоединился к бригаде «Грамши», которой командовал

Фульмине (Отелло Кавальери); Николай Черноус, не имея возможности следовать за своими товарищами, вынужден был отступить на юго-запад. Он форсировал реку Доло, прошел населенный пункт Фонтаналуччия близ общины Фрассиноро и в ночь на 2 августа дошел до перевала Форбичи. Здесь его бойцы участвовали в крупном сражении, поддерживая бригаду «Стелла Росса» и не допустив ее разгрома немцами.

20 августа все три группы соединились и были включены в гарибальдийскую бригаду «Грамши», действовавшую в зоне Санта-Джулиа. Батальон реорганизовали, создав в нем два подразделения: одно возглавил Николай Черноус, другое — Иван Суслов из Омска. Командиром батальона был вновь утвержден Владимир Переладов.

В октябре батальон перешел в подчинение гарибальдийской бригады «Костриньяно», возглавлявшейся Филиппо (Филиппо Папа). 2 ноября почти все советские партизаны последовали за своей бригадой, которая по желанию командиров перешла линию фронта, чтобы сражаться бок о бок с войсками союзника. Несколько человек остались в тылу нацистов и вплоть до победы продолжали воевать в отрядах «Армандо».

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

Приведем несколько важных высказываний о доблестных делах бойцов «русского батальона». Первое и наиболее характерное из них принадлежит командиру «Армандо»: «Русский батальон» внес ценный вклад в победу над германскими и итальянскими фашистами в нашей провинции». Комиссар Луиджи Бенедетти (Секондо) заявил: «Советские партизаны даже в самые трудные минуты были примером дисциплины, доблести и сознания ответственности». Норма Барболини пишет: «Все помнят Владимира и его батальон... Он всегда был очень приветлив с бойцами, но при исполнении служебных обязанностей поддерживал железную дисциплину».

Командир католических подразделений Горриери (Клаудио), отмечая, что коммунисты, восторженно относившиеся к советским бойцам, видели их даже там, где их не было, в то же время откровенно признает, что

«советский батальон был одним из самых дисциплинированных и храбрых батальонов партизанской республики»¹. Дон Доменико Орландини, партизанский священник, характеризует русских как очень доблестных бойцов. Дон Альберто Дзанароли, в то время приходский священник в Фернете, вспоминая батальон и его командира, заявляет, что хранит о них наилучшие воспоминания, и подчеркивает их великодушие. Он говорит: «Когда русские узнали, что дон Элио Монари был взят немцами в плен в Пианделлаготти, они, не колеблясь, сразу же после двух боев вернулись к нам, чтобы освободить его. Но было уже поздно».

Президент Института истории Сопротивления в провинции Модена д-р Эннио Пеккиони утверждает, что узнал от священника Элио о невероятной храбрости русского партизана, который лежал на дороге вел огонь без перерыва и так отважно, что это граничило с дерзостью. Дон Элио очень восхищался им².

Русских партизан помнит также монахиня Имельде Рануччи. В мае 1944 года она записала в свой дневник: «Все партизаны в отношении нас очень любезны. Они никогда нас не тревожили, часто помогали нам. Теперь среди них много русских». Позднее, в середине июля, говоря о свободной зоне Монтефиорино, она отметила: «Что творится в Монтефиорино!.. Сколько вооруженных людей, причем различных национальностей. Преобладают русские: примерно 70 храбрецов наводят ужас на немцев».

СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ В ОТРЯДАХ СЕВЕРНОЙ ЭМИЛИИ

В провинциях Парма и Пьяченца, расположенных к северу от Эмилии, в вооруженной борьбе против гитлеровцев и итальянских фашистов приняли участие свыше 380 советских граждан. Летом 1944 года советским пленным, которых немцы использовали в Парме как вспомогательную силу для перевозки материалов и на других работах, удалось установить контакт с под-

¹ F. Goggièri, op. cit., p. 373.

² Из неизданных трудов Ильва Ваккари, откуда взяты некоторые сведения, касающиеся провинции Модена.

польной организацией города и согласовать с ней побег. Они уходили к партизанам группами по 50—60 человек, почти всегда полностью вооруженные. Около 170 советских воинов входили в состав 2-й бригады «Беретта», альпийской дивизии «Пополо-Чиза», 23 — в 3-ю бригаду «Беретта», 16 — в 3-ю бригаду «Джулия» альпийской гарибальдийской дивизии «Оттавио Риччи», 21 — в 143-ю гарибальдийскую бригаду «Пабло» дивизии «Оттавио Риччи». 19 входило в состав альпийской гарибальдийской дивизии «Валь Нуре», в том числе 5 в бригаду «Санте-Барбагатто», столько же в 135-ю гарибальдийскую бригаду «Коппелли».

В общей сложности в рядах движения Сопротивления провинции Парма сражались около 250 советских партизан. Почти все их имена и фамилии удалось установить. Из значительных эпизодов, в которых они участвовали, приведем лишь один, имевший место в Лезиньяно-Баньи. 22 ноября 1944 года в этом населенном пункте, расположенном на расстоянии примерно 25 км от Пармы, отряд 3-й бригады «Юлиа-Артани» неожиданно натолкнулся на крупные силы неприятеля. Отступить было некуда, создалось отчаянное положение. Над отрядом нависла угроза полного уничтожения. Оценив серьезность обстановки, один из советских партизан с открытой позиции повел пулеметный огонь по врагу. После того как пуля сразила его насмерть, место у легкого пулемета занял другой русский, которого затем сменил третий. Когда и тот был убит, пулемет подхватил четвертый русский. Он неистово отстреливался до тех пор, пока, сраженный почти в упор, не свалился бездыханно на землю. Неожиданные по своей храбрости действия четырех советских бойцов внесли переполох в ряды немцев, что позволило главным силам партизан оторваться от противника. Имена Алексея Кокумашвили, Алексея Куринова, Ивана Челакулина и Шалвы Бедугидзе, а также итальянского партизана Примо Агостини, погибших в этом бою, высечены на обелиске, воздвигнутом в Лезиньяно-Баньи в память об их подвиге.

Приток советских людей в партизанские зоны провинции Пьяченца отмечался в различные периоды. В марте 1944 года прибыло 5 человек из лагеря военнопленных в Соранья-Парна. Они были зачислены в

62-ю гарибальдийскую бригаду «Луиджи Эванджелиста», находившуюся в то время под командованием югослава Джованни, а в последующем — Эмилио.

Другая группа, около 100 человек, примкнула к движению Сопротивления в конце декабря 1944 года, принеся с собой оружие и снаряжение. Часть из них была включена в 7-ю бригаду 1-й дивизии «Справедливость и свобода», остальные — в различные гарибальдийские отряды.

Многие погибли в бою. О некоторых, однако, удалось получить точные сведения. С достоверностью установлено, что, кроме Пьетро, в районе Фиоренцуола-д'Арда во время сражения гитлеровцы взяли в плен и расстреляли Анатолия Константиновича Тислера. В селении Чечи, расположенном недалеко от Боббио, погиб капитан-кавалерист, фамилия которого неизвестна¹. В сентябре 1944 года в деревне Понте-дель-Олио был убит Борис. В этом бою принимал участие также украинец Андрей Бажул из альпийской гарибальдийской дивизии «Валь Нуре».

ПАМЯТЬ О ГРОЗНОМ

21 ноября 1944 года в Фиоренцуола-д'Арда гитлеровцы и итальянские фашисты совершили новое страшное преступление. После неслыханных истязаний они расстреляли захваченного в ходе жестокого сражения Василия Петрова — Грозного, как его звали итальянские партизаны.

История этого партизана ничем не отличается от историй сотен, тысяч его соотечественников. Насильственно мобилизованный немцами в их войска, он при первой возможности бежал, присоединился к 62-й гарибальдийской бригаде и воевал в отряде под командованием Тобрука. Грозный был в Красной Армии минером-подрывником. Прибыв в отряд, он сразу же стал выделяться своим опытом, умением обращаться с минами и производить примитивные, но очень эффективные подрывные средства. «Именно вместе с ним, — вспоминает Эмилио Пекорари, — и другими партизанами мы много раз подрывали на дороге в Эмилию немецкие колонны,

¹ В. С е в а, *Tempo dei vivi 1943—1945*, Milano, p. 195.

двигавшиеся на фронт. Мы использовали снаряды от 149-мм орудий, добытые на пороховом складе в Бадедаско. Мины, на совесть сделанные Грозным, укладывались на дорогах около защитных тумб и приводились в действие от батареи, когда мимо этих тумб проходила середина вражеской колонны. Очень храбрый — это могут подтвердить знавшие его партизаны, — он участвовал во всех боях и операциях отряда. Я могу утверждать, — продолжает Пекорари, — что моя жизнь и жизни других партизан неоднократно были спасены благодаря его хладнокровию, альтруизму, умению обращаться с оружием. В самые тяжелые моменты Грозный предлагал прикрыть наш отход своим «арсеналом», который всегда носил готовым к действию».

Он был взят в плен в окрестностях Фиоренцуола-д'Арда, когда ожидал подхода танка, который предстояло взорвать. Бронированная машина подошла неожиданно, и, когда стало ясно, что вывести ее из строя не удастся, партизанам был дан приказ отступить. Грозный, однако, решил добиться своего и оказался на маленькой улочке один на один с танком. Он мог спастись, но предпочел продолжать огонь до тех пор, пока, раненный в ногу, не попал в плен. Попытки партизан выручить его оказались безрезультатными. Чернорубашечники привели его в Фиоренцуола-д'Арда и через приходского священника из Сан-Протазо начали переговоры об обмене пленными. Согласие было достигнуто, но в ночь на 21 ноября Василия Петрова и Альбино Вилла фашисты убили. Труп Грозного, обнаруженный в морге кладбища в Фиоренцуола-д'Арда, имел страшный вид. Лицо настолько обезображено ударами ножа, что на фотографии, которая помещена на надгробном камне на кладбище в Кастельнуово-Фольяни, оно почти закрыто одеждой»¹.

¹ Свидетельство Эмилио Пекорари.

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ, ПОГИБШИЕ В ОБЛАСТИ «ТРЕХ ВЕНЕЦИЙ»

В войне за освобождение в области «Трех Венеций» (Фриули-Венеция-Джулия, Венето и Трентино) приняли участие не менее 600 советских партизан, из которых 135 пали в боях или были расстреляны немцами. Эти данные тщательно проверены, но не могут рассматриваться как окончательные. При нынешнем состоянии исследования и поисков никто не может точно определить, сколько же советских бойцов фактически действовало в трех венецианских провинциях, какое количество их погибло в сражениях и сколько расстреляно после вторичного пленения. Особенно во Фриули не удалось установить потери советских партизан, и до сих пор мы располагали лишь слишком общими сведениями. И это при том условии, что известный прогресс в исследовании уже налицо — найдены некоторые документы и получены свидетельства отдельных партизанских командиров.

Для того чтобы иметь общее представление о том, что широко практиковали гитлеровцы, приведем лишь два достаточно ярких примера.

Германские войска, проводившие карательные операции в Горициано в ноябре 1943 года, прибыли в Пальманову, провинция Удине, где решили расстрелять 8 русских пленных, виновных, по их мнению, в попытке бежать в итало-словенские партизанские отряды. Рано утром осужденных вывели из казармы «Пиаве» и повели по улицам за городские стены в Ривеллино, налево от ворот Аквилея. Там их заставили вырыть себе яму и, как только она стала достаточно глубокой, расстреляли очередью из автомата. Несколько дней спустя такая же участь постигла и других русских пленных. В 1947 году по инициативе министерства обороны останки рас-

стрелянных в присутствии полковника Перна были эксгумированы и перезахоронены на военном кладбище в Пальманове. Погибших оказалось 19: четырнадцать расстрелянных в то утро, еще два бывших русских пленных и три итальянских партизана, которых убили после варварских пыток. В 1964 году эти останки эксгумировали вновь. Десять из них, включая останки партизана Тригатти из Фауглиса, перенесли в итальянскую братскую могилу (кажется, в Венеции), а остальных похоронили в австро-венгерской братской могиле в Пальманове¹.

В октябре — ноябре 1944 года в Спилимберго гитлеровцы расстреляли 23 партизана немецкой и австрийской национальности, покинувших вермахт, а также одного русского. Они были похоронены в общей могиле на кладбище в Спилимберго. Имена и фамилии расстрелянных в муниципалитет немцы не сообщили².

Эти расстрелы были не единичными случаями. Согласно некоторым свидетельствам, гитлеровцы казнили и бросили в общие могилы несколько сот советских пленных, в основном уроженцев республик Средней Азии и Кавказа, привезенных во Фриули до и сразу же после 8 сентября 1943 года. Они открыто проявляли мятежные настроения в отношении своих угнетателей, а нацисты расстреливали всех, кто пытался уйти к партизанам или кого подозревали в этом.

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ В ВЕНЕЦИАНСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ

Свыше 160 советских граждан боролись в партизанских отрядах, действовавших в провинциях Беллуно и Тревизо. Почти все они входили в гарибальдийские дивизии «Нино Наннетти» и «Беллуно». Первая вела боевые действия частично на территории провинции Беллуно, на правом берегу Пиаве, но главным образом

¹ Свидетельства Вольвено Маркуцци, Пина Галлиано, Марио Пиччини, Лива Детальмино, Луиджино Дурли, Марко Менюцци (двое последних были очевидцами расстрела военнопленных). Дурли, Марко и Бруно Менюцци, Витторио Ферригутти и Адриано Брагутти (все из Пальмановы) участвовали в первой эксгумации трупов. Свидетельства об убийствах и о последующих событиях были даны Итало Тонелли, командиром дивизии ГАП «Фриули». Архив Удине.

² G. A. Colonello, *Guerra di liberazione, Friuli — Venezia Giulia, Zone jugoslave, Friuli*, 1965, p. 77.

в провинции Тревизо, а также в пределах некоторых общин провинции Удине. Ее боевая сила составляла около 3,5 тыс. человек. Вторая действовала на территории провинции Беллуно от Кадоре до Фельтрино. Личный состав ее также насчитывал около 3,5 тыс. человек.

Первыми советскими людьми, прибывшими в эту провинцию, были: Иван Бортников из Киргизии, Иван Кузнецов, рабочий-металлург, родом, кажется, из Подольска, Павел Орлов (он говорил, что был моряком) из Ленинграда и некий Николай. Они прибыли в предгорные районы провинции Беллуно в конце октября 1943 года, где встретились с группой партизан, среди которых были Элизео даль Понт (Бианки) и Джузеппе Гадди (Сандринелли), проживавший ранее в Советском Союзе и говоривший по-русски. Четверо советских товарищей рассказали ему свою историю, а затем повторили ее другим партизанам: они были военнопленными в Германии. Иногда их посылали на различные работы. Однажды на железнодорожной станции под наблюдением вооруженной охраны они грузили в поезд какие-то продукты и материалы. Из разговора немцев русские поняли, что поезд направлялся на фронт. Для них существовал только один фронт — русский. Когда эшелон тронулся, им удалось уйти из-под надзора охраны и устроиться под вагонами поезда, который, по их мнению, должен был идти на Восток. Они долго ехали в таком неудобном положении, пока не прибыли на какую-то станцию, где поезд остановился из-за начавшейся бомбежки. Здесь им удалось укрыться. В одном старом доме за населенным пунктом беглецы узнали, что находятся в Тренто. По географической карте, которую им дали хозяева дома, они намеревались пробраться в Югославию, с тем чтобы примкнуть там к партизанам Тито, но, прибыв в провинцию Беллуно и узнав, что в Италии существуют вооруженные отряды для борьбы против гитлеровцев и итальянских фашистов, решили остаться у итальянских партизан.

ОПЕРАЦИИ ГРУППЫ БОРТНИКОВА И КУЗНЕЦОВА

Эти четверо бывших советских пленных начали свою партизанскую деятельность в гарибальдийском отряде «Бускарин» под командованием Николотто, сражавше-

гося ранее в интернациональной бригаде в Испании. Иван Бортников, Иван Кузнецов, Павел Орлов и Николай за время вооруженной борьбы в Италии прошли ряд зон, ни разу не разлучаясь друг с другом. Зимой 1944/45 года они перешли в бригаду «Грамши»¹, которая действовала в зоне Фельтрино под командованием Брунетти Париде (Бруно). Поскольку, однако, эти четыре советских партизана были подрывниками, их использовали и другие отряды. Русские вели себя всегда очень мужественно. Орлов и Бортников вместе с Мариано Мандолези (Карло) и небольшой группой других партизан участвовали в налете, в результате которого удалось освободить из беллунской тюрьмы 73 политических узника. Немцы должны были расстрелять их на следующий день. Среди спасенных был и командир дивизии «Наннетти» Франческо Пеше (Мило).

Произошло это так. 15 июня 1944 года двое русских, научившихся в плену немного говорить по-немецки, переодетые в форму солдат вермахта, сопровождали группу партизан, якобы «пленных мятежников». В сумерках они подошли к воротам тюрьмы и на немецком языке потребовали от часовых открыть ворота для сдачи пленных. Повинуясь правильно отданному приказу, немецкая охрана выполнила требование. Оказавшись внутри тюрьмы, партизаны выхватили оружие, обезвредили охрану и быстро открыли двери всех камер. Эта операция резко повысила моральный дух партизан и всех жителей города.

Однажды Бортников и Кузнецов мощным зарядом тротила взорвали немецкое укрепление в местечке Томбион, около Примолано, и взяли в плен 60 гитлеровцев. Советские партизаны совершили много других операций и внезапных налетов. Это были люди исключительного личного мужества².

22 февраля 1945 года в бою в Чезиомаджоре во время прочесывания нацистами местности Кузнецов погиб.

¹ Бригада «Грамши» входила в дивизию «Беллуно», командиром которой был Луджи даль Арми (Френко), а комиссаром — Ильдебрандо Биалаччи (Брандо).

² Свидетельство Марио Мандолези, боевого товарища этих советских партизан.

Донос предателя помог немцам окружить зону, в которой находились партизаны. В какой-то момент Кузнецов оказался отрезанным от товарищей. Пытаясь вместе с одним итальянским партизаном прорваться к своим, он наткнулся на немцев. Его судьба была предрешена: пулеметная очередь сразила партизан. Немцы привязали их к лошади и протащили в пыли до площади Чезиомаджоре. Как только нацисты ушли, жители похоронили партизан на кладбище. 1 мая 1966 года на месте, где погиб Кузнецов, в его честь поставлен памятник.

Кроме Кузнецова, в провинции Беллуно погибли также Алексей Вяткин и Павел Комаров (Иван-журналист), родившийся 20 августа 1910 года. Последнего немцы взяли в плен во время облавы и расстреляли в Мазерада.

В провинции Тревизо 12 марта 1945 года погиб Петр Михайлович Кибарачухин, родившийся 27 марта 1919 года в Сибири. Согласно свидетельствам, в Тревизиано пали в боях около 20 советских партизан.

Петр Петрович погиб в Пьеве-ди-Солиго, некий Саша расстрелян немцами в Силеа, еще об одном погибшем — Марке, сибиряке, — сколько-нибудь определенных сведений нет. Капитан Монти, который сражался в рядах католической бригады «Пьяве», действовавшей в зоне Фефронтоло в направлении Витторио — Венето, 6 февраля 1945 года погиб смертью храбрых в Коццуоло. Окруженный с группой партизан своей бригады, он предпочел взорвать на своей груди гранату, но не сдать в плен гитлеровцам. Его могила — на кладбище Говена в окрестностях Чизон-ди-Вальмарина в провинции Тревизо, на ней крест, на котором написано: «Джорджо Монти Воразошвили».

В гарибальдийской дивизии «Нино Наннетти» были и другие советские партизаны. Альдо Сирена (Нероне), командир бригады «Голлот», вспоминает о Василии и Мише. Первый был украинским колхозником, второй — металлургом из Харькова. Еще один советский гражданин, Александр Мазуров, 1909 года рождения, воевал в бригаде «Мадзини», куда пришел в октябре 1944 года. В бригаде «Боттачин» дивизии «Сабатуччи», действовавшей в провинции Тревизо, сражался некий Садивали, капитан Красной Армии.

При бригаде «Голлот», входившей в дивизию «Нино Наннетти», летом 1944 года была образована целая рота из иностранцев, которая стала называться ротой интернационалистов. Кроме Миши и Василия, в нее входили Борис, капитан Красной Армии, один пожилой человек лет 55—60 с седыми волосами, имя которого неизвестно, очень молодой партизан 17—18 лет, его имя также неизвестно, некие Петр и Александр, родом, кажется, из Ленинграда.

В последние месяцы освободительной войны, в феврале—марте 1945 года, под воздействием постоянной пропаганды, проводимой среди казаков власовской дивизии, действовавшей в верхнем Венето, около 100 русских дезертировали и были включены Иваном Бортниковым в состав батальона бригады «Биксио» дивизии «Наннетти».

В бригаде «Пизакане», находившейся в подчинении дивизии «Беллуно», сражался Тимофей Архипович Дазеков. Он говорил, что прежде жил в Одессе. В первых числах мая 1945 года его положили в госпиталь с острым аппендицитом

В провинции Падуа, точнее в зоне Кастельбальдо, 11 советских партизан летом 1944 года участвовали в жаркой схватке с нацистами. Обе стороны понесли потери. После сражения группа распалась, и о ее бойцах ничего не известно. Поименный список партизан этой группы, составленный ими же самими, найден в архиве АНПИ в Падуе. В этой провинции боролись и другие советские партизаны, о которых, однако, не удалось получить достоверных сведений. С точностью известно, что двое из них были убиты вместе с итальянскими партизанами во время карательных операций: 11 ноября 1944 года в местечке Фаедо общины Чинто-Эуганео немцы расстреляли Дмитрия Артемова, а 16 ноября в общине Торрелья² повесили Александра Васильевича Сирко, 24 лет. В местах их гибели установлены небольшие надгробные памятники.

¹ Свидетельства о советских партизанах в провинции Беллуно и Тревизо были получены при содействии Тины Мерлин, Альдо Сирена, Франческо Пеше (Мило), Джузеппе Гадди (Сандринелли), Иво делла Сета, Паоло делла Винье (Кампанелла) и Элизео даль Понт.

² Dal registro degli atti di morte dell'ufficio dello stato civile del comune di Torreglia, anno 1945, parte seconda-B atto № 6.

Из актов о смерти, хранящихся в общине Боргорико (Падуа), следует, что 29 апреля 1945 года в ходе стычки с немцами погибли три советских партизана. Одного из них звали Иван Ермоленко¹. Фамилии других неизвестны².

В провинции Тренто в вооруженной борьбе приняла участие группа советских людей, число которых не уточнено. Пятеро из них пали в бою. 12 августа в больнице Арко умер от ран, полученных во время вооруженного столкновения с немцами, Николай Селиванов из батальона «Эпифанио Гобби», которым командовал Джованни Паролари. 24 апреля 1945 года на перевале Паладе (Альта-валь-дель-Соле) погиб Петр Мугазолов, входивший в батальон «Монтефорте», возглавлявшийся Марио Кароссини. 30 апреля в Рива пал Эльфетрович Фолтон из бригады «Импера». Ее командиром был Данте Дассати. Фамилии двух других погибших советских товарищей, также принадлежавших к батальону «Монтефорте», неизвестны.

ДВА БАТАЛЬОНА В ВЕНЕЦИЯ-ДЖУЛИЯ

На восточных границах Фриули — Венеция-Джулия сражался батальон бывших советских пленников численностью в 132 человека. Он действовал с конца апреля 1944 года в обширной зоне, включавшей побережье, долины Випакко, Натизоне и Тер. Батальон оперативно подчинялся 9-му корпусу, и командовал им Анатолий Льяченко.

Различными путями удалось здесь советским людям бежать от немцев и присоединиться к ближайшим партизанским отрядам. Часть из них работала до этого на целлюлозной фабрике, другие содержались в лагерях военнопленных в Гонаро и Виско. В этих местечках к 8 сентября 1943 года было более 2 тысяч военнопленных различных наций и югославских политических ссыльных³. Эти люди при помощи крестьян, а затем и специ-

¹ Dall' estratto copia integrale registro degli atti di morte dell'ufficio dello stato civile del comune di Borgarico, parte 2, serie B, anno 1945, atto 8, Reg. C.

² Ibid., № 6, e. 7, Reg. C, B.

³ Там было 600 югославов, 300 англичан и подданных английских доминионов, тысяча, или несколько больше, граждан СССР.

альной организации «Группо Монтес»¹ были эвакуированы на подводных лодках союзников и через горные перевалы Словении, контролируемые партизанскими подразделениями Тито. Большинство советских граждан влилось в ряды Югославской народно-освободительной армии, некоторые остались с партизанами из Удине, Триесте и Гориции.

Бойцы Дьяченко участвовали в жестоких сражениях, в ходе которых совершили героические подвиги. Поэтому их часто ставили в пример. Особенно они отличились в операции против немцев, пытавшихся уничтожить 9-й корпус².

КАЗАКИ ПРЕДАТЕЛЯ ВЛАСОВА

Учитывая стратегическое значение рассматриваемого района и размах партизанского движения³, гитлеровцы и итальянские фашисты сконцентрировали в «Трех Венециях» несколько эсэсовских дивизий и бригад чернорубашечников общей численностью свыше 60—70 тысяч человек, располагавших самым современным оружием. Летом 1944 года к этим войскам присоединили свыше 18 тысяч казаков под командованием атамана Краснова.

Казак, которые обосновались во Фриули, были подчинены «Русской освободительной армии» предателя Власова, созданной немцами из военнопленных, жителей казачьих станиц и Кавказа, вывезенных в массовом порядке в Германию. Часть этих людей вступила в армию Власова, чтобы избежать принудительного труда и смерти в лагерях. Вражеская пропаганда обещала этой толпе отчаявшихся людей свободу и поселение на захваченной земле, где по окончании войны они смогут

¹ Возникла в 1943 году, имея специфические задачи интендантской службы, затем создала ГАП для охраны транспорта, направлявшегося в горы, нанесения ударов по врагу, захвата оружия и борьбы со шпионами. Монтес (Сильвио Маркуцци) убит фашистами 2 ноября 1944 года.

² Архив музея освободительной борьбы в Любляне.

³ К моменту освобождения в области «Трех Венеций» действовало 18 партизанских дивизий; всего в них насчитывалось 68 тыс. партизан и патриотов, из которых 7900 погибли и 1900 стали инвалидами. («Bollettino della Presidenza del Consiglio dei Ministri, aprile 1954, p. 2271.)

устроить свою жизнь. Среди обещанных земель оказались Карниа и Фриули, которые после 8 сентября были включены в «Адриатический Кюстенланд», а летом 1944 года присоединены к рейху¹.

Зимой 1944 года с притоком новых обученных в Германии отрядов казачьи оккупационные силы насчитывали в общей сложности 40 тыс. человек. Они имели 6 тыс. лошадей и 50 верблюдов². Казаки, которым немцы внушили, что Фриули и Карниа станут их второй родиной, «Козакенланд ин Норд-Италиен» («Страной казаков в северной Италии»), чинили зверства в отношении населения, участвовали в карательных операциях против партизан, виновных, по их мнению, в том, что оспаривали их права на обещанные земли.

БАТАЛЬОНЫ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ВО ФРИУЛИ

Первая группа советских граждан, которая приняла участие в освободительной войне в составе объединения гарибальдийских дивизий во Фриули под командованием Лино Цокки (Нинчи) и комиссара Марио Лиццери (Андреа), прибыла в горы в мае — июне 1944 года. Она взаимодействовала с батальоном «Маттеотти», ставшим потом бригадой «Пичелли», в зоне Корнино-Форгариа на склонах Прат и Петроц на правом берегу реки Тальяменто. Вначале эта группа состояла из 30 человек, бежавших из плена и лагерей принудительного труда. Некоторые прибыли из Франции и Швейцарии, чтобы через Югославию вернуться на родину. Во Фриули они решили присоединиться к итальянским партизанам.

В июне врач Валико Леквеишвили и фармацевт Акакий Закели, бежав из лагеря интернированных, примкнули к отряду гарибальдийцев. Вместе со своим земляком, фамилия которого неизвестна, двумя итальянскими ассистентами-медиками, восьмью санитарями и поваром они организовали в Вазино партизанский госпиталь имени Максима Горького. В марте 1945 года он был переведен в Маньяго. С июня 1944 по май 1945 года почти 3 тысячи патриотов лечились в этом госпитале, получая необходимые медикаменты, питание и одежду.

¹ P. Secchia e F. Frassatti, op. cit., p. 865.

² P. A. Carnier, L'armata cosacca in Italia, Milano, 1965, p. 105.

В конце августа в связи с притоком русских, бежавших из плена и казачьих подразделений, партизанское командование решило объединить всех советских граждан в самостоятельный батальон, возглавляемый советским командиром, который находился бы в прямом подчинении командования гарибальдийских дивизий «Фриули».

Другие 15 советских товарищей входили в гарибальдийскую дивизию «Марио Модотти»¹, действовавшую между Ливенца и Тальяменто под командованием Ардито Форнариса (Арио). Комиссаром был Серджо Визентин (Рино). Советские люди составляли там отдельную группу.

БАТАЛЬОН «ЧАПАЕВ»

К ноябрю 1944 года в нижней части провинции Фриули было создано подразделение партизан ГАП. В него входило около 30 советских воинов. Они дали отряду имя «Чапаев». Численность отряда никогда не была стабильной, она колебалась в зависимости от характера боев и операций по прочесыванию местности. Батальон «Чапаев» находился в прямом подчинении гарибальдийской дивизии ГАП «Фриули», которой командовал в то время Витторио Стелла (Ферруччо). Она действовала в долине Фриули между реками Тальяменто и Юдрио, от подножия гор до магистральной дороги Трентина.

Еще до создания батальона «Чапаев» несколько советских товарищей входили в подразделения гапистов, действовавших в долине. Позднее в батальон влились новые люди из числа советских партизан, ранее сражавшихся в отрядах, оперировавших на равнине и в горах; все они прошли суровые боевые испытания летом и в начале осени 1944 года. С созданием батальона действия советских гапистов стали все более ощутимыми. Вместе с гапистами из Удине они приняли участие в налетах на склады оружия и снаряжения, находившиеся в этом городе, на лагерь военнопленных в окрестностях Пальмановы, освободив при этом 80 русских

¹ Первоначально бригада носила имя Ипполито Ниево, но незадолго до освобождения приняла имя Марио Модотти, расстрелянного немцами в удинской тюрьме вместе с другими 27 партизанами.

и югославам, на железнодорожные эшелоны на участке Гарвизио — Удине, Удине — Триест, Удине — Градо, а также во всех операциях, проводившихся до мая 1945 года, за исключением короткого перерыва после крупного прочесывания в декабре 1944 года¹.

Нашумевшим эпизодом, аналогичным эпизоду в Беллуно, о котором упоминалось при рассказе о подвигах группы Бортникова и Кузнецова, был штурм тюрьмы в Удине, предпринятый вечером 7 февраля 1945 года. Около 18 час. 30 мин. у ворот тюрьмы остановился грузовик, в котором находилось несколько десятков гапистов под командованием Джелиндо Читосси (Романо), известного больше под именем Манчини (однорукий), поскольку у него не было правой руки. С грузовика сошло 9 человек: пятеро были переодеты в немецкую форму, двое — в форму итальянских фашистов, которые подталкивали перед собой «пленных». Охранник Альдо Сканчелла, ничего не подозревая, открыл ворота и впустил новых пришельцев. Двоих «пленных» грубо втолкнули и заставили пройти первую и вторую калитку. Неожиданно раздались выстрелы. Тюремщики, крепко державшие двух «пленных», не имели даже времени разобраться, кто стреляет.

Операция гапистов, которые тем временем почти все уже проникли внутрь тюрьмы, длилась в общей сложности тридцать минут. Были освобождены 73 партизана, в большинстве осужденные на смерть, два священника и трое англичан (один майор и два солдата). Реакция гитлеровцев и итальянских фашистов была неистовой. Применяя осветительные ракеты, они пустились в погоню за партизанами. Для карателей лучше было бы отказаться от преследования партизан, так как все, кто вступил в бой с группой «Красных дьяволов» и батальоном «Чапаев», остались лежать на месте схватки. Потери противника составили 55 убитыми, из которых 37 были уничтожены внутри тюрьмы².

В декабре 1944 года в связи с очередной нацистской операцией по прочесыванию местности бойцы батальона «Чапаев» по приказу командования дивизии ГАП «Фриули» вышли в оперативную зону «IX Югославско-

¹ Свидетельство Витторио Стеллы, командира гарибальдийской дивизии ГАП «Фриули».

² G. A. Colonnello, op. cit., p. 140 sgg.

го корпуса». В январе 1945 года батальон был вновь переформирован и участвовал в освобождении Чивидале и Удине.

ГОРДОСТЬ

Такова вкратце история партизанской деятельности многочисленных отрядов советских партизан, сражавшихся в Италии. Это слишком мало в сравнении с тем, что они сделали, очень мало, имея в виду страшные страдания, которые они разделили с итальянскими партизанами, ничто — если сравнить с коллективным и личным героизмом всех советских партизан. Однако и это уже кое-что: небольшой вклад в дело популяризации почти не известных фактов, в дело ознакомления с подвигами храбрых и стойких людей, которые боролись за нашу свободу, свободу Европы и своей страны.

Итальянское Соппротивление, несомненно, гордилось тем, что имело в своих рядах этих воинов, отдававших все, не требуя взамен ничего. Это была одна из особых черт советских партизан в Италии: бороться героически, самоотверженно, быть всегда на переднем крае борьбы, там, где она была наиболее жестокой и опасной, не давать врагу передышки. Они поступали так потому, что сознавали, что борьба против гитлеровцев и итальянских фашистов требовала большой моральной силы, высокого боевого духа и самопожертвования.

Об этом свидетельствуют слова советского майора Конева, командира отряда русских партизан, включенного в бригаду «Браччини» в провинции Кунео, сказанные им по случаю XXVII годовщины Октябрьской революции: «Мы, русские партизаны, плечом к плечу с итальянскими партизанами хотим бороться против гитлеровцев и итальянских фашистов для того, чтобы добиться справедливости и свободы. Благодарим итальянских партизан, которые нас столь хорошо приняли. Мы этого никогда не забудем и торжественно клянемся, что будем бороться на всех фронтах против злейшего врага — против фашизма. Нам не страшны огонь, вода и смерть. Всегда вперед на борьбу против гитлеровцев и итальянских фашистов!»¹

Это были не пустые фразы: число погибших советских партизан (более четырехсот человек), пропавших

¹ R. L. Bianco, op. cit.

без вести, награжденных, свидетельствует о том, какое место они занимали в итальянском движении Сопротивления.

Мы хотим надеяться, что знание их подвигов, моральных, политических и идейных мотивов, по которым советские люди присоединились к итальянским партизанам, может лишь усиливать восхищение преданностью идеалам антифашистской борьбы, восхищение героизмом, где бы и когда бы они ни проявлялись. Эти подвиги являются вкладом в укрепление дружбы итальянских и советских партизан, вкладом в упрочение глубоких братских чувств, объединяющих итальянский народ с советским народом, который на своем историческом пути пережил так много. В дни освободительной борьбы эти глубокие братские чувства итальянских и советских партизан выразились в общих жертвах во имя борьбы за свободу Италии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Данные об участии советских людей
в итальянском движении Сопротивления (по областям)
(данные неполные)

Область	Оставшиеся в живых				Погибшие				Итого
	Имя и фамилия известны	Известна только боевая кличка	Неизвестные	Всего	Имя и фамилия известны	Известна только боевая кличка	Неизвестные	Всего	
Марке	40	—	55	95	5	—	—	5	100
Лацио	24	4	151	179	3	—	—	3	182
Тоскана	539	27	985	1551	13	15	40	68	1619
Лигурия	238	6	94	338	21	4	10	35	373
Пьемонт	222	11	423	656	36	11	14	61	717
Ломбардия	83	8	242	333	7	9	19	35	368
Эмилия	521	32	264	817	23	17	43	83	900
Трентино	—	—	20	20	3	—	2	5	25
Венето	66	4	86	156	8	3	22	33	185
Фриули-Венеция	66	4	291	361	38	3	56	97	458
Другие области	—	—	50	50	—	—	—	—	50
Всего:	1799	96	2661	4556	157	62	206	425	4981

**Данные об участии советских людей
в итальянском движении Сопротивления (по провинциям)
(данные неполные)**

Провинция	Оставшиеся в живых				Погибшие				Итого
	Имя и фамилия известны	Известна только боевая кличка	Неизвестные	Всего	Имя и фамилия известны	Известна только боевая кличка	Неизвестные	Всего	
Алессандрия	4	—	—	4	1	2	—	3	7
Анкона	—	—	35	35	2	—	—	2	37
Ареццо	11	5	8	24	3	2	3	8	32
Асти	9	1	—	10	—	—	—	—	10
Беллуно	8	2	61	71	3	—	—	3	74
Бергамо	29	—	127	156	4	2	1	7	163
Болонья	14	12	85	111	5	10	6	21	132
Брешиа	4	3	53	60	2	4	14	20	80
Комо	—	3	33	36	1	2	2	5	41
Кремона	1	—	29	30	—	—	—	—	30
Кунео	43	2	50	95	7	1	—	8	103
Флоренция	69	—	91	160	4	7	29	40	200
Форли	26	1	40	67	1	—	30	31	98
Генуя	128	1	50	179	17	—	—	17	196
Гроссетто	192	—	800	992	1	4	5	10	1002
Империя	51	—	—	51	3	2	7	12	63
Ла-Специя	37	4	4	45	1	2	3	6	51
Ливорно	21	1	7	29	2	—	—	2	31
Лукка	75	6	69	150	—	—	—	—	150
Мачерата	11	—	20	31	3	—	—	3	34
Масса-Каррара	2	—	—	2	—	—	—	—	2
Модена	86	—	4	90	5	1	5	11	101
Новара	37	8	172	217	6	2	1	9	226
Падуа	12	—	10	22	3	—	2	5	27
Парма	233	12	—	245	4	—	—	4	249
Павия	49	1	—	50	—	—	2	2	52
Пезаро	29	—	—	29	—	—	—	—	29
Пьяченца	9	5	120	134	2	2	—	4	138
Пиза	89	2	—	91	2	1	3	6	97
Пистойя	56	7	—	63	1	1	—	2	65
Равенна	19	—	15	34	2	—	—	2	36
Реджо-Эмилия	134	2	—	136	4	4	2	10	146
Рим	24	4	151	179	3	—	—	3	182

Провинция	Оставшиеся в живых				Погибшие				Итого
	Имя и фамилия известны	Известна только боевая кличка	Неизвестные	Всего	Имя и фамилия известны	Известна только боевая кличка	Неизвестные	Всего	
Савона	22	1	40	63	—	—	—	—	63
Сиена	24	6	10	40	—	—	—	—	40
Турин	129	—	201	330	22	6	13	41	371
Тренто	—	—	20	20	3	—	2	5	25
Тревизо	46	2	15	63	2	3	20	25	88
Триест	—	—	47	47	22	—	11	33	80
Удине	66	4	244	314	16	4	45	65	379
Варезе	—	1	—	1	—	—	—	—	1
Другие провинции	—	—	50	50	—	—	—	—	50
Всего:	1799	96	2661	4556	156	62	206	425	4981

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошло четверть века с тех пор, как Красная Армия разгромила гитлеровскую военную машину и водрузила в Берлине знамя победы советского народа и всего прогрессивного человечества.

История никогда ранее не знала таких масштабов сражений между воюющими сторонами, такой жесточечности боев, таких разрушений и жертв, какими была отмечена вторая мировая война.

Фашистская Германия, развязавшая при попустительстве Англии, Франции и США эту войну, захватывала в Европе одну страну за другой. Вооруженная до зубов, она 1 сентября 1939 года бросила против многострадальной Польши 54 дивизии, 2 тысячи самолетов, 1,5 тысячи танков. Результатом этого разбойничьего похода были развалины Варшавы, сожженные города и села, развороченные поля, лагеря военнопленных, голодное, покинутое своим правительством население. В считанные дни немецкие захватчики оккупировали Данию и Норвегию, а затем через Бельгию, Голландию и Люксембург напали на Францию. Разгромив ее армию и обратив в паническое бегство английские экспедиционные войска, гитлеровские дивизии заняли Париж.

Единомышленник и главный союзник Гитлера в Европе Муссолини 10 июня 1940 года вверг Италию в войну на стороне нацистской Германии и набросился на растаптываемую немецким сапогом Францию. Главарь итальянских фашистов рассчитывал, что в компенсацию за верноподданническую услугу он получит полную поддержку Гитлера в своих территориальных притязаниях на Европейском и Африканском континентах. Муссолини цинично заявлял в кругу своих сподвижников, что «ему

нужно было несколько тысяч убитых, чтобы он мог как участник войны сесть за стол мирной конференции»¹.

Подчинив себе экономику оккупированных стран, пристегнув к коричневой колеснице Финляндию, Венгрию и Румынию, уверовав в свою непобедимость и зная, что реакционные круги Англии и США не будут препятствовать осуществлению немецкого «дранг нах остен», фашистская Германия напала на Советский Союз.

Вслед за ней поспешил объявить войну СССР и Муссолини. Надеясь на легкую и богатую добычу, он направил на Восточный фронт свои лучшие дивизии. То, о чем мечтали империалисты всех стран — уничтожить первое в мире социалистическое государство, поработить и истребить его народы, установить господство над всем миром, — решили теперь осуществить немецкие и итальянские империалисты, выразителями интересов которых были Гитлер и Муссолини. Просторы нашей Родины стали ареной невиданного кровопролития, окутались дымом пожаращ городов и сел, покрылись братскими могилами и кладбищами.

Готовя нападение на Советский Союз, фашистские захватчики исходили из ложной предпосылки о слабости Красной Армии. Они надеялись молниеносно покончить с ней, пользуясь преимуществом внезапности нападения, но на своем пути встретили мощное сопротивление, решимость армии и всего народа сражаться до полного уничтожения врага.

Советские воины в тяжелых битвах 1941—1942 годов заставили вражеские войска прекратить наступление, и они перешли к обороне.

Однако, как показал дальнейший ход событий, перед мощным натиском советских воинов не могла устоять никакая оборона противника. Красная Армия нанесла сокрушительный удар по его войскам под Москвой, в великой битве за Сталинград, которая по своему масштабу и стратегическому значению не имела себе равных в истории. Она положила начало коренному перелому не только в ходе Великой Отечественной войны советского народа, но и всей второй мировой войны. Уже в то время это отлично понял кое-кто из наших врагов.

¹ Цит. по: К. Типпельскирх, История второй мировой войны, М., 1956, стр. 106—107.

Тысячу четыреста семнадцать дней и ночей длилась невероятная по размаху и напряжению битва, в ходе которой советский народ, руководимый своей славной коммунистической партией, разгромил агрессивные силы империализма. Он очистил Родину от гитлеровских полчищ, освободил народы Европы и Азии от немецко-фашистского деспотизма и японского милитаризма.

Война показала, что социалистический общественный и государственный строй, как подлинно народный строй, является самым прочным и жизнеспособным строем на земле. Основанный на общественной собственности на средства производства и опирающийся на несокрушимый союз рабочего класса и крестьянства, на нерасторжимую дружбу, братство и морально-политическое единство народов, он явился самой лучшей формой и наиболее мощным средством мобилизации всех материальных и духовных сил страны для борьбы с врагом.

Великие социалистические преобразования, осуществленные в Советском Союзе, создание могучей индустрии, коллективизация сельского хозяйства, культурная революция явились основой могущества нашей социалистической Родины. Историческая победа советского народа в минувшей войне была подготовлена всем развитием социалистического государства, огромной политической и организаторской деятельностью коммунистической партии.

В суровых испытаниях войны окрепла дружба народов многонационального Советского Союза. Все нации и народности Страны Советов внесли свой достойный вклад в дело разгрома врага. Выдающуюся роль в Великой Отечественной войне сыграл великий русский народ, заслуга которого получила признание всего человечества.

Уже после сокрушительных ударов Красной Армии, нанесенных противнику зимой 1942/43 года, верный союзник Гитлера Муссолини начал сомневаться в победе немецко-фашистских сил. 25 марта 1943 года он писал Гитлеру: «Я убежден, что уничтожение России невозможно... даже если бы в войну вступили японцы, что представляется маловероятным»¹.

¹ Les Lettres secrètes échangées par Hitler et Mussolini, Paris, 1946, p. 185.

Мощные удары Красной Армии под Москвой, Сталинградом, на Дону и под Курском, перспектива неизбежного поражения фашистских государств потрясли их блок до основания. Фашистская диктатура в Италии оказалась на пути полного развала. Экономика Италии, не выдержавшая бремени войны, к лету 1943 года оказалась в крайне тяжелом состоянии. Итальянская армия на всех фронтах терпела одно поражение за другим. За три года войны Италия потеряла все свои колонии. Государственный и политический аппарат находился в состоянии распада и разложения.

Трудящиеся массы Италии, обманутые и сбитые с толку пропагандой фашистов и их союзников в лице Ватикана, многочисленной армии приходских католических священников, монахов и организации «Католическое действие», начали, однако, под воздействием ощутимых симптомов надвигающейся катастрофы прозревать и все более настойчиво высказывать свое несогласие с авантюристической политикой фашистского режима.

В стране начались массовые волнения и движение за выход Италии из преступной войны против Советского Союза. Эта война с самого начала была крайне непопулярной среди населения Италии, но она стала совсем нетерпимой после краха мифа о непобедимости гитлеровской Германии и возвращения с Восточного фронта и из Северной Африки остатков разбитых итальянских соединений.

В мелкобуржуазной среде, составлявшей массовую базу фашизма в период его становления, довольно быстро исчезали иллюзии, будто фашистский режим обеспечит национальное единство, гармонию классовых интересов и процветание страны. И если мелкий буржуа еще не осмеливался активно выступать против политики Муссолини, то он ее уже и не поддерживал. Авантюристическая политика фашизма стала вызывать недоверие и в среде средней буржуазии. Воинственный буржуазный национализм Муссолини, разумеется, полностью соответствовал интересам крупного капитала, но неизбежность скорого краха фашизма стала настолько очевидной, что продолжать открыто поддерживать его было уже рискованно и для монополистов.

Итальянская крупная буржуазия, промышленные мо-

нополии, финансовая олигархия, латифундисты, военщина, католическая иерархия — то есть те, кто породил фашизм, кто его благословил, узаконил,—оказались перед дилеммой: либо продолжать поддерживать авантюристическую политику Муссолини и рисковать при этом потерей всего — капиталов, привилегий, власти, либо пожертвовать Муссолини, но спасти для себя то, что пока еще можно было спасти. Они предпочли последнее.

Июль 1943 года был роковым для Муссолини. 10 июля англо-американские войска высадилась на острове Сицилия и не встретили там сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны итальянских войск. 19 июля Муссолини выехал на встречу с Гитлером в Фельтре, чтобы обсудить создавшееся положение и выпросить подкрепления. Но Гитлер не дал Муссолини ни одной дивизии, так как почти все они завязли на Восточном фронте. В то время Красная Армия перемалывала главные силы вермахта в сражении на Курской дуге.

23 июля это великое сражение завершилось полным разгромом немецких войск, а 25 июля в Италии произошел «государственный переворот». Офицеры-монархисты арестовали Муссолини, сослали его на остров Понца, а затем в Аbruццы, на Гран-Сассо-д'Италия, где он находился, по образному выражению итальянского историка-марксиста Роберто Батталья, в «клетке с открытой дверцей», то есть как бы под домашним арестом. Для того чтобы король и итальянская буржуазия решились на «государственный переворот» и осуществили его, потребовалось, чтобы идущая от поражения к поражению Италия, полуразрушенная бомбардировками, с расшатанной экономикой, оказалась на краю пропасти, а англо-американские войска подошли к воротам Италии; потребовалось, чтобы народный гнев возрос до такой степени, что грозил смести террористический аппарат фашистского государства, чтобы усилилось и расширилось движение пассивного и активного сопротивления войне в городе и деревне, чтобы развал армии стал фактом не только на фронте, но и в тылу.

Итак, режим Муссолини пал. Однако власть в стране продолжала принадлежать не народу, а силам, породившим и поддерживавшим фашизм. Король уполномочил управлять страной маршала Бадольо, а вооруженным силам приказал «продолжать войну в союзе с Гер-

манией». Монархисты и клерикальные круги, покровительствуемые Ватиканом, надеялись отделаться «дворцовым переворотом» и коренным образом не менять внешнюю и внутреннюю политику Италии. Однако их постигло разочарование: народные массы вышли на улицы и площади, рабочий класс и крестьянство Италии, разгромив во многих городах страны помещения фашистской партии, потребовали ее немедленного роспуска и незамедлительного выхода Италии из войны.

Народный гнев, прокатившийся широкой волной по Италии, обеспокоил и напугал не только итальянские реакционные круги, но и англо-американских лидеров. Еще 30 июля 1943 года Рузвельт в своем послании Черчиллю писал: «Мы должны вступить в переговоры с любым лицом или лицами в Италии, которые наилучшим образом, во-первых, обеспечат разоружение и, во-вторых, предотвратят хаос, большевизацию или гражданскую войну»¹. В ответ на это послание Черчилль писал Рузвельту: «Я признаю Савойскую династию или Бадольо, если именно они помогут побудить итальянцев делать то, что нам нужно для наших военных целей. Хаос, большевизация или гражданская война, конечно, препятствовали бы достижению этих целей»².

Под давлением масс итальянская правящая верхушка в начале сентября подписала перемирие со странами антигитлеровской коалиции. В сентябре на континент высадились англо-американские войска. В ответ немецко-фашистские войска в течение трех суток разоружили итальянскую армию и оккупировали почти всю страну. Доверенное лицо Гитлера, известный фашистский головорез Отто Скорцени выкрал с Гран-Сассо-д'Италия Муссолини и доставил его в Восточную Пруссию в ставку Гитлера, откуда через неделю Муссолини был отправлен в Северную Италию, где возглавил прокламированную им так называемую итальянскую фашистскую республику со столицей в г. Салó.

В самый решительный момент маршал Бадольо бежал на юг страны под защиту англо-американских войск, а его генералы и офицеры позорным образом ка-

¹ W. S. Churchill, The Second World War, vol. V., London, 1952, p. 59.

² Ibid.

питулировали перед немецкими захватчиками, не предприняв ни малейшей попытки к сопротивлению.

Монархисты прекрасно понимали, что Гитлер готовит военную акцию против Италии, но страх перед народом парализовал правительство Бадольо. «Во всех городах Италии,— отмечал один из руководящих деятелей итальянского движения Сопротивления, ныне Генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии Луиджи Лонго,— антифашисты требовали у военных властей предоставления им возможности принять участие в вооруженной борьбе, но почти повсюду они получали решительный отказ.

Так, например, в полдень 9 сентября Дуччо Галимберти, который в дальнейшем стал одним из организаторов, героев и мучеников партизанской войны, явился к генералу, командовавшему военным округом Кунео, и просил начать массовую вербовку в армию местных антифашистов-добровольцев. Это предложение было отвергнуто: руководители армии не только не намеревались снабжать патриотов оружием, но не хотели даже и слышать о том, чтобы принять антифашистов в ее ряды»¹.

Единственной силой, способной взять в свои руки знамя борьбы и национальной независимости, была Итальянская коммунистическая партия. Коммунисты видели историческую обреченность фашизма и понимали необходимость массовой борьбы против режима Муссолини и против немецко-фашистских оккупантов. Для этого был необходим широкий единый фронт всех сил, способных выступить смело и открыто против реакции. В первые же недели оккупации компартия во многих городах начала организовывать группы патриотического действия, которые вели активную партизанскую борьбу против немецких захватчиков, она проводила большую работу по широкой мобилизации масс на борьбу с итальянскими фашистами и гитлеровцами.

Уже осенью 1943 года Миланский партийный центр во главе с Луиджи Лонго и Пьетро Секкья создал несколько партизанских отрядов и групп, носивших имя национального героя Италии Гарибальди. Эти отряды

¹ Луиджи Лонго, Народ Италии в борьбе, М., 1951, стр. 81—82.

и группы совершали диверсионные акты на железных и шоссежных дорогах Пьемонта, Эмилии, Тосканы, Венето.

Генерал-лейтенант немецко-фашистской армии Райнер Штахель, являвшийся осенью 1943 года комендантом Рима и осужденный советским судом за злодеяния, совершенные в годы войны, свидетельствует:

«...Ко времени моего прибытия в Рим усилилось итальянское партизанское движение. Так, в начале октября 1943 года в Риме было выведено из строя за один день 20 военных грузовиков, участились случаи нападения на отдельных германских солдат в окрестностях города, повсеместно имели место факты перерезывания проводов, а самое главное, итальянцы начали саботировать приказы германского командования. Было ясно, что в случае восстания в Риме подчиненные мне три роты парашютистов будут смяты через полчаса. На помощь итальянских войск, формально присягнувших Муссолини, я не мог рассчитывать. Я решил обратиться за помощью к святой католической церкви...»

Перед немецко-фашистским командованием возникла проблема — каким способом и какими силами погасить партизанское движение в Италии, представлявшее реальную угрозу для многих гарнизонов немецких войск и их ставленников — итальянских фашистов. Перебрасывать в Италию новые регулярные дивизии было неоткуда — большинство их увязло на разных фронтах, главным образом на Восточном фронте, и к тому же требовало непрерывного пополнения в связи с мощными ударами Красной Армии. Пришлось спешно перебрасывать в Италию из других оккупированных гитлеровцами стран отдельные резервные войсковые подразделения, а также остатки ранее потрепанных на Восточном фронте батальонов власовцев, легионеров, казахи подразделения атамана Краснова, участников других антисоветских воинских формирований, в состав которых входили добровольно сдавшиеся в плен разного рода отщепенцы — буржуазные националисты, сыновья кулаков и торговцев, разложившиеся, продажные и уголовные элементы.

Но эти меры, направленные на усиление борьбы против итальянского партизанского движения, не дали желаемых для немецкого командования результатов.

Партизанская борьба на территории Италии с весны 1944 года значительно расширилась. Если осенью и зимой 1943—1944 годов в Северной Италии действовало 20—30 тысяч партизан, то летом их стало более 80 тысяч, а к осени того же года против гитлеровцев сражались уже более 100 тысяч патриотов¹.

С численным ростом партизан усилилась и их боевая активность. Они начали применять самые разнообразные формы и методы борьбы. От мелких стычек перешли к крупным операциям, в ходе которых спускались с гор и занимали населенные пункты. Летом и осенью 1944 года в Центральной и Северной Италии было 15 освобожденных районов, которые партизаны удерживали по нескольку месяцев. Крупнейшими из них являлись Оссола, расположенный недалеко от швейцарской границы, Монтефиорино, южнее Модены, где была провозглашена республика и проведены свободные выборы местной администрации, а также Корния в области Венето, где власть партизан действовала на протяжении трех месяцев².

Важное значение для расширения партизанской борьбы в стране имело создание по инициативе компартии в июне 1944 года единого военного командования, получившего название Командования корпуса добровольцев свободы. В нем на паритетных началах были представлены все антифашистские партии, но руководящее положение занимали представитель Итальянской коммунистической партии Луиджи Лонго и лидер Партии действия Ферруччо Парри, хотя формально командующим корпуса добровольцев свободы по предложению союзников стал прибывший в Северную Италию в августе 1944 года итальянский генерал Кадорна.

Итальянские патриоты, сражавшиеся на севере Италии осенью 1944 года, пережили сложный период. В конце сентября англо-американские войска прорвали «Готическую линию», форсировали реку Рубикон и, выйдя в долину По, прекратили дальнейшее наступление. Воспользовавшись передышкой, немецко-фашистское командование осуществило ряд операций против

¹ Роберто Батталья, История итальянского движения Сопротивления, М., 1954, стр. 357.

² Пьетро Секкья, Итальянские коммунисты и Сопротивление. «Новая и новейшая история», 1963, № 3, стр. 103.

партизан, в результате которых было потеряно несколько освобожденных районов. Особенно остро патриоты нуждались в оружии и боеприпасах. Но вместо помощи им главнокомандующий англо-американскими войсками в Италии фельдмаршал Александер рекомендовал партизанам прекратить борьбу и разойтись по домам в «ожидании новых инструкций». Однако Командование корпуса добровольцев свободы не согласилось с этим и призвало партизан спуститься с гор, организовать взаимодействия с населением и активизировать борьбу с врагом. Усиление партизанского движения в стране не на шутку обеспокоило как англо-американские, так и итальянские правящие круги, а также Ватикан.

Деятели демохристианской и либеральной партий, выражающие интересы крупной буржуазии, латифундистов и католической иерархии, стремились всеми способами, в том числе и через своих представителей в комитетах национального освобождения, добиться сдерживания партизанского движения. Вместо борьбы за быстрое изгнание немецких оккупантов национальными силами в координации с действиями англо-американских войск они хотели дожидаться полного освобождения Италии упомянутыми войсками. После оккупации страны гитлеровцами крупные итальянские предприниматели стали проводить политику «лавирования между двух огней». Они полагали, что оккупация может стать продолжительной и поэтому не следует упускать благоприятной возможности нажиться на различных спекулятивных операциях с нацистами; на случай же изгнания захватчиков силами национального освобождения эти круги хотели заручиться доказательствами сотрудничества с партизанским движением. Исходя из этого, некоторые из крупных предпринимателей оказывали финансовую помощь партизанам и одновременно старались внедрить своих людей на командные посты в партизанских подразделениях с тем, чтобы через них проводить ту же выжидательную политику.

Ведя борьбу со сторонниками политики выжидания, компартия стремилась доказать не только необходимость, но и полную возможность активных действий. «Для нас было ясно,— пишет Луиджи Лонго,— что никакой довод не заставит сторонников тактики выжидания изменить свою позицию, но главное заключалось

вовсе не в этом... Нужно было немедленно и решительно организовать борьбу, сделать ее реальным фактом»¹.

Итальянская коммунистическая партия призывала патриотов готовиться к всенародному вооруженному восстанию. 10 апреля 1945 года руководство ИКП направило всем партийным организациям письмо, в котором призывало начать вооруженное восстание во всей Северной Италии. В ответ на этот призыв подразделения партизанской армии в первой половине апреля освободили Болонью, Модену и ряд городов Адриатического побережья. 25 апреля рабочие заняли все предприятия Милана, а на следующий день в город вступили гарибальдийцы. В результате тяжелых боев партизаны освободили Турин, а затем заставили капитулировать немецкий гарнизон в Генуе.

Таким образом, благодаря огромной политической и организаторской работе компартии в тылу врага выросшее и окрепшее партизанское движение превратилось в грозную для захватчиков силу. Итальянские партизаны оказали неоценимую помощь англо-американским войскам в разгроме гитлеровской армии на Апеннинском полуострове, в истреблении ее живой силы и техники. Тем самым они внесли большой вклад в общее дело победы над фашизмом.

Увеличению размаха, повышению результативности сил движения Сопротивления в значительной мере способствовала поддержка советского народа, которая выражалась прежде всего в том, что Красная Армия громила главные силы немецкой армии, сковывала большое количество войск гитлеровского блока, вынуждала тем самым немецкое командование сокращать численность своих контингентов в Италии.

Победы Красной Армии оказывали огромное моральное воздействие на участников итальянского движения Сопротивления, воодушевляли их, повышали активность в борьбе. «Вести о Советском Союзе, о героизме советских солдат, партизан, советского народа,— отмечает Луиджи Лонго,— приводили нас в восторг и наполняли надеждами. Вслед за сообщениями о героической обо-

¹ Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. Сборник статей и документов, М., 1953, стр. 435.

роне Москвы, Ленинграда и Сталинграда до нас дошли сведения о блестящей победе под Сталинградом, о капитуляции немецких армий, осаждавших город... Мы чувствовали, как победы советского народа окрыляли все слои населения Италии, порождая среди них новые надежды, новую волю к действию, формируя новые политические и социальные установки»¹.

В освободительной борьбе итальянского народа против немецких захватчиков и чернорубашечников активно участвовали тысячи советских граждан, заброшенных в Италию войной. Большинство их составляли военнопленные, бежавшие из рабочих команд хозяйственных служб немецкой армии, а также из соединения «Шперер» и организации «Тодта», личный состав которых использовался на строительстве оборонительных сооружений, дорог, мостов, транспортировке боеприпасов и т. д. Воспитанные на идеях марксизма-ленинизма, в духе братства и дружбы между народами, советские люди, оказавшись в Италии, считали своей священной обязанностью принять участие в борьбе против общего врага.

Но следует упомянуть и о другой категории участников партизанской борьбы в Италии — о лицах, служивших ранее в антисоветских воинских подразделениях немецкой армии.

Мотивы участия этих людей в движении антифашистского Сопротивления в Италии, а также в других странах Европы, где развивалось активное Сопротивление немецким оккупантам, были различны: у одних — раскаяние, у других — страх за свою судьбу, стремление искупить вину и завоевать право возвращения на Родину, у третьих — желание прикрыть свои изменнические действия.

Разными путями советские люди вступали в партизанскую борьбу. В большинстве случаев они опирались на помощь местных подпольных коммунистических организаций и групп. Иногда им удавалось установить контакт с антифашистским подпольем еще во время пребывания в различных рабочих командах, что нередко способствовало организованному побегу и быстрому включению в борьбу с гитлеровцами. «Мы слышали о

¹ Луиджи Лонго, Указ. соч., стр. 66.

действии партизан в Италии,— рассказывал И. П. Ушаков.— Мысль присоединиться к ним не покидала меня ни днем, ни ночью».

Иван Павлович Ушаков в плен попал в августе 1943 года и из Восточной Пруссии в составе рабочей команды был отправлен в Италию, где работал конюхом в немецкой воинской части. В начале июня 1944 года он бежал к итальянским партизанам и вместе с гарибальдийцами принимал участие в боевых операциях против нацистов, власовцев и казачьих частей атамана Доманова.

Узнав от итальянского пастуха о местонахождении гарибальдийцев, к ним 13 сентября 1944 года прибыл вместе с товарищами А. В. Лепешкин. Советские патриоты пришли к своим итальянским друзьям не с голыми руками — они доставили им автомашину, три винтовки, гранаты и взрывчатку. Характеризуя деятельность А. В. Лепешкина в партизанском отряде, командование штурмовой гарибальдийской бригады «В. Авезани» в апреле 1945 года свидетельствовало: «Андрей Васильевич и другие русские товарищи отбили у немцев грузовик с оружием и амуницией. Невзирая на серьезные трудности, с которыми постоянно сталкивался Лепешкин, он был всегда примером для остальных своих товарищей-гарибальдийцев.

Андрей Васильевич участвовал в самых разнообразных операциях (актах саботажа, атаках против немецких колонн, подавлении фашистских элементов). Следовавшие один за другим артиллерийские обстрелы не могли сломить высокого духа самопожертвования и чувства дисциплины, которые вдохновляли его в жестокой борьбе за свободу итальянского народа и общее дело объединенных наций.

23 апреля 1945 года отряд получил приказ перейти к активным действиям. В атаке он был среди первых, освобождая многие населенные пункты. В итоге от уничтожения было спасено много складов, удалось перерезать вражеские пути сообщения и захватить большое число пленных, а также значительные трофеи. Эти действия позволили войскам союзников беспрепятственно продвигаться вперед в освобожденных партизанами зонах. Отношение Лепешкина к местному населению было в высшей степени гуманным...»

Тамбовский колхозник Т. В. Ильин бежал из рабочей команды к партизанам, когда гитлеровцы отправили его на ремонт железнодорожного полотна. Двое суток он пробирался в горы. Связаться с партизанами ему помогла итальянская патриотка, которая поначалу прятала его в своем доме, а потом переправила в отряд. «Когда она привела меня в отряд,— рассказывает Тимофей Васильевич,— я был принят лейтенантом Деме, который через переводчика расспросил меня, как я попал в плен, где содержался, откуда бежал...»

Оценивая его боевую деятельность в составе партизанского отряда «Альфредо де Маттени», входившего в 44-ю альпийскую дивизию, командование отмечало, что «Ильин Т. В. участвовал во всех боевых операциях, проводимых дивизией... вплоть до краха немецкой армии и всегда добросовестно выполнял свой долг...».

Смелостью и находчивостью отличалась боевая деятельность в рядах итальянских партизан и другого тамбовского колхозника, Н. И. Князева.

После четырех окружений, из которых он сумел выйти, Николай Иванович в конце августа 1942 года в полуживом состоянии был пленен. В 1943 году в составе рабочей команды он был отправлен в Италию; научившись немного итальянскому языку, Н. И. Князев познакомился с итальянцами и при их содействии бежал к партизанам. Последний год войны он сражался против немецких захватчиков в составе батальона «Вальданио». Характеризуя боевую деятельность Н. И. Князева, Комитет национального освобождения Новента Вичентини подчеркивал, что «он принимал участие в актах саботажа вместе с местными партизанами до 28 апреля 1945 года, то есть до освобождения...».

Известно также, что бок о бок с итальянскими партизанами в добровольческом корпусе «Свобода» сражался советский гражданин Г. С. Суровенков. Как явствует из материалов командования подвижных частей бригады «Маттеотти», он примкнул к итальянским патриотам 1 июля 1944 года. Перед побегом Григорий Сергеевич поджег немецкий склад, забрал три автомата и при содействии итальянской антифашистки, работавшей у нацистов уборщицей, ушел в горы. Суровенков принимал участие во многих боевых операциях, в том числе и в освобождении Турина.

Длинный и тернистый путь по дорогам войны прошел Илья Борисович Алисов, работавший до призыва в армию бригадиром в одном из совхозов Краснодарского края.

«В плен к немцам,— рассказывает Алисов,— попал я под Ставрополем. Как и других, меня вызвали на допрос к коменданту лагеря... Спрашивали, сколько я нахожусь в армии, коммунист ли я, в какой должности служил в армии, кто из пленных коммунисты... Когда я ответил, что не знаю, комендант лагеря ударил меня кулаком по лицу, а когда я упал, стал бить ногами...» В конце 1943 года Алисов из Проскуровского лагеря военнопленных был отправлен в Италию, а уже 15 января 1944 года при помощи итальянских крестьян, снабдивших его одеждой и продуктами питания, бежал к партизанам.

Бессмертной славой покрыл себя сержант Красной Армии Ф. А. Полетаев, примкнувший в Италии к партизанам и сражавшийся в составе итальянской партизанской бригады «Оресте». За подвиг в бою в районе Канталупо 2 февраля 1945 года он посмертно удостоен высшей награды итальянской республики — Золотой медали за воинскую доблесть. Указом Президиума Верховного Совета СССР Полетаеву Федору Андриановичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Сообщая об обстоятельствах гибели Ф. А. Полетаева, Генуэзский провинциальный комитет национального объединения партизан Италии в 1946 году писал: «Из числа советских граждан, сражавшихся в составе 58-й гарибальдийской бригады «Оресте», действовавшей в 6-й лигурийской зоне за честь и независимость Италии, кроме Полетаева, погибли Кончин Н. Г. и Рыбак А. В. Находясь вдали от родины, в условиях фашистского гнета, советские люди проявили высокую идейность в борьбе за свободу. Их тела покоятся на нашей земле, и память об их делах навсегда останется в наших сердцах. Их имена высечены на мраморном мемориале Победы, и они останутся в веках примером для наших потомков...»

Как свидетельствует объединение итальянских партизан города Пиза, «в январе 1944 года в районе Карлинии группа военнопленных красноармейцев, одетых в немецкую военную форму, установила контакт с парти-

знами отряда, которые вскоре привели эту группу в штаб 23-й гарибальдийской бригады. Через переводчика мы узнали о желании этих людей сражаться против фашистов и можем подтвердить их участие в боях, стоивших потерь противнику. Группа беспрестанно пополнялась новыми бойцами, число которых достигло 97. Поведение этих людей было образцовым. Командование может засвидетельствовать их храбрость и отвагу в боях. Так, например, боец Иван Константинович Боско (из Киева), будучи раненным в бою против немцев, продолжал сражаться до тех пор, пока не был сражен насмерть».

Итальянские партизаны хорошо помнят командира русско-славянской партизанской группы С. Н. Сорокина, которому в ту пору шел двадцать второй год. «В сердце моем было только одно желание,— рассказывает он,— получить в руки оружие и бить фашистскую нечисть на ее территории. Через несколько дней в горном местечке, на одной из партизанских баз я получил автомат. Желаемая мечта стала явью. Вместе с товарищами, недавними пленными, мы влились в партизанскую бригаду имени Джузеппе Гарибальди. Хочется вспомнить один из первых боевых эпизодов. В деревне Санта-София находилось много карабинеров. Как вызвать их в горы, чтобы уничтожить и захватить оружие? Ведь у нас был лишь один ручной пулемет да несколько автоматов и пистолетов. Где сделать засаду? Решение пришло от старших товарищей. Надо было уничтожить одного из местных чернорубашечников, отнести его труп в горы и там организовать засаду. Фашиста арестовали ночью на его квартире, вывели в горы и по решению партизанского трибунала расстреляли. Потом послали своего старика в казарму карабинеров: так мол и так, в горах лежит убитый член фашистской партии и его нужно похоронить.

Уже к 12 часам дня взвод карабинеров вышел в горы. Наши товарищи наблюдали за ними. У фашистов два ручных пулемета, три автомата, 28 винтовок, есть чем поживиться.

Наш Либеро крикнул по-итальянски: «Руки вверх!»

Кто-то из фашистов успел выстрелить в его сторону, но промахнулся. Наш пулемет дал длинную очередь, и громкое «ура» ошеломило карабинеров. Они попадали

на землю, подняв руки. Разоружение фашистов произошло за несколько минут. Командира мы расстреляли, а у солдат взяли подписку, что они не вернуться в отряд харабинеров и будут поддерживать партизан»¹.

Грудь С. Н. Сорокина украшена многими итальянскими наградами. Но самая почетная среди них — высший партизанский знак итальянского движения Сопротивления — Гарибальдийская звезда. Советский гражданину получил ее вместе с грамотой, подписанной Генеральным секретарем ИКП Луиджи Лонго. Перламутровый цветок в петлице — это почетный знак гражданина Флоренции. Остальные медали — за освобождение Форли, Прато, Болоньи. Неспроста на далекой итальянской земле жителя воронежских просторов и теперь называют товарищем Серджио, боевым другом.

Широкую известность приобрел в Италии «русский ударный батальон», которым командовал В. Я. Переладов. Это партизанское подразделение объединило свыше ста советских граждан. Оно выполняло наиболее важные задания гарибальдийцев и снискало большое уважение итальянских партизан.

Осенью 1941 года Переладов попал в плен и вскоре был определен конюхом в воинскую часть. Вместе с подразделением немецкой армии Переладов оказался в Италии и там бежал к партизанам. В 1945 году после возвращения на Родину он писал: «Мне хорошо запомнились слова товарища Сталина, который, обращаясь к советским гражданам, попавшим под временную немецкую оккупацию, призывал... уничтожать захватчиков и их военное имущество. Этот приказ... был повседневным боевым лозунгом в нашей партизанской жизни. Я мстил фашистам за издевательства и мучения, которые они чинили над нашим советским народом...»

Личный состав «русского ударного батальона» повредил или уничтожил 121 мост на важных для оккупантов в стратегическом отношении дорогах, подбил и уничтожил более 350 автомашин с боеприпасами и живой силой противника, разоружил 50 гарнизонов чернорубашечников. За время боевых операций батальон Переладова уничтожил и захватил в плен не менее 4500 немецких и итальянских солдат и офицеров.

¹ Газета «Коммуна», Воронеж, 3.V.1967 г.

Советских граждан можно было видеть почти во всех итальянских партизанских соединениях. Они принимали участие в боевых операциях в составе 2-й дивизии «Реди» бригады «Рокко», 3-м батальоне «Эмилио», в бригаде «25 Июля», в партизанских отрядах, действовавших в районах Копельяно и Удине, в 51-й бригаде ломбардийской дивизии «Алисто», в партизанских отрядах, действовавших в районе Лента, в штурмовой бригаде «Уго Личани», в бригаде «Берето», в составе дивизии «Вигоньо-Сердажио-де-Вите», 1-й дивизии «Пьяченца» и многих других соединениях, частях и подразделениях итальянской партизанской армии.

Следует подчеркнуть, что боевая деятельность советских граждан в Италии значительно осложнялась тем, что они часто не знали итальянского языка и окружающей местности, слабо были знакомы с культурой итальянцев, их национальными обычаями, особенностями административного устройства и оккупационного режима. Однако все эти трудности с помощью итальянских друзей с течением времени преодолевались.

Гитлеровская контрразведка и карательные подразделения не жалели сил и средств для уничтожения советских партизанских групп и отрядов. Ведь их появление в том или ином районе, как правило, заметно активизировало антифашистскую борьбу местного населения. Враг не раз бросал против советских партизан крупные войсковые силы, но достичь своей цели так и не смог. Высокие моральные и боевые качества советских воинов, действовавших в Италии, их богатый опыт борьбы в тылу врага помогали им преодолевать все трудности. Умело маневрируя, нарушая связь и снабжение врага, неожиданно появляясь в самых уязвимых для противника местах, они наносили ему удары возрастающей силы.

В ходе освободительной войны в Италии отчетливо проявилось стремление реакционных сил и командования союзных войск погасить пламя партизанской борьбы, ослабить левые силы движения Сопротивления, не допустить вооружения народа. Не случайно поэтому американцы и англичане практически не оказывали никакой помощи тем партизанским отрядам, которые действовали под руководством коммунистов.

Движению Сопротивления итальянского народа немалый ущерб причинил и Ватикан, который всегда был оплотом реакции и врагом социального прогресса. В начале войны он открыто выступил на стороне немецко-фашистских агрессоров. Так, 30 июня 1941 года кардинал Бодрийар с циничной откровенностью заявил: «Война Гитлера против СССР — это благородный подвиг в защиту европейской культуры против коммунизма»¹. Ватикан благословлял гитлеровцев и итальянских фашистов, отправлявшихся на Восточный фронт и в Северную Африку, освящал их оружие и, по существу, воодушевлял на преступления. Больше того, католический священник Ленер заявил даже, что нет оснований обвинять Гитлера в том, что по его приказу было убито три с половиной миллиона советских пленных, так как, поскольку Россия не присоединялась к Гаагской конвенции о военнопленных, Германия «не обязана была соблюдать статьи этой конвенции в пользу восточных врагов»².

Вместе с тем Ватикан всегда «держал нос по ветру» и, будучи хорошо информированным о событиях, происходящих во всем мире, может быть, раньше других учуял надвигавшуюся на гитлеровскую Германию и ее союзников неизбежную катастрофу. Он сделал все возможное, чтобы поддержать гитлеровцев и итальянских фашистов. Ватикан тайно помогал немецким оккупантам выявлять и вылавливать подлинных борцов за национальное освобождение, что подтверждается, в частности, показаниями свидетелей на судебном процессе над военным преступником эсэсовцем Капплером. Так, инспектор политической полиции Джузеппе Асси показал, что из обнаруженных им документов в штаб-квартире СС на улице Тассо в Риме явствует, что по заданию командования СС в Риме Ватикан через священника Микели купил загородную виллу и предоставил ее в распоряжение шпионов, работавших в пользу СС.

В начальный период оккупации немцами Италии Ватикан оказал им большую услугу тем, что, используя огромную армию священников и монахов, воздействовал на население, призывая его к «благоразумию», к отказу

¹ «Propaganda» (приложение к журналу «Ринашита»), № 26, 30 novembre, 1949. A cura della commissione Stampa e Propaganda della direzione del PCI. Il Vaticano contro il progresso, p. 10.

² «Civiltà Cattolica», 4 aprile 1946.

брать в руки оружие. Но по мере того, как оккупанты обнажали свой звериный оскал, применяя жестокие репрессии в отношении борцов за освобождение, гнев народный возрастал и пропаганда Ватикана становилась все менее эффективной. Были даже случаи непослушания приходских священников своим иерархам из Ватикана и их непосредственного участия в партизанской борьбе на стороне сил национального освобождения.

Когда же высадившиеся на Апеннинском полуострове англо-американские войска подошли к центральной части Италии и освобождение Рима было вопросом нескольких дней, Ватикан вынужден был серьезно подумать о том, в каком виде он предстанет перед освобожденным от немецких оккупантов народом Италии, силами антигитлеровской коалиции и мировым общественным мнением.

Для доказательства своей «лояльности» к странам антигитлеровской коалиции, своей «гуманности» и благотворительности Ватикан укрывал военнопленных англичан, поляков, русских, французов, югославов и лиц других национальностей, бежавших из немецкого плена, что в известной степени могло бы реабилитировать его в глазах общественного мнения. Но эта деятельность папской курии имела и иной смысл. Укрывая от немцев какие-то группы военнопленных, Ватикан стремился взять их под свой контроль, удержать от активной вооруженной борьбы против нацистов. И это в определенной степени ему удалось.

Луиджи Лонго отметил, что «подпольная военная организация патриотов в Риме в значительной мере контролировалась военными специалистами... сторонниками тактики выжидания», что ее дух определялся «характером приказов, издававшихся итальянским генеральным штабом на освобожденной территории, союзным командованием и Ватиканом. Эти «специалисты» больше всего опасались самостоятельных действий народных масс и призывали, сидя в монастырях, спокойно дожидаться прибытия войск союзников. В Риме активные партизанские операции против немцев и фашистов предпринимались исключительно коммунистами и некоторыми другими группами левого направления»¹.

¹ Луиджи Лонго, Указ. соч., стр. 219—220

Известно, что Восточная конгрегация Ватикана, руководимая кардиналом Тиссереном, организовала в Риме Комитет покровительства русским военнопленным, выделив для непосредственной работы в нем нескольких католических священников — бывших русских эмигрантов, поступивших в свое время в католический коллеж «Руссикум». Этот комитет помещался в упоминаемой в данной книге вилле Тай, где было собрано более 100 советских граждан, бежавших из немецкого плена или вспомогательных частей немецко-фашистской армии. Сразу же после занятия Рима англо-американскими войсками Комитет покровительства русским военнопленным организовал торжественный прием проживавших на вилле Тай русских военнопленных папой Римским, который, разумеется, не без определенного политического расчета обратился к ним со словами похвалы и восхищения.

Советские люди в Италии пользовались исключительным авторитетом и доверием среди партизан и местного населения. Своей самоотверженной борьбой против фашистских поработителей, бесстрашием и отвагой, благородством и честностью, нравственной чистотой они завоевали любовь и уважение итальянского народа.

Участие советских людей в движении Сопротивления имело исключительно важное значение. В своих воспоминаниях бывший командир одного из итальянских партизанских отрядов Сербандини (Бини) подчеркивает, что советский человек в Италии «олицетворял собой защитников Ленинграда, Москвы, Сталинграда — тех, кто своим героическим сопротивлением и своими победами создал решающие предпосылки и для успеха нашего движения Сопротивления и освобождения. Для нас, двадцать лет томившихся под фашистским игом, советский человек олицетворял собой воплощенные в жизнь идеалы социальных свершений и братства народов!».

В послевоенные годы в нашей стране опубликовано большое количество исследований, очерков, воспоминаний советских и зарубежных авторов — участников освободительной борьбы народов Европы. В этих произведениях широко освещаются боевые дела советских людей в рядах движения Сопротивления народов Польши, Че-

хословакии, Югославии, Болгарии, Греции, Франции, Бельгии и самой Германии. Историки, писатели и журналисты показывают в своих работах нравственную силу, высокую сознательность, самоотверженность, дух пролетарского интернационализма—черты, свойственные советскому человеку, так ярко проявившиеся перед лицом смертельной опасности.

Однако мы все еще недостаточно подробно знаем о подвигах, совершенных советскими патриотами на итальянской земле.

Этот пробел в определенной мере устраняет книга Мауро Галлени «Советские партизаны в итальянском движении Сопротивления». Ее автор проделал огромную работу по розыску и систематизации свидетельских показаний и других документов, рисующих самоотверженную борьбу советских людей за дело национального освобождения Италии.

Участвуя в подпольной и партизанской борьбе на территории этой страны, граждане СССР часто погибали безвестными героями, и советский читатель будет благодарен Мауро Галлени за то, что он воскрешает добрые дела и имена многих наших соотечественников, выполнивших свой интернациональный долг и отдавших свою жизнь за свободу и независимость итальянского народа.

Приведенные в этой книге многочисленные примеры показывают, как под руководством ИКП и других прогрессивных сил Италии в стране росло и ширилось Сопротивление фашизму, как наряду с итальянскими антифашистами все большее участие в нем принимали советские граждане.

На страницах книги Мауро Галлени читатель найдет убедительные доказательства того, как победы Красной Армии ускорили крах режима Муссолини, воодушевили итальянских патриотов на активную борьбу против реакции и фашизма, помогли им обрести уверенность в победе над теми силами, которые не раз толкали итальянский народ при жизни одного поколения на скользкий и опасный путь военных авантюр.

Читатель будет благодарен автору за то, что он на многочисленных примерах показывает глубокие взаимные симпатии итальянских и советских трудящихся, их пролетарский интернационализм, боевую дружбу совет-

ских и итальянских партизан, скрепленную кровью в совместной решительной борьбе против общего врага.

Вдохновляемые ленинскими идеями, сознанием своего интернационального долга, советские люди будут и впредь крепить дружбу с трудящимися Италии и других стран, солидарность с ними в борьбе против сил империалистической реакции, за мир и светлое будущее всех народов.

*Д. Буланов,
Н. Горшков*

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	5
Глава первая. Мы выполнили свой долг	9
Первые проявления симпатии	10
Мать из Милана	11
Советская монета	17
Солидарность ширится	19
Отец Черви, мать Анджелина	21
Заслуженная признательность	27
Кровь от крови нашей	28
Глава вторая. Вклад советских людей в освобождение	
Марке и Лацио	32
Советские женщины в Марке	33
Вклад советских партизан в освобождение Лацио	35
Побег из лагеря Монтеротондо	38
Сражаясь против немцев	40
Бой при Дженцано	42
Они пали в бою при Фонтана-Она	46
От Палестрины до Монтеротондо	47
Освобождение Рима	49
Глава третья. Свыше 1600 советских граждан в рядах	
движения Сопротивления в Тоскане	53
Украинец Буянов	62
Сорок павших во Флоренции	63
Бой у Пьян-д'Альберо	67
Повешенные в Фильине-ди-Прато	70
Подвиги Ивана Барановского в Пистойе	71
Глава четвертая. Неукротимый боевой дух советских	
партизан в Лигурии	81
Первые погибшие в провинции Империя	82
Партизанский герой Иван Полящук	84
Свыше 60 советских партизан во 2-й зоне	85

«Если дашь приказ»	90
В рядах первых партизанских отрядов Генуэзской провинции	94
Возникновение БИРС	99
Наиболее значительные эпизоды	103
«Я буду продолжать исполнять свой долг»	105
Память о Якове Гореве	106
Федор Полетаев	110
Награда Тирикова	113
Трагический эпизод	114
Глава пятая. В Ланге, долинах Пьемонта и Ломбардии	117
Майор Алён Конев	117
Гибель Ивана Волкова	120
В 16-й гарибальдийской бригаде	121
Крупные партизанские группы в Туринской провинции	123
Битва в Лиис	126
Дерзкий налет на «Аэриталиа»	127
Сражение у Бальмафол	129
300 советских партизан в провинции Новара	135
Сражение у Гравеллона	139
360 советских партизан в Ломбардии	141
Сражение у Гонцага	146
В долинах провинции Брешиа	147
Глава шестая. Легендарные подвиги в Эмилии-Романье	152
В подразделениях провинции Романья	152
Рота Сорокина	155
Анатолий Абрамов и другие партизаны, замученные в Казелеккио-ди-Рено	157
Советские партизаны бригады «Стелла Росса» и героическая смерть Каратона	159
Гибель партизан бригады «Маттеотти»	162
В 36-й бригаде «Бианкончини»	163
Битва при Ка-ди-Гуццо	164
150 советских бойцов в провинции Реджо-Эмилия	167
Некоторые крупные боевые операции	169
«Русский батальон» в провинции Модена	170
Героизм в Монтефиорино	176
Свидетельства очевидцев	178
Советские партизаны в отрядах северной Эмилии	179
Память о Грозном	181
Глава седьмая. Советские люди, погибшие в области «Трех Венеций»	183
Советские люди в венецианских подразделениях	184

Операции группы Бортникова и Кузнецова	185
Два батальона в Венеция-Джулия	189
Казачи предателя Власова	190
Батальоны советских людей во Фриули	191
Батальон «Чапаев»	192
Гордость	194
Приложение	195
Послесловие	198

Мауро Галлени

**Советские партизаны
в итальянском движении
Сопротивления**

Художник *М. Шевцов*
Художественный редактор *Л. Шканов*
Технические редакторы *И. Токер,*
Н. Андрианова
Корректор *А. Илюхина*

Сдано в производство 18/III 1970 г.
Подписано к печати 31/VII 1970 г.
Бумага 84×108¹/₃₂ бум. л. 3¹/₂ печ. л. 11,76
Уч.-изд. л. 11,65. Изд. № 6/9883
Цена 76 коп. Зак. 85

Издательство «Прогресс»
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 21

Московская типография № 20 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, 1-й Рижский пер., 2

